
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
81-6

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 36 (2045)

4 СЕНТЯБРЯ 1966

Зачетка жизни

Студентка из Чехословакии Яна Бартошова впервые на казахстанской земле.

Шестьдесят тысяч студентов разлетелись этим летом по всей стране. Не отдыхать, а строить. Возводить дома и фермы в совхозах Казахстана, электрифицировать села в 60 областях страны, восстанавливать Ташкент. Везде и всюду — от полуострова Мангышлак до Игарки, от Дальнего Востока до Белоруссии — можно было встретить в дни каникул строительные студенческие отряды.

Один из самых больших отрядов — в Казахстане. Оттуда и ведет репортаж наш корреспондент.

В. ТИХОМИРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Интеротряд встречают в Щучинске.

ИНТЕРОТРЯД

Час дня. Над Щучинском, небольшим городком, беспощадное солнце. На вокзале собрались пионеры в парадной форме. Тут же налаживают аппаратуру фотокорреспонденты.

Наконец диктор объявляет: поезд прибыл. И привокзальная площадь, обычно тихая, сонная, сразу заполняется разноязыким говором, песнями, смехом, чем-то напомнив московские площади в дни молодежного фестиваля. Это прибыл Интеротряд — студенты Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии. Скоро вслед за ними пожалуют гости из Франции и Югославии.

На крышах поудобнее устраиваются любопытные. Начинается митинг. Он короткий: студентам митинговать некогда, за время каникул они должны воздвигнуть в Щучинском совхозе несколько жилых домов, два магазина, гараж, тепличный комбинат. И еще поработать на стройке двух птичников. Выражаясь языком специалистов, за полтора месяца надо освоить 300 тысяч рублей. Это не шутка! А студенты советских вузов, в свою очередь, будут работать на стройках Чехословакии, Венгрии, Франции...

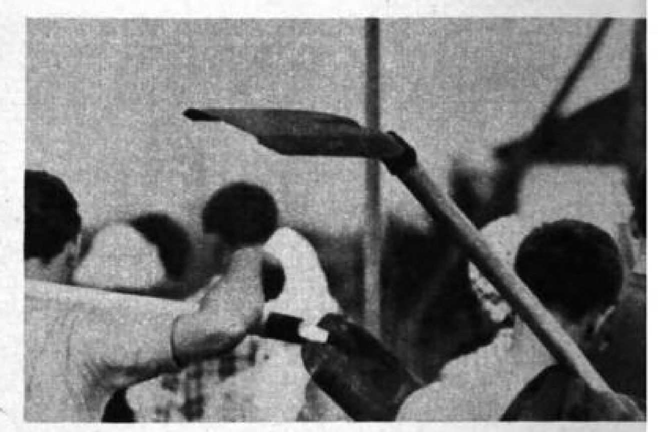
...Сначала расселились землячествами, подняв над палатками национальные флаги. А вскоре к Лене Шарыпину, комиссару отряда, пришли венгры и сказали: «Хотим жить вместе с советскими студентами». И началось переселение народов. Теперь в одной палатке встретишь ребят из Венгрии и Чехословакии, ГДР и Польши и, конечно, ленинградских студентов, которые как бы шефствуют над гостями.

Песни звучат на разных языках, а вот анекдоты рассказывают только на русском. Студенты — то ли в шутку, то ли всерьез — утверждают: лучший способ изучить чужой язык — освоить сотню-другую анекдотов. Оставим этот вопрос на рассмотрение филологов. Но,

В этих палатках живут студенты-строители из ГДР, Венгрии, Польши, Югославии...

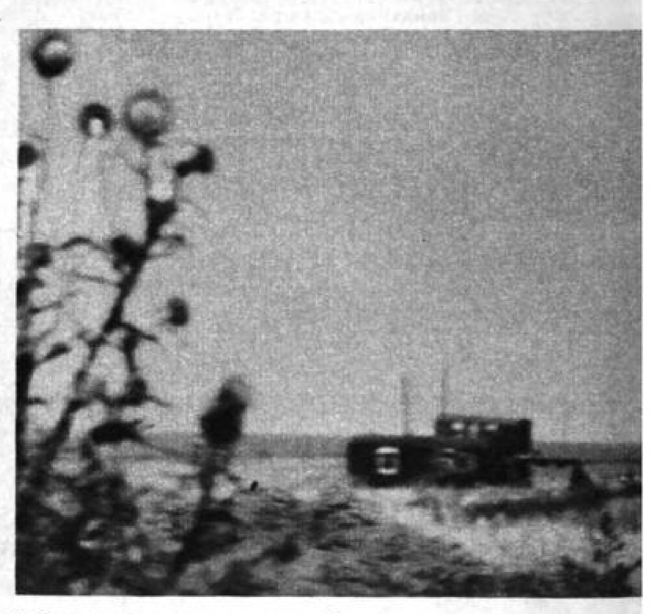
Вот она, работа!

Идут строить...

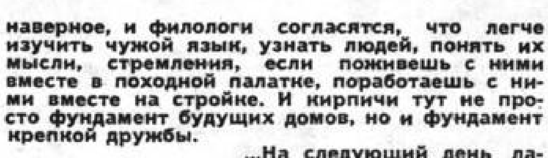

По заветам Мойдодыра.

Чайки осматривают свои будущие владения.

наверное, и филологи согласятся, что легче изучить чужой язык, узнать людей, понять их мысли, стремления, если поживешь с ними вместе в походной палатке, поработаешь с ними вместе на стройке. И кирпичи тут не просто фундамент будущих домов, но и фундамент крепкой дружбы.

...На следующий день лагерь приобрел уже вполне жилой вид. На палатках появились белые четкие надписи: страна, институт, старший. Над чехословацкой палаткой удобно устроился почетный член отряда — неунывающий Швейк. Венгерские студенты наладили радиоузел, и из их палатки полились джазовые мелодии.

...Первый обед. Его приготовили в совхозе. После дорожной сухомятки окрошка кажется особенно вкусной. Правда, нельзя поднять бокал вина за гостеприимных хозяев: закон есть закон. Но даже сухой закон можно обойти. Вносят подарок совхоза — ящики с кумысом. Это разрешается. С трех градусов алкоголя не разбушуешься.

Сначала ребята решили работать по восемь часов. А когда чехословацкие студенты услышали, что норма на целине — десять часов, явились к комиссару с претензией: «Чем мы хуже?» Пришлось утвердить десятичасовой рабочий день. И еще одно решение, принятое единодушно,— провести День солидарности с борющимся Вьетнамом.

...Вечернюю темноту разогнали горящие факелы. Суровые лица, стиснутые кулаки, плакаты с требованием прекратить войну во Вьетнаме. Выступает студент из Братиславы Стефан Кудлаш. От имени своих друзей он заявляет: «Мы готовы встать в один строй с вьетнамскими патриотами». Ему дружно аплодируют советские и иностранные студенты, аплодируют жители поселка. И легкий ветер колышет над их рядами голубое знамя Интеротряда.

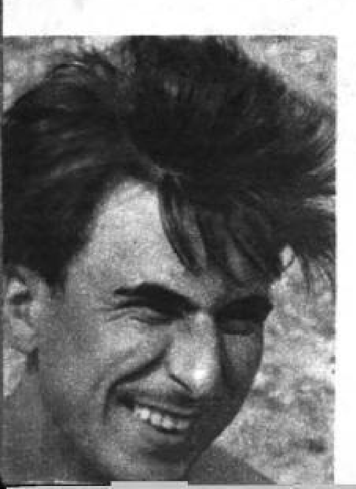
ЛИМАНЫ И СТЕПИ

Еще прошлым летом мне очень хотелось побывать в отряде Московского гидромелиоративного института, который тогда начал возводить плотину на реке Дамса, в поселке Шортанды, Целиноградской области. Это один из крупнейших отрядов на целине. В нынешнем году он заканчивает строительство плотины. Будущей весной здесь разольется водохранилище на семь миллионов кубометров. И жители поселка получат воды вдосталь. Река Дамса, пересыхающая летом, не могла напоить быстрорастущий поселок, а тем более обеспечить водой поля Всесоюзного института зернового хозяйства, по заказу которого строится плотина. А водохранилище даст институту несколько сотен гектаров поливных земель.

Кровь из носа, а плотину закончим в сентябре — таково решение студентов-гидромелиораторов, хотя работы еще очень много.

Студенты знают: за их работой пристально следят ученые института зернового хозяйства. Они уже четвертый год проводят опыты по лиманному орошению полей. 100 центнеров сухого сена с гектара — таков результат опытов. А обычные целинные сенокосы дают в лучшем случае всего по два-три центнера сена. Вот что несет вода, если ею досыта напоить истрескавшуюся от жары целинную степь.

Лиманы — простейшие гидромелиоративные

← Боец Интеротряда Янош Месарош, студент Будапештского политехнического института.

Беспощадное солнце покрыло землю ранами-трещинами.

Кумыс — единственная лазейка в сухом целинном законе.

сооружения. Делается земляной вал, и в его теле сооружается бетонное водосбросное сооружение, с помощью которого регулируется уровень воды и пропускается вода в нижележащие лиманы. В этом году студенты построят водосбросные сооружения на шести лиманах, а на пяти закончат уже начатые работы.

По утрам солнце будит строителей. А вечером, заходя за горизонт, оно разбивается о камни насыпи. Однако скоро настанет день, когда солнце будет плавно опускаться на воду и орошенная земля покроется густой травой.

Студенты-строители всего этого не увидят. Они будут строить где-то в других местах. Но останутся метровые, выложенные на дамбе из камня буквы: МГМИ — Московский гидромелиоративный институт.

...Где-то сейчас лежат забытые на время зачетные книжки. Много разных граф на их листах. Но нет там, к сожалению, графы для оценок третьего, трудового семестра. И если бы была такая страничка, то на ней, вероятно, написали бы: сданы на «отлично» дом, клуб, школа... Впрочем, не нужна такая страничка. Ведь все студенческие стройки будут вписаны в главную зачетку — Зачетку жизни.

Участники Первого конгресса Первого Интернационала.

Документам — сто лет

В экспозициях Московского музея К. Маркса и Ф. Энгельса можно увидеть интереснейшие документы: это программа, протоколы и резолюции, делегатские мандаты Первого конгресса I Интернационала. Документам исполнилось сто лет.

...Утро третьего сентября. 1866 год. По улицам Женевы движется процессия празднично одетых людей. Несут плакаты с лозунгом: «Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей!». Это делегаты первого международного рабочего конгресса. Среди них рабочие разных специальностей — каменотесы, слесари, граверы, столяры...

В подготовке конгресса деятельное участие принимал Карл Маркс. Он разработал для делегатов Генерального Совета Первого Интернационала особую Инструкцию, затрагивающую основные вопросы международного движения. Однако на конгрессе Маркс присутствовать не смог.

Женевский конгресс обсуждал разработанные Марксом организационные принципы Интернационала. Некоторые резолюции, принятые конгрессом, сохранили свою актуальность до наших дней. Например, резолюция о профсоюзах, в которой говорилось о необходимости сочетания борьбы экономической и политической. Эту резолюцию отмечал впоследствии Владимир Ильич Ленин: «Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии».

Важным решением конгресса Первого Интернационала в Женеве было утверждение Устава. В основу его положен Временный Устав, написанный Карлом Марксом в 1864 году. Проект Устава приняли единогласно. Членом Интернационала, говорилось в Уставе, может быть каждый, кто принимает и защищает его принципы. На обороте членских билетов можно было прочитать основные принципы Международного Товарищества Рабочих: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Я очень опасался за первый конгресс в Женеве,— писал Маркс,— но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания».

М. ДИГОРОН

Наши интервью

День солидарности журналистов

Осенью этого года исполняется 20 лет существования МОЖ — Международной организации журналистов. На рисунке Жана Эффеля юбиляр тушит 20 свечей именинного пирога.

— Но фактически,— сказал секретарь правления Союза журналистов СССР Даниил Федорович Краминов,— МОЖ родилась несколько раньше. Еще во время войны с фашизмом в Лондоне состоялась встреча журналистов стран антигитлеровской коалиции и стран, оккупированных фашистами. В этой встрече приняли участие по два представителя от Советского Союза, Англии, США, Франции, Чехословакии, Польши и некоторых других государств.

Созданное в ходе встречи объединение журналистов преследовало цели координации работы сначала для содействия победе над фашизмом, а затем для укрепления мира и сотрудничества между народами. Официально же Международная организация журналистов существует с 1946 года — года первого ее конгресса в Копенгагене. В течение всех 20 лет своего существования МОЖ неоднократно организовывала совместные выступления журналистов в защиту мира и дружбы народов, активно разоблачала агрессивную политику американского империализма, возрождение западногерманских реваншистов. В рамках МОЖ был создан международный фонд солидарности, чтобы оказывать помощь журналистам, подвергнувшимся репрессиям реакционных сил. Такая помощь, вспоминает Д. Ф. Краминов, была оказана Анри Аллегу и его семье, семье южноафриканского журналиста Бантинга, брошенного в тюремные застенки полицией Фервурда, колумбийским журналистам, оказавшимся без средств к существованию после переворота, произведенного в Колумбии Соединенными Штатами в 1953 году. Из этого же фонда оказывается материальная помощь странам, недавно получившим независимость, в частности африканским государствам, которые безвозмездно получают от МОЖ типографские машины и оборудование, фотоаппараты и пишущие машинки.

Несколько лет тому назад, продолжает свой рассказ участник лондонской встречи Д. Ф. Краминов, МОЖ установила 8 сентября Международным днем солидарности журналистов. Эта дата была выбрана потому, что именно 8 сентября геройски погиб от руки фашистских палачей выдающийся журналист Юлиус Фучик. Погиб на боевом посту, сумев написать в тюрьме и передать на волю свой знаменитый «Репортаж с петлей на шее».

Ну, а в октябре этого года, заканчивает свой рассказ Д. Ф. Краминов, члены МОЖ соберутся в Берлине на свой очередной, шестой конгресс.

Конкурс читателей:

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

Национальный праздник — День свободы — отмечает 9 сентября болгарский народ. Советский Союз и Народную Республику Болгарию издавна связывают узы искренней братской дружбы.

Советско-болгарской дружбе посвящается конкурс, организованный нашим журналом. Сегодня мы начинаем публикацию материалов, присланных нам читателями. Лучшие очерки, рассказы, фотографии и рисунки, полученные журналом до 1 октября, будут опубликованы в «Огоньке» и отмечены премиями. Две первые премии — поездки в Болгарию.

В редакцию пришло уже много писем. Вот о чем рассказывают три из них.

Данко

Обычно он появлялся на берегу во второй половине дня с ватагой загорелых до черноты сверстников. В полосатых майках и резиновых сандалиях, которые болгары называют следниками, мальчишки разбредались по переполненному пляжу и меняли сувениры.

На этот раз он пришел утром и один. Устроился на песке неподалеку, подставил жаркому солнцу бронзовое тело и стал смотреть на море. Оно было пустынным и тихим, словно чья-то рука разгладила всю рябь воды. Далеко, у самого горизонта, шел белый корабль. Отсюда, с берега, он казался неподвижным.

— На Одессу пошел,— сказал по-болгарски мальчик.

Я понял его скорее по интуиции и, чтобы поддержать разговор, спросил:

— Как тебя зовут?

— Данко.

— Данко?

— Да,— сказал он и продолжал уже по-русски:— Почему так удивляетесь? Разве вы не читали Горького?

— Читал, конечно, но...

— Мама говорила, что меня назвали в честь того Данко.

— А откуда так хорошо знаешь русский язык?

— Мама с папой обучили. Ну и в гимназии...

— А кто твои мама и папа?

— Врачи. Работают в этом международном лагере.

Мальчик поднялся, взял в руки полосатую майку и сандалии, аккуратно положил их рядом с моими шортами и сел совсем близко. Ему было не больше двенадцати лет.

— Вы из Москвы? — тихо спросил Данко.

— Нет, из Новгорода.

— Это где?

— Рядом с Ленинградом.

Он нахмурил лоб и замолчал. Я незаметно следил за выражением его лица, но оно оставалось сосредоточенным.

— Вспомнил,— проговорил Данко наконец.— Александр Невский, да?

...Какое блаженство — море! Мы не вылезали из теплой воды до тех пор, пока не устали. Плавали, ловили скользких медуз и даже играли в водное поло. В воде Данко был проворен, как рыбка,— отличительное качество всех мальчишек, живущих у моря.

— Ты читал книжку «Белеет парус одинокий»? — спросил я у него, когда мы, перетащив одежду ближе к воде, снова растянулись на золотистом песке.

— Про Петю и Гаврика? Читал. И про Чука и Гека Гайдара — тоже.

Он начал перечислять все, что читал из советских книг. Назвал многих русских и советских писателей, проявил познания в области истории и географии нашей страны и совсем удивил меня тем, что назвал весь состав футбольной команды «Спартак».

Теперь мы разговаривали на равных. Отвечать пришлось мне. Буквально обо всем: об Артеке, школах, Чапаеве, о революции и искусственных спутниках.

Остаток дня я провел на пляже один. Лишь вечером, когда наступило время ужина, вновь появился Данко. Не снимая сандалий и майки, он сел рядом со мной и погрузил руки в песок.

— Мама и папа приглашают вас к нам. И я приглашаю. Придете?

— Хорошо.

Семья Костадиновых жила в небольшом коттедже с клумбами чайных роз под окнами. У входа меня встретила красивая женщина, мать Данко, и пригласила в дом.

Две комнаты с верандой были обставлены современной мебелью и стеллажами книг во всю стену. На полке — собрание сочинений Горького на русском языке.

— Это страсть жены,— перехватил мой взгляд хозяин дома Райчу Костадинов.— Не признает никого, кроме Горького.

Мы сидели за низким столиком, уставленным вазами с фруктами и белым болгарским вином. В открытые окна с моря тянуло сыростью. Супруги Костадиновы рассказывали о своих поездках в Советский Союз. О том, что собираются в следующий раз взять с собой сына. Спрашивали о моих впечатлениях о Болгарии, об отдыхе и заставляли есть все, что подносила хозяйка.

Наступила ночь, южная, черная, с крупными звездами. Я попрощался с гостеприимным семейством. Данко отпросился меня проводить.

Мы вышли к морю. Песок все еще был теплым. Вспыхивал и гас луч маяка. Расставаясь, Данко протянул мне небольшой сверток.

— Это мой пионерский галстук. На память. И наш адрес в Софии. Только вы пишите прямо мне. И узнайте, пожалуйста, есть ли в вашей стране такая школа...

— Какая школа, Данко?

— Знаете,— тихо проговорил он,— я хочу стать космонавтом.

Николай КОНДРАТЕНКО

Новгород.

РУСАЯ ПРЯДЬ

Сентябрь 1877 года. Вот эти холмы под Плевеном в то время были окутаны пороховым дымом. А вон на том гребне враги подняли на штыки майора Горталова. Последние слова майора были:

— За братьев-болгар — огонь!

Теперь тут изумрудная зелень и торжественная тишина. Тут спят герои, и никто не осмелится нарушить их вечный сон.

Мы входим в ворота, в которые вделан чугунный бюст Горталова, проходим мимо гранитных и мраморных плит, мимо железных и каменных крестов и невольно начинаем говорить шепотом. Мы слышим только голоса птиц и шелест листвы платанов...

«Путник! Когда вступишь под сень этих деревьев, не говори громко, не пой, не шути, не тревожь праха почивших здесь русских воинов. Это место свято для признательной Болгарии». Эти слова отлиты на плите, стоящей на тропе под каштаном.

Чуть дальше перед нами вырастает небольшое здание, увенчанное громадным георгиевским крестом. Дом этот как будто врос в каменный курган.

Молча переступаем порог. Посреди пещеры — саркофаг, или по-болгарски — костница. Сквозь стекла видим рассеченные саблей черепа, простреленные кости — останки русских воинов, павших на этих холмах. Кто они, эти воины?

— Наши братья,— сказал старый болгарин, держащий в руках ключи от костницы.

Старого болгарина зовут Стоян. Он отводит нас от саркофага и показывает на выступы у стен пещеры, похожие на завалинки у деревенских хат. На выступах разложены полуистлевшие шинели, хлястики, ранцы, заржавленные подковы сапог, пуговицы, пряжки. Все это принадлежало воинам, отдавшим свои жизни за Плевен в тот давний сентябрь. Это драгоценные реликвии.

Пуговицы, ранцы, пряжки, и среди них — русая прядь, свернутая в колечко. Чьи это волосы? Как и почему они попали сюда?

— Дедушка Стоян, что это? — спросил я у болгарина.

— Э-э, другарю, история.

— Какая история?

— Святая...

Старик взял меня под руку и сказал:

— Пойдем расскажу.

Мы вышли под голубое небо, под лучистое солнце, под изумрудные листья платанов.

— Садись, другарю,— указал старик на скамейку под деревом, а сам прошел на тропу и негромко позвал: — Младен! Где ты, Младен?

Откуда-то из-за кустов выбежал чистенько одетый мальчик.

— Я вот...— И осекся, смущенно глядя на меня.

— Этот человек из России, из СССР. Сбегай за книгой. Ты знаешь, за какой.

— Знаю. Где про Юру.— Малыш круто повернулся и понесся по тропе.

Старик присел рядом со мной. Долго молчали. И вдруг он начал читать стихи:

Россия! Свято нам оно,
То имя милое, родное,
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

— Кто это написал?

— Иван Вазов. А может, Христо Ботев. А может, сам народ.

Летали иволги. Шептались листья платана. Молча проходили мимо могил люди.

Прибежал запыхавшийся Младен. Старик усадил его на скамейку и заставил читать. Книга — учебник с картинками. Что-то вроде нашей «Родной речи». Читал малыш увлеченно, не замечая, как по лбу ползает божья коровка. Иные фразы произносил, не заглядывая в книгу. Потом старик начал переводить. Вернее, пересказывать. Так ли написано в книге, не знаю, но я запомнил вот что.

Жил в далекой снежной России мальчик Юра. Он научился читать и из книг узнал, как страдает Болгария под турецким игом. Потом он стал уже не Юрой, а солдатом Юрием Галкиным. Много лет прошло, и русский генерал Скобелев повел войско через Дунай. Перед походом в Болгарию Юрий Галкин побывал дома и взял с собой колечко волос сына.

— Во имя тебя, сынок, и во имя болгарских детей иду я на ратную страду за Дунай,— сказал он.

Во многих боях сражался Галкин.

— Тут он и погиб с золотым колечком волос в руке,—сказал старик и погладил черный хохолок на голове внука.

Мавзолей русских воинов, павших под Плевеном при освобождении Болгарии от турецкого ига.

Красная роза

Я не освобождал Болгарию, я не курю «Шипку» и даже не интересуюсь болгарской кухней. Я просто коплю болгарские марки и переписываюсь с другом из болгарского города Пазарджика, интересуюсь его жизнью. Его зовут Иван, мать — учительница русского языка, а отец — токарь. От него я узнал, что в Пазарджике есть большой аккумуляторный завод. И что его папа — передовой работник на этом заводе и его не раз награждали грамотами и подарками. И как чудесно красив его родной город в любые времена года. Иван пишет, что учится хорошо — только на «1» и «2» (такие у них высшие отметки). Уехав на лето отдыхать в Велинград, Иван не забыл написать мне оттуда. Велинград так же красив, в нем много зелени и фонтанов, но в его родном Пазарджике во много раз лучше.

Приехав домой и начав учиться, он сообщил, что их класс изучает по географии наш Красноярский край, и примерно описал наш климат. Недавно он прислал бандероль, в ней было много интересных вещей, и среди них была большая красная болгарская роза.

У меня в Красноярске есть много друзей, но есть и еще один далекий друг: Иван Райкипов. Мне всего тринадцать лет, но я не хочу войны и твердо уверен, что болгарский народ так же, как и все мы, хочет жить в мире и дружбе со всеми народами.

Саша БАЛАЕВ

Красноярск.

Д Ь

— Это не все,— сказал Младен и загадочно поглядел на меня.

— Да, не все.— Перебирая ключи от костницы, старик продолжал: — Не все. Это случилось совсем недавно, когда пришел в Болгарию маршал Толбухин...

Дальше было похоже на сказание, на легенду.

Когда советские воины освободили Плевен, на эти холмы поднялись солдаты и офицеры, чтобы почтить память тех, кто освобождал город в первый раз, в 1877 году. Они вошли в храм-пещеру. И тут один из них вскрикнул:

— Вот оно, колечко! Это прядь волос моего отца.

Солдаты окружили пожилого человека. По его щекам текли слезы.

— Отец рассказывал, что мой дед отрезал у него прядь волос, когда уходил в Болгарию... Это его колечко!

— Я тоже был там.— Старик дрожащей рукой вытянул из кармана платок.— Его тоже звали Юрием... Он тоже принес нам освобождение. Спасибо дедам и внукам, дважды спасшим Болгарию.

Сказание или легенду поведал мне старый болгарин? Не знаю.

Но я сам видел эту русую прядь волос. Она и сейчас там, в храме-пещере, что стоит под георгиевским крестом в парке Плевена.

Дмитрий ТРУНОВ

Махачкала.

Советское физкультурное движение должно носить подлинно общенародный характер, базироваться на научно обоснованной системе физического воспитания, последовательно охватывающей все группы населения, начиная с детского возраста.

Из постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР — О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта.

ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА

Верный друг физкультура должна быть нашим спутником всю жизнь. Партия и Советское правительство неустанно заботятся об этом.

Приняты новые постановления о дальнейшем развитии физической культуры и спорта в стране как одного из важных средств воспитания советского человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Обращено внимание на то, что в нашем физкультурном движении при определенных положительных результатах, достигнутых в последние годы, есть еще серьезные недостатки, что оно еще не в полной мере используется в воспитательной работе.

Предложены совершенно конкретные меры, охватывающие важнейшие вопросы развития физической культуры и спорта. От мала до велика, от самого раннего детства до преклонных лет физкультура будет с нами!

На этих снимках — рядовые огромной армии советского физкультурного движения: девчонки и мальчишки из детского сада, школьники, студенты, рабочие на своем стадионе в Северодонецке, спортсмены группы старшего возраста.

Фото А. Бочкинина.

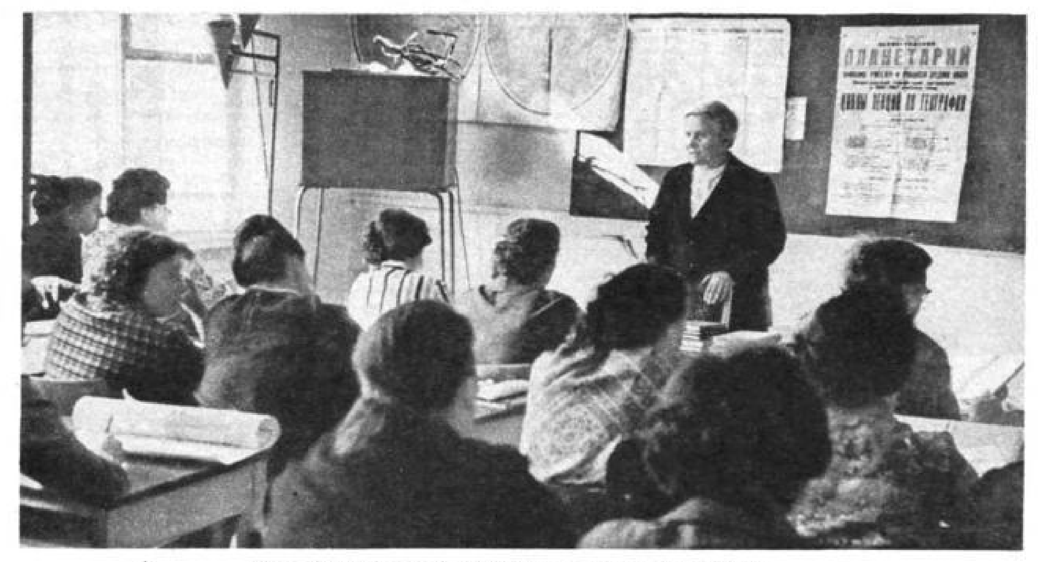

Почта учителя

Лидия Петровна Васильева среди своих коллег.

Спросите у ребят 82-й ленинградской средней школы, где живет Лидия Петровна Васильева. Редко кто скажет «не знаю». Не побывать у учительницы географии — это все равно что отказаться от увлекательного путешествия в далекие страны. А в квартире Васильевой совершить путешествие не так уж сложно: подойдешь к стеллажу, запрокинешь голову и ищешь на книжных корешках название нужной тебе страны. Ну, скажем, Индию. Нашел три огромных тома. Снимаешь их, усаживаешься в удобное кресло и пускаешься в путешествие. Так увлечешься, что и не услышишь голоса Лидии Петровны:

— Хватит на сегодня. Тебе ведь не только по географии уроки готовить.

Наутро учительница географии входит в класс с толстым, разбухшим портфелем. Ребята радостно переглядываются: значит, урок географии будет сопровождаться иллюстрациями. В коллекции географа — пятьдесят тысяч открыток!

Со своими учениками Лидия Петровна не расстается и в летние каникулы. Попробуйте застать ее летом дома. Бесполезно! Учительница и ее питомцы штурмуют Уральские горы или исследуют какие-то местные речушки. Пешком исходила она со своими мальчишками побережье Черного, Баренцова, Балтийского морей, берега Северной Двины, ярославские земли... Более двух тысяч образцов разных минералов собрали ее ученики.

Северо-Западное речное пароходство даже заключило как-то с учениками Лидии Петровны договор на гидрологическое исследование реки Оять в Ленинградской области. Два года ребята со своей учительницей делали промеры, изучали прибрежный рельеф, уточняли водные ресурсы. Сами издавали приказы, назначали начальника экспедиции. А гидрологом назначили Мишу Писарева.

И вот спустя несколько лет в школу пришел парень в ватнике и сапогах. Это был Миша Писарев. Не без гордости рассказал он Лидии Петровне, что стал теперь гидрологом на строительстве Воткинской ГЭС.

— Хорошие у меня ребята,— рассказывает учительница.— Сережа Гудин — геолог, успел побывать на Таймыре, Камчатке, участвовал в разведке якутских алмазов. Павлушка Смирнов — инженер, заядлый турист. Витя Беспалов в двадцать пять лет стал кандидатом химических наук. Вова Ганус — мореплаватель, побывал во многих портах мира. Костя Холшевников читает математику в университете.

Питомцы Лидии Петровны и сейчас видят в ней друга, советчика в жизни. В ее книжном шкафу стопочками сложены конверты. Откуда только не пишут учительнице!

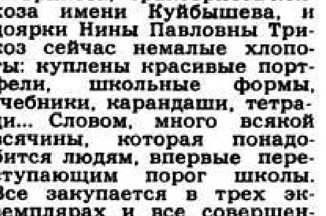
...Письмо из Якутска. Там живет Алексей Путятов, геолог. «Спасибо за ваше теплое письмо, дорогая Лидия Петровна, и за приглашение побывать у вас в случае приезда в Ленинград». Алексей рассказывает о проведенных им важных исследованиях, вспоминает о том, как много ему дала школа и служба в Советской Армии.

А это письмо из более ближних краев — с новгородской земли. Пишут семиклассники Вольногорской школы, из деревни, раскинувшейся у истоков реки Луги. В той школе Лидия Петровна преподавала географию. «Здравствуйте, дорогая Лидия Петровна,— пишут ребята.— Шлем вам свой пионерский привет и добрые пожелания... Приезжайте к нам, будем очень рады».

...Шли последние августовские дни. В свежевыкрашенных, чисто убранных классах было безлюдно и тихо. И только в кабинете географии за столами сидели ученики. Но не дети, а взрослые: Лидия Петровна Васильева делилась с коллегами знаниями и опытом.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото автора.

ВОТ КАКОЕ СОБЫТИЕ!

В семье Николая Кузьмича Трикоза, тракториста колхоза имени Куйбышева, и доярки Нины Павловны Трикоз сейчас немалые хлопоты: куплены красивые портфели, школьные формы, учебники, карандаши, тетради... Словом, много всякой всячины, которая понадобится людям, впервые переступающим порог школы. Все закупается в трех экземплярах и все совершенно одинаковое. Ведь в этом году в первый класс Новоспасовской школы, Матвеево-Курганского района, Ростовской области, поступили сразу три сестренки Трикоз: близнецы Вера, Надя и Люба. Вот какое радостное событие в семье ростовского колхозника!

Первый раз в первый класс идут три сестры—Вера, Надежда и Любовь.

Фото Е. Котельницкого.

Этот снимок сделан в Аддис-Абебе, когда туда прибыл с трехдневным визитом президент Франции генерал де Голль. Президента Французской Республики встречал император Эфиопии Хайле Селассие I. В результате переговоров государственные деятели подписали коммюнике, в котором отмечено сходство взглядов по широкому кругу вопросов. Обе стороны выразили озабоченность в связи с событиями, происходящими во Вьетнаме.

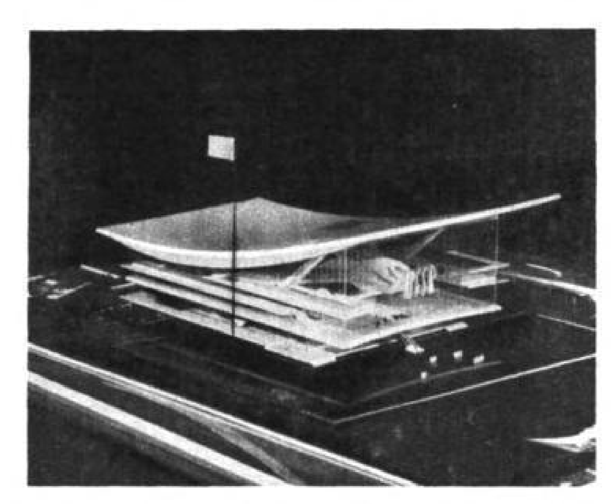
Перед вами лицо расизма, запечатленное американскими фоторепортерами во время расовых «беспорядков» в Чикаго. Волна расовой ненависти захлестнула Соединенные Штаты. При попустительстве полиции американские расисты встречают оружием и камнями демонстрации негров, борющихся за элементарные человеческие права в стране, считающей себя цитаделью буржуазных свобод.

Второй снимок сделан в печально известном негритянском гетто Лос-Анжелоса — Уоттсе во время обыска чернокожих юношей и девушек.

Выступая на днях в Денверском университете, американский президент заявил, что «здоровая внешняя политика — это в основном более широкое распространение того, что мы делаем и чего добиваемся у себя в стране. Позвольте мне,—сказал он далее,— привести вам конкретные примеры».

Не надо примеров, господин Джонсон. У нас они уже есть.

Проект павильона СССР на Всемирной выставке.

МОНРЕАЛЬ, ЭКСПО-67

ЭКСПО-67 — таково сокращенное название Всемирной выставки, которая устраивается в Монреале в 1967 году канадским правительством по случаю столетия существования Канадской федерации.

Корреспондент «Огонька» О. Кнорринг обратился к Генеральному комиссару секции СССР на Всемирной выставке в Канаде, заместителю министра внешней торговли СССР Борису Андриановичу Борисову с просьбой рассказать читателям о том, что будет представлять собой эта выставка и какое участие в ней примет Советский Союз.

Б. А. БОРИСОВ,
заместитель министра внешней торговли СССР

Главная цель выставки — показать достижения человечества в экономике, науке, культуре, здравоохранении, в сельском хозяйстве, раскрыть духовную жизнь современного человека. Восемьдесят стран мира примут участие в этом широком смотре. Кроме павильонов отдельных государств, построят еще несколько интернациональных тематических павильонов. Отдельные павильоны будут иметь также некоторые крупные промышленные фирмы Канады и других государств. Расположится выставка на двух островах реки Святого Лаврентия в пределах Монреаля. Территория, которую она займет, превысит четыреста гектаров. Девиз выставки «Земля и люди» позволяет ее участникам раскрыть многообразное и богатое содержание жизни своих народов.

Что будут экспонировать в своих павильонах различные страны, сказать в настоящее время трудно. Видимо, никто не хочет преждевременно раскрывать свои планы. Это, пожалуй, правильно.

И все-таки многое уже не представляет секрета. Например, определились программы гастролей театральных и концертных коллективов, лучших мастеров искусства разных стран, спортивных игр и состязаний. Возможно, что в эту же пору в Монреале состоятся всемирные соревнования по некоторым видам спорта. Запланировано проведение цикла лекций виднейших ученых различных стран, в том числе и Советского Союза.

Можно ожидать, судя по предварительным подсчетам, что Всемирную выставку посетят тридцать миллионов человек. В связи с этим возникает, конечно, много проблем.

Тридцать миллионов гостей необходимо разместить в гостиницах, оказать им многочисленные услуги. А проблема транспорта! На территории выставки будет построена специальная автоматическая железная дорога. Кто пожелает осмотреть выставку с высоты, может проехать в кабине подвесной канатной дороги.

Наши экспонаты будут демонстрироваться как в отдельном советском павильоне, так и в нескольких интернациональных, тематических павильонах: «Человек — исследователь», «Человек и здоровье», «Человек — созидатель», «Человек и производство».

Советский павильон — крупное здание оригинальной конструкции из дюралюминия и стекла. Высота — 42 метра. Крыша — размер ее 67 на 142 метра — поддерживается двумя V-образными стальными опорами. Кровля и потолки алюминиевые. Полы в зависимости от назначения — из бетона, керамической плитки и пластика. Авторскому коллективу архитекторов во главе с М. В. Посохиным удалось выбрать архитектурные формы, вызывающие у зрителя впечатление легкости, света, динамики. Экспозиционные стенды размещены внутри здания рационально и красиво. Впрочем, экспозиция начинается еще на подступах к павильону, где поднимется монумент высотой в шестнадцать метров. Это серп и молот с барельефными изображениями главных этапов истории Советского государства, которое в год открытия выставки будет отмечать свое пятидесятилетие.

Осмотр павильона начинается со второго этажа. Перед посетителем, который поднимется в этот зал на эскалаторе, откроется величественная картина, рассказывающая о развитии энергетики, химии, угольной промышленности и других важнейших отраслей народного хозяйства нашей страны. Здесь будет показано, какие возможности имеются для использования атомной техники в мирных целях, для прогресса во многих областях человеческой деятельности.

Рядом — раздел геологии. Здесь можно познакомиться с богатствами недр Советского Союза. Тут же разместятся последние технические новинки в области автоматизации и механизации наиболее сложных производственных процессов.

Экспонаты третьего яруса — это показ духовного мира советского человека. В этом разделе посетитель знакомится с эстетическими вкусами наших людей, системой образования и охраной здоровья в СССР. Здесь же будут экспонироваться произведения живописи, скульптуры, керамика, образцы народного художественного творчества.

И, наконец, на верхнем ярусе — мир космических аппаратов, картин, рассказывающих о недавних полетах наших космонавтов, мир научных открытий и исследований Вселенной.

С высот «Космоса» посетитель спускается на первый этаж, где размещен широкоэкранный кинозал на 600 мест. Тут можно посмотреть советские художественные, научные, документальные фильмы, модели одежды. А по соседству — первоклассный ресторан на 1 100 мест. Лучшие повара различных республик нашей страны угостят желающих блюдами своей национальной кухни.

Коллектив архитекторов, инженеров, ученых, художников, которым было поручено создать экспозиции павильона СССР, старался в простой, доходчивой и ясной форме раскрыть мир, окружающий советских людей, показать, что сделано ими за сравнительно короткий исторический отрезок времени.

Мы уверены, что участие СССР во Всемирной выставке не только позволит продемонстрировать наше движение вперед в области экономики, науки и культуры, но и будет способствовать расширению культурных связей между Советским Союзом и другими народами мира, установлению контактов с деловыми кругами зарубежных стран.

ГОД РУХНУВШИХ НАДЕЖД

Ровно год назад американский журнал «Ю. С. ньюз энд Уорлд рипорт» предвещал Соединенным Штатам скорую победу во Вьетнаме. Приветствуя новый этап эскалации, журнал сообщал: «Мощная американская волна изменяет войну во Вьетнаме». Стрела, изображенная на его страницах, и фотографии были призваны убедить читателя в скором поражении южновьетнамских патриотов. Путь к победе, обозначенный стрелой, вел через «свежие подкрепления», «превосходство в оружии», «активное наступление», «воздушную мобильность», «беспрерывные бомбардировки», «налеты на Север» и «мощную помощь Южному Вьетнаму».

Прошел год, и ныне «Ю. С. ньюз» не издает уже боевых кличей. Было все — и подкрепления, и бомбардировки, и все остальное, чем грозил журнал. Не было лишь победы. И вот сейчас те же редакторы «Ю. С. ньюз» вынуждены констатировать:

«Война... идет плохо. Ограниченные бомбардировки не воспрепятствовали усилению коммунистов. Отдельные наземные операции не истощили вражеских сил. Коммунисты кажутся не слабее, а сильнее. Цели, намеченные несколько месяцев тому назад для наземных боевых действий, еще дальше от осуществления, чем раньше. И война становится все более и более американской войной.

...Поговаривают о необходимости довести количество людей до 750 тысяч. Военные указывают другую цифру — миллион солдат, без которых мы не сможем выиграть войну. А пока немногочисленные анклавы, занимаемые Соединенными Штатами, остаются без изменений и не расширяются».

Прошел год. Диаметрально противоположной стала оценка ситуации во Вьетнаме американской прессой, даже самой реакционной. Один журнал за другим публикует опросы специалистов под симптоматичным заголовком: «Что же нам теперь делать?» Опасная эскалация агрессии и разбоя продолжается. Видимо, к горячим головам из Пентагона вполне применимо известное изречение: «Урок истории заключается в том, что мы не извлекаем из истории никаких уроков».

А. ИГНАТОВ

Так красиво изобразил «путь к победе» американский журнал «Ю. С. ньюз энд Уорлд рипорт» год назад.

Вот как это выглядит в действительности: не помогает агрессорам превосходство ни в живой силе, ни в технике.

Интеграл над планетой — эмблема недавно закончившегося в Москве Международного конгресса математиков. Она символизирует природу, бесконечное многообразие ее явлений, которые описаны или могут быть описаны строгим языком математических формул.

Эмблему можно читать и по-другому: вся практическая деятельность человека, в каком бы месте земного шара она ни протекала, связана с математикой, этой гордой и мудрой царицей наук.

ИНТЕГРАЛ НАД ПЛАНЕТОЙ

Академик С. Л. СОБОЛЕВ

Математика — прежде всего язык, на котором говорят другие науки. Невозможно себе представить сейчас ни одно физическое или химическое явление без помощи математической модели, которая описывает его на языке математических символов и понятий.

Математические понятия имеют свою длинную историю, они возникали постепенно. Классические — те, с которыми мы знакомы еще со средней школы,— скорость, ускорение и т. д.—или, например, понятия о дифференциальном уравнении, то есть уравнении, которое описывает бесконечно малую частицу процесса за бесконечно малый промежуток времени,— все эти понятия были пригодны для описания различных механических явлений, простейших электродинамических явлений, простейших явлений физики.

Но на пороге XX века возникла новая физика — квантовая, возникли новые области физики. Это потребовало предварительного создания новых математических понятий.

Математическая наука развивается. Она проникает в биологию, ее используют для исследования процессов жизни. Мы сейчас наблюдаем, как все больше и больше явлений наследственности, управления живыми организмами становятся доступными математическому объяснению.

Итак, первое, что представляет собой современная математика,— это язык, на котором говорят другие науки.

Но есть еще одна важнейшая ее черта: она всегда идет впереди других наук. В истории человечества и в истории науки мы видим, что любому крупному открытию или крупному достижению предшествовала как бы подпольная математическая работа, создавшая набор образов и понятий, достаточных для понимания этого явления. Так было перед открытием радиоволн, использованных Поповым для построения первого в мире радиоприемника. Так было с теорией относительности, возникшей из неэвклидовой геометрии Лобачевского. Так было недавно перед открытием кода наследственности — этому предшествовала работа над математическими машинами, над математической логикой.

В этом смысле — я прошу, чтобы на меня не обижались другие ученые,— математика является как бы движущей силой современной науки, ибо она дает ей методы, с помощью которых делаются многочисленные открытия.

Проблематика математической науки находится под очень сложным влиянием. Во-первых, тех задач, которые перед ней ставятся другими науками или другими областями человеческой деятельности, во-вторых, под влиянием своих внутренних закономерностей, которые в каждой науке очень часто определяют ее движение вперед.

Сейчас, я думаю, нельзя назвать ни одной области математики, которую можно было бы считать законченной. Везде мы видим большое количество начатых и нерешенных задач, некоторое количество новых, еще не до конца завершенных теорий. Часто из мелких задач путем обобщения, путем открытия глубоких, общих свойств возникают математические теории.

Язык математики в высшей степени специфичен и труден. Я понимаю, что не все читатели могут быть с ним знакомы. Его изучают в университетах в течение нескольких лет и потом еще несколько лет совершенствуют. Современная математика все усложняется и усложняется. Даже нам иногда бывает трудно понять некоторые новые вещи вначале: возникают новые понятия, с которыми не каждый математик успевает познакомиться. Поэтому я не могу сейчас рассказать подробно о конкретных наилучших результатах, доложенных на конгрессе, мне невозможно даже передать в общих словах, не пользуясь специальной трудной терминологией, те новые открытия, которые прозвучали в стенах Московского университета, принимавшего у себя участников конгресса.

Несомненно одно, что все эти тысячи интересных работ, все эти глубокие достижения способствовали широкому обмену мнениями и послужат в дальнейшем убыстренному развитию нашей замечательной науки. Они позволят также привлечь внимание молодежи к нашей науке — той молодежи, которая будет трудиться над решением следующих математических задач.

Труд математика нелегкий, но тем больше получает ученый удовлетворения, придя к заслуженным успехам, разрешив проблемы, которые перед ним стоят.

●

АНТОН РЕФРЕЖЬЕ В МОСКВЕ

В Москве, в помещении Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка произведений прогрессивного американского художника Антона Рефрежье.

На снимке (слева направо): народный художник РСФСР Д. А. Шмаринов, заслуженный деятель искусств РСФСР О. Г. Верейский, художник Антон Рефрежье, доктор искусствоведческих наук А. Д. Чегодаев и заслуженный художник РСФСР В. Н. Горяев на выставке.

Фото П. Борина.

За секунду—копия документа

Большая голубая стрела с надписью «Интероргтехника-66» нацелилась на главный вход Сокольнического парка в Москве. Здесь в двадцати залах разместилась международная выставка «Средств механизации инженерно-технических и административно-управленческих работ».

С каждым годом возрастает число людей, занятых организацией труда инженерно-технического персонала. Эти люди дают свои рекомендации на основании изучения огромного количества научно-технической информации. А ее поток непрерывно увеличивается. Некоторые эксперты считают, что через сорок лет ежегодный прирост научно-технической литературы будет равен ее современному объему.

Чтобы справиться с этим океаном информации, нужна помощь счетных машин, решающих устройств,— словом, всего того, что объединяется под общим названием «оргтехники». Выставка в Сокольниках показывает, что уже сделано и что еще предстоит сделать для механизации и автоматизации инженерно-технической и административно - управленческой работы.

«Интероргтехника-66» — крупнейшая выставка года. В ней участвуют около тысячи фирм из Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, Нидерландов, Польши, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Японии, СССР... В павильонах представлены совершенные механизмы, с помощью которых можно всего за несколько секунд получить копию любого документа, а за несколько минут отпечатать тираж нужной документации; здесь же системы автоматического контроля и оперативного управления производством; оборудование для механизации делопроизводства.

Машины заменяют людей даже на целых участках административной работы. На выставке можно увидеть автоматические комплексы по управлению заводами, гостиницами, торговыми предприятиями, медицинскими учреждениями. Механизмы помогают составлять и обрабатывать документы, хранить их, отыскивать и размножать нужную информацию, создавать микрофильмы.

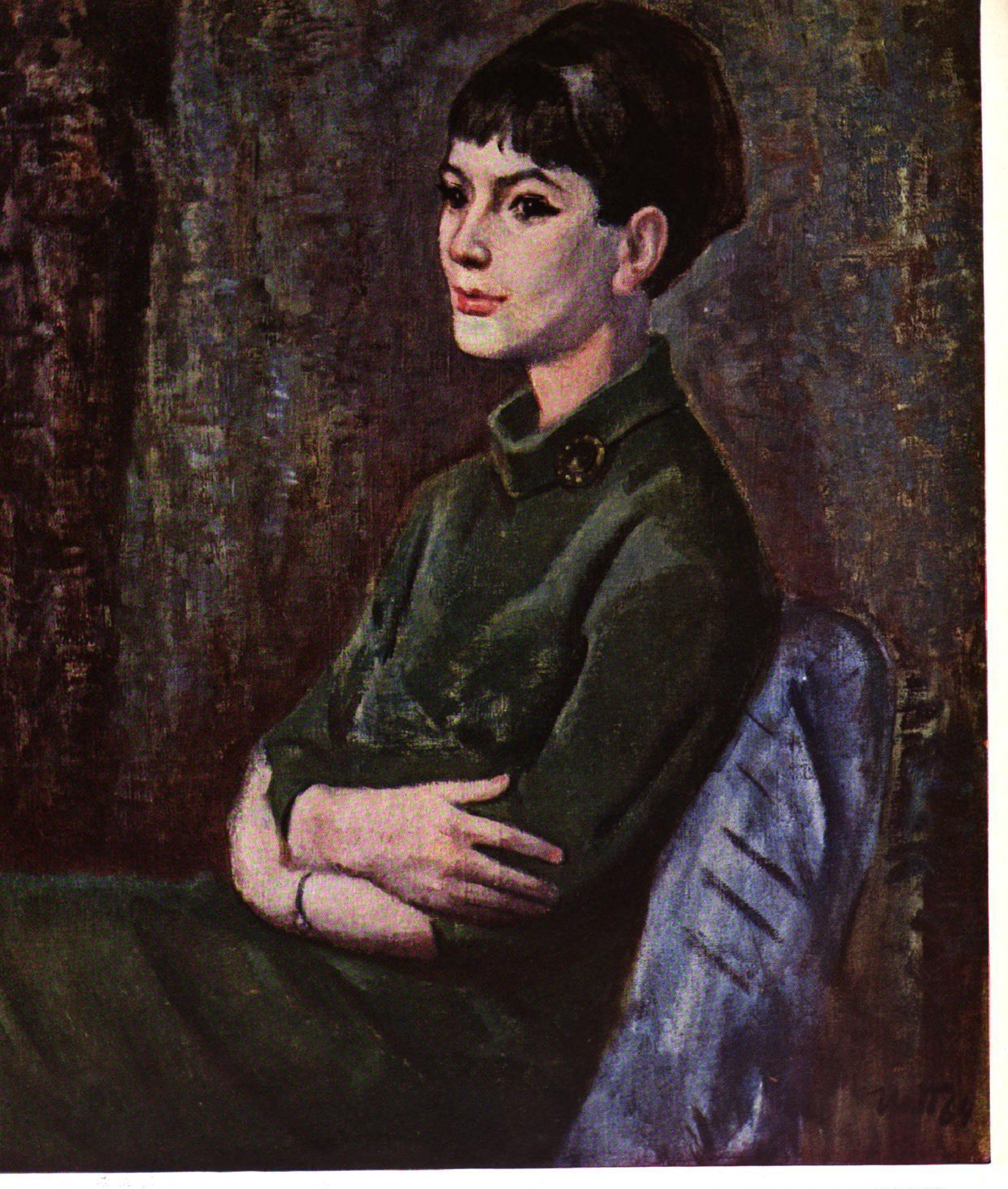
На выставке можно не только обменяться опытом, но и заключить выгодные коммерческие сделки. Коммерческий центр выставки уже приступил к своим обязанностям, причем он не только отбирает лучшую технику для закупки, но и предлагает всем иностранным фирмам многочисленные образцы продукции, изготовленные в Советском Союзе.

Выставка «Интероргтехника-66» поистине универсальна. Она интересна для представителей самых разнообразных профессий во всех областях человеческой деятельности.

А. ГОЛИКОВ

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ КИРИЛЕНКО. К 60-летию со дня рождения.

Илия Петров. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

Национальная художественная галерея.

ИСКУССТВО БРАТЬЕВ

Борис **НЕМЕНСКИЙ**

А. Поплилов. ПОСЛЕ РАССТРЕЛА.

Болгария становится близкой после первой же поездки, после первого знакомства. Что-то есть неимоверно свое, родное в людях Болгарии, в ее культуре.

В этой стране прекрасные музеи античного и современного искусства, бережно сохраняемые и восстанавливаемые старые города с романтической средневековой архитектурой. Все это поражает чувства, ум новизной и красотой.

Болгары умеют хранить память о предках, память о своей бурной и революционной истории. Болгары умеют чудесно принимать своих гостей и в туристских центрах — Тырнове, Пловдиве, Созополе, Несебыре — и в специально созданных ультрасовременных местах отдыха на побережье Черного моря.

Я ездил по этим местам. Наслаждался их красотой. Но я бывал и в деревнях. И жил там. То, что прочно и доподлинно в жизни народа, в его традициях, привычках и отношениях, становится фундаментом искусства. Можно читать газеты, слушать речи на собраниях и приемах, но лакмусовая бумажка подлинных человеческих чувств — это знакомство с жизнью народа.

Брезово. Молодая чета Димовых, пожилой бай Христо. Многие другие крестьяне. Разговоры в поле, дома по вечерам. Тут обмануться нельзя. Это серьезные, трудолюбивые люди с большими революционными и культурными традициями. Из этого села вышел один из известных болгарских художников, Златю Бояджиев. Здесь есть музей его работ.

Братская любовь народа к народу нигде мною так не ощущалась, как в этой стране.

И нигде, пожалуй, я так не чувствовал ответственности. Ответственности за дружбу.

Я подумал об этом, когда познакомился с болгарским искусством. Признаюсь: для меня оно было как открытие неизвестного, но близкого и богатого мира. Почему мы так немного знаем о болгарском искусстве? Откуда при такой старой и взаимной любви такое малое знание творчества друг друга? Впрочем, болгарские художники и любители лучше знакомы с русской, советской живописью. Правда, в основном только по репродукциям.

Поэтому для меня было большой радостью открытие в этом году в Москве выставки болгарского искусства. Впервые и довольно широко показана живопись Болгарии последних лет. И хотя выставка была открыта недолго, первое знакомство состоялось.

Я с радостью ходил по выставке и... огорчался. Огорчался тем, что трудно, а вернее, просто невозможно показать на одной выставке все многообразное творчество болгарских художников. Ну что, например, мог сказать один, даже хороший пейзаж о таком замечательном, самобытном художнике, как Златю Бояджиев! Ведь этот ни на кого не похожий ни судьбой, ни творчеством художник — неповторимое явление подлинного искусства. С кем его сравнить? С Брейгелем? С Ван-Гогом? С Гойей? С Николаем Ге? С Мартиросом Сарьяном?

Или Стоян Венев, мастер необычный, весь идущий из самых глубинных народных крестьянских пластов. Ему повезло больше, но тоже противоречивая и богатая душа его творчества не может быть понята даже по лучшей его работе — «Сентябрьские ночи».

Как нужны были бы в Москве выставки работ этих художников, какое это было бы огромное дело для общения сердец наших народов!

«Сентябрьские ночи»... Юноша-всадник на фоне огромного звездного мира, раскинувшегося над его деревней. Оружие в опущенных руках. Мать, прижавшаяся к сыну... Прощание... Болгарское искусство — искусство мужественного и свободолюбивого народа, народа, много испытавшего и никогда не покорявшегося.

«Накануне» Дечко Узунова, «Бунт 23 года» Ценко Бояджиева, «Перед расстрелом» Илии Петрова, «После расстрела» Александра Поплилова, «Батакская резня», «Расправа в Брезово» Златю Бояджиева и многие, многие «Прощания», ставшие традиционной темой болгарского искусства.

Откуда эта тематика?..

Турецкое иго с восстаниями и зверскими расправами, революционная, партизанская борьба с фашизмом. Восстания, подавления их и снова борьба. Героизм от поколения к поколению.

Тема героического и подавленного восстания 1923 года пронизывает все болгарское искусство. Это его самая драматическая и гордая нота.

Отсюда и все «Прощания», «Расстрелы» и «Пиеты».

Что здесь: мрачность, безысходность, уныние?

Только не это!

Рождение мужества, готовность к подвигу, готовность жизнь отдать за победу свободы. Жертвенная скорбь матерей и жен. Благословение на подвиг.

Эти картины — эстафета мужества, передаваемая через искусство сегодняшним поколениям.

«Прощание» Стояна Венева, «Прощание» Дечко Узунова, «Прощание» Колю Витковского, «Прощание» Димитра Кирова, наконец, «Пиета» Ивана Киркова — ведь это тоже прощание... Какие разные художники работали над одной темой, одним сюжетом! Две фигуры, фон (вернее, почти без фона)... и какие разные и сильные решения! Картины как памятники.

Эпические вещи. Очень интересно, как решают художники эти полотна, как развивается язык большого симфонического звучания. В этих картинах нет и намека на присутствие двух страшных химер, преследующих в наше время художников,— бытовизм и помпезность.

Говорят, что творчество индивидуально. Однако в то же время искусство коллективно. Оно результат огромного поиска многих. Оно как море, вздымающее волны. Находки — на гребне волны. В болгарском искусстве поднимается эта волна. В решении драматической темы его живописные находки наиболее значительны.

Обобщение до символа с поразительной национальной жизненной конкретностью — источник силы этих работ. Даже маленькая (меньше метра) «Пиета» ощущается как классически завершенная, монументальная композиция, дает образ ясный, сильный, эмоциональный. «Пиета» — одна из лучших работ болгарского искусства.

Тема радости прочными корнями вжилась в современную болгарскую живопись. Красоте природы, простым человеческим делам и чувствам посвящены многочисленные холсты, которые, пожалуй, перекрывают драматические композиции.

Эти темы искрятся народным добрым юмором у Стояна Венева, светятся радостью наивного и непосредственного восприятия мира у Златю Бояджиева, красотой человека в труде и быту у Ненко Балканского, тихой и величавой раздумчивостью болгарской женщины у Мары Цончевой. Стремление к монументальности в живописи, в композиционных решениях свойственно талантливому Светлину Русеву. Нет возможности перечислить всех интересных художников, несущих свой мед в дружный улей искусства Болгарии. Их творчество находится на здоровом и плодотворном пути. Народные традиции и мировая классика органически сливаются в национальное, самобытное и современное искусство. Конечно, в процессе поисков у болгарских художников происходит борьба многих тенденций, но основная волна национального искусства формируется именно в этом богатом нюансами реалистическом русле.

Итак, первое знакомство с болгарским искусством состоялось. Близость наших культур, взаимные симпатии народов, совместное строительство нового общества обязывают нас более ответственно относиться к искусству друг друга.

Нам очень бы хотелось видеть в Москве персональные выставки ярких художников социалистических стран. Хотелось бы дать возможность узнать болгарское искусство широкому кругу наших зрителей.

К. ЛАПИН

Подснежник на бруствере

Записки снайпера Любы Макаровой

Л. Макарова в годы войны.

Жарким летом 1943 года на Калининский фронт прибыла рота выпускниц Центральной женской снайперской школы под Москвой, открытой по инициативе ЦК ВЛКСМ. Воины скоро узнали и полюбили девушек-снайперов за бесстрашие и героизм. В составе 3-й Ударной армии рота дошла до Берлина, на боевом счету снайперов свыше трех тысяч уничтоженных гитлеровцев.

Писатель К. Лапин, бывший в годы войны сотрудником фронтовой газеты, только что закончил документальную повесть «Подснежник на бруствере». Написана она по воспоминаниям Любови Михайловны Макаровой, одной из героинь женской снайперской роты, кавалера двух орденов Славы, ныне заведующей отделом спортивного общества «Спартак» в Перми.

Книга выйдет в издательстве «Молодая гвардия» в этом году, а сейчас мы знакомим читателя с главами из нее.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Окопы первой роты змеятся по скату небольшой высотки. Боевое охранение — глубокая земляная щель, вырытая по форме римской цифры V,— вынесено вперед. В дальнем углу наша снайперская ячейка, она тщательно замаскирована дерном; ничто не должно нас выделять на окружающей местности.

К рассвету мы с Зоей Бычковой добрались по ходам сообщения до своей ячейки. Отрыли лопаткой земляную полку; устанешь стоять — можно опуститься на колени. В соседней ячейке — Вася Шкраблюк, в случае необходимости он придет на помощь. Мы на самом «передке», ближе нас к врагу никого нет.

Совсем рассвело, из бойницы отличный обзор. Впереди, примерно в полукилометре от нас, черная полоска недавно отрытой земли: неприятельская траншея. Оттуда изредка доносится пулеметная очередь, хлопки винтовочных выстрелов. На переднем крае никакого движения, все притаилось, ушло в землю.

Снова, теперь уже в оптический прицел, осматриваю нейтральную полосу — от себя к противнику. В голубоватой дымке отчетливо видны самые дальние цели, кажется, до них можно дотянуться рукой, так они близко. Вижу не только каждый пенек на высоте, но и зеленые молоденькие побеги, торчащие из-под них. В однообразной полоске бруствера черточки — прорези бойниц.

На пристальный осмотр уходит не менее двух часов, глаза от напряжения начинают слезиться, плывущие серые точки, словно назойливые мушки, то возникают, то исчезают из виду.

Моей напарнице наскучила неподвижность, она рассматривает в оптику уцелевшие строения деревни Седурино. За деревней — шоссе, по нему ползут смазанные расстоянием силуэты тупоносых немецких грузовиков.

— Пора составлять стрелковую карточку! — напоминаю я.

— Чего еще? Мы не в снайперской школе.

— Зоя, это наша первая обязанность.

— Ну и составляй себе на здоровье!

Выбираю ориентиры: кудрявый куст, растущий на «нейтралке», большой гранитный валун, высунувший свою лысую голову перед самыми окопами противника, дом без крыши, стог сена. Определив расстояние до ориентиров, вношу данные в стрелковую карточку снайпера. Зоя заглядывает через мое плечо.

— Ох, хо-хо! А камень-то зачем?

— Еще как нужен! Справа от него строчил пулемет. Валун закрывает пулеметчика, для нас — хороший ориентир.

Зоя по-прежнему недовольна: врага надо бить, а не бумажную волокиту разводить!

Слышится негромкое покашливание. Позади нас в окопе боевого охранения солдаты, сменившие ночной дозор. Зоя сердито поворачивается к ним.

— Что это вас кашель вдруг взял?

— Интересно на вас посмотреть, девчата,— говорит самый бойкий.— Давно не видели нежного пола.

— Нежного? — вскипает моя напарница.— А вот я покажу тебе нежности!..

— Не груби, Зоя! — шепчу подруге, оторвавшись от винтовки.— Скажите, ребята: как у вас тут фашистам живется?

Солдаты мрачнеют. Дело не только в том, что противник построил в Седурине мощный оборонительный пояс, занял все командные высоты вокруг деревни, не дает нашим поднять головы. Дело в том, что во время зимнего, удачно начатого наступления гвардейцы успели уже побывать в Седурине. Они перерезали железнодорожное полотно, выбили врага с высоты перед деревней. Батальон понес потери, небольшие в сравнении с вражескими. Если б левый сосед гвардейцев так же выполнил свою задачу, развил их успех, не пришлось бы отходить, становиться в длительную оборону.

Зою не интересуют давние события, ей не терпится узнать, где чаще всего высовываются фашисты. Бойкий солдат, пристроившись с нею рядом, показывает направление. Зоя смотрит, а боец, воспользовавшись моментом, озирает в оптику оборону врага. Оторвавшись от прицела, завистливо цокает языком.

— Н-да, мне бы такую винтовочку! Все как на ладошке.

— Ты из своей научись попадать,— слышится голос Васи Шкраблюка, покинувшего свое укрытие.

Он предлагает нам перекусить. Мы с Зоей и не заметили, как пролетело время. Перебираемся в ротные, просторные окопы.

Сидим на корточках в тесном солдатском кругу. Бойцы быстро очищают свои котел-

ки, закуривают махру, пуская дым в рукава шинелей. Идет неторопливая беседа о жизни в тылу, о родных краях, о близких людях.

— Что за общее собрание? Забыли свои обязанности, гвардейцы? По местам!

Из-за солдатских спин мы не видим ротного командира, слышим только его недовольный голос.

— Да вот, товарищ капитан, девчата у нас,— оправдываются бойцы.— Надо ж познакомиться...

— Не место и не время!

Перед нами молодой офицер — высокий, плечистый, со смелым взглядом зеленоватых глаз и горбинкой на крупном носу.

— Командир первой роты Сурков,— представляется он.

Мы называем себя. Капитана интересует, удобно ли оборудована снайперская ячейка, как идет «охота». Ячейка отличная,— докладываем мы, а похвастать пока нечем.

— А вы хотели, чтобы он сам голову подставил? Бей — не хочу! Так на войне не бывает, жить-то каждому охота. А себя не позволяйте демаскировать. Заметит враг скопление в окопе — может и минометный налет дать.— Уходя, он повторяет строже: — Категорически запрещаю скопление в окопе! Ясно?

— Есть не скопляться, товарищ капитан! — отвечаю я.

До захода солнца мы вели наблюдение за противником, а когда стемнело, ходами сообщения вернулись в свою землянку. По дороге нас окликали бойцы:

— Девчата, ходите до нас в гости!

Солдатский «телеграф» уже разнес по передовой весть о прибытии девушек. Недовольные первым пустым днем, мы отговаривались:

— После, после зайдем!..— А Зоя еще и «уточняла»: — После дождичка в четверг.

Вечером в снайперскую землянку заглянули комбат Рыбин со своим заместителем Булавиным. Знакомясь в батальоне с командирами, мы видели, как они смотрели на нас — с плохо замаскированным сомнением, с почти отеческим сожалением. Нелегкое дело война, неженское дело!

Но тот, кто надел воинскую форму, кому Родина доверила оружие,—прежде всего воин, его первый долг выполнить боевой приказ. Каждая посланная точно в цель пуля несла не только смерть врагу, она спасала жизни наших товарищей. Замолчал фашистский пулемет, обезглавлено командование боем, ослеплено наблюдение — и больше шансов на жизнь у бойца, поднявшегося в атаку. Не в жизнь, а в смерть, пришедшую на нашу землю, целили дула снайперских винтовок.

— Ну, докладывайте, снайперы, кто отличился?

Девушки молчали. Капитан Рыбин понял свою промашку: никто из нас не открыл боевого счета, и это ему прекрасно известно. Комбат повернулся к своему заместителю:

— Выручай, комиссар, прожги словом! Я не с того начал.

— Прости, Петр Алексеевич, действительно не с того,— подтвердил Булавин.— Это ж у них первая разведка, пробная вылазка. Вот обживутся на передовой, тогда и спрашивай, кто в чем отличился.

Никто не заметил, какой знак он сделал комбату, только Рыбин вдруг заторопился, стал прощаться. Поднялся и Булавин.

— Как видите, девушки, наш рабочий день еще не кончился,— сказал замполит в дверях.— А вам спать, спать... Завтра с солнышком подниматься. Желаю удачи!

СЧЕТ ОТКРЫТ

Снова мы с Зоей встречаем утро в окопе, только сегодня он неузнаваем. Траншеи подметены, стреляные гильзы собраны в ящик. Командир роты Сурков не уставал внушать солдатам:

— Належитесь еще в грязи, когда в наступление пойдем. В обороне окоп — ваш дом.

А замполит, как всегда, припечатывал пословицей:

— Дом невелик, дождем покрыт, ветром огорожен, а лежать не велит. Каково в дому, таково и самому!

Солдаты гладко выбриты, с пришитыми подворотничками. Бойцы стирали подворотнички (иногда это был сложенный вдвое бинт) в котелке, а то и в первой попавшейся луже, сушили у печурки, гладили любыми подручными средствами.

Нас встретили, как родных. Солдаты постарше называли «дочками», молодые — «сестренками».

Долгие, томительные часы вели мы наблюдение, но снова безрезультатно. К концу дня в окопах появился капитан Сурков, еще более подтянутый, чем вчера, в начищенных до блеска хромовых сапогах, с орденами на гимнастерке. Поздоровавшись, он поздравил нас: рано утром Клава Иванова открыла боевой счет. Артиллеристы капитана Шора, наблюдавшие за противником в стереотрубу, установленную на высокой сосне, подтвердили попадание.

Солнце близилось к закату, когда в поле зрения показался фашист. Моя напарница — была Зоина очередь стрелять, я вела наблюдение — так разволновалась, что не успела выстрелить. Враг исчез.

— А что же ты не стреляла? — накинулась на меня Зоя.

— Я была наблюдателем. Твоя очередь стрелять.

— Очередь, очередь!.. Опять ты со своей школьной премудростью.

По дороге в батальон она ворчала, обвиняя во всем меня. Подходя к снайперской землянке, Зоя утихла: незачем остальным знать наши раздоры.

Мы сели в разных углах землянки с кружками чая. Клавдия Прядко почуяла неладное:

— Что это вы, девочки?

Мы молчали. Прядко казалась нам чуть ли не «старухой»: ей уже под тридцать — на добрый десяток лет старше любой в роте! Нечего совать свой нос в чужие дела!

Из-за того ли, что Клавдия много пережила с начала войны, или просто умела найти подход к каждому человеку, только не прошло и четверти часа, как мы вполголоса, чтобы не слышали другие, рассказали все.

— Глупенькие вы! Стоит ли из-за какого-то паршивого фашиста друг на друга дуться? На врага злость копите.

Она подозвала напарницу. Саша Шляхова, одна из лучших снайперов школы, схватила меня с Зоей в объятия, затормошила, напевая детское:

— Гуси, гуси?.. Га-га-га!.. Есть хотите?

— Да, да, да! — не сговариваясь, поддакнули мы.

Мы сели ужинать, смеялись вслед за Сашей чему-то. Удивительный был у нее смех — задорный, заразительный, не хочешь, а рассмеешься. От смеха на румяных Сашенькиных щеках проступали ямочки, глаза будто еще больше голубели...

И настало то раннее летнее утро, когда я подловила на мушку первого «своего» гитлеровца. Косые лучи солнца освещали вражескую оборону, наша позиция была в тени. Над бруствером показалась голова в каске, я прицелилась, как положено по инструкции, под обрез цели, плавно нажала курок. На душе стало как-то не по себе: все же человек.

Только человек ли? Разве можно назвать людьми тех, кто грабил, жег и вешал, кто принес столько горя, слез и мук Родине, моим родным и близким? Подо Ржевом убит мой любимый дядя Вася, добрый человек и хороший семьянин, никогда в жизни никому не причинивший зла,— быть может, моя пуля нашла убийцу? А может, я наказала одного из факельщиков, превративших Великие Луки в развалины, а земли Псковщины — в «мертвую зону» пустыни? Нет, не люди это, а двуногие скоты. Собаке собачья смерть! Этот зеленожабый больше уже никогда не выстрелит по нашим. А значит, моя справедливая пуля спасла чью-то жизнь и, может быть, не одну.

Наблюдатели подтвердили попадание. И артиллеристы капитана Шора, не отрывавшиеся от стереотрубы, видели результат моего выстрела, позвонили в штаб батальона. Командир роты Сурков пришел отметить мое «боевое крещение».

— Молодец, снайперка, спасибо за службу! Как звать-то?

— Люба, товарищ капитан.

— А полностью?.. Теперь, когда вы настоящий воин, вас и звать положено полным именем... Продолжайте в том же духе, Любовь Михайловна!

А Зоя Бычкова все еще переживала, вспоминая свою недавнюю оплошность. Ведь она могла открыть счет первой. Ее маленькие уши горели, как рубины, настолько она разволновалась. Прильнув к винтовке, Зоя замерла в нетерпеливом ожидании.

Я продолжала наблюдать за вражеской бойницей. Должен же фашист когда-нибудь показаться! Чувствую, в затылок стало сильнее дуть. Значит, ветер усиливается. Вот и трава клонится.

Сделав минутный перерыв, еще раз проверила расстояние до цели. Точно: четыреста метров! Для проверки заглянула в таблицу в снайперской книжке, установила поправку в прицеле на ветер. Снова глаз у окуляра, палец на курке...

В бойнице тень. Вот он, вражеский наблюдатель! Гитлеровец, видно, уверен в своей неуязвимости. Не мешкать, ведь цель появляется на секунду, на доли секунды! Затаив дыхание, нажимаю спусковой крючок. Еще не отгремел гром выстрела, а голова в бойнице медленно — слишком медленно для живого — оседает...

— На двух гадов меньше! — сообщаю подругам, вернувшись вечером в землянку. Стараюсь говорить как можно спокойнее, а хочется кричать во весь голос.

Взволнованная событиями дня, я долго не могла уснуть. Девчата затихли, коптилка еле мигает, а я лежу с открытыми глазами.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Возвращаясь по вечерам в землянку, где всех ждали ужин и сон, девушки больше не жаловались, как первое время, что фашисты не подают признаков жизни. Что ни день снайперы «списывали в расход» очередного захватчика.

Спустя двое суток после моего успеха, позже обычного вернулись с «охоты» Прядко и Шляхова: подруги открыли боевой счет. То Клавдия, то Саша принимались рассказывать, как в бойнице показалась голова вражеского наблюдателя — и одним любопытным стало меньше. Второго они «сняли» под вечер, одновременно выстрелив по ожившей огневой точке врага.

Моя нетерпеливая напарница вроде бы угомонилась. Сколько раз я твердила Зое несложную истину: выстрел — миг, а подготовка к нему, выжидание — долгие часы и даже дни. Чем больше выдержки, тем ближе цель. И Зоя наконец поняла.

В моей стрелковой карточке обозначены наиболее вероятные цели на нашем участке переднего края, многие предварительно пристреляны. Надо лишь выждать, когда противник производит смену постов или, скажем, обедает. Немцы — народ пунктуальный, если точно засекла время — умей дождаться.

Зоя Бычкова «посадила» на мушку гитлеровца, хотя его каска показалась над бруствером окопа всего на мгновение. Грянул выстрел.

— Люба, видела? — волнуясь, крикнула она.— Я попала!

— Видела, видела. Молодец, Зоя!

Передовую покинули в темноте; моя напарница ни за что не хотела уходить.

Противник стал осторожнее, зря не высовывался, удвоил бдительность. Но снайпер не может ждать, пока враг сам подставит голову под пулю. Снайпер обязан первым найти цель, больше того, должен вынудить противника обнаружить себя.

У Прядко и Шляховой был день большого успеха. Лежа в окопчике, Клавдия вы-

1943 год. Калининский фронт. Снайперы Раиса Скрынникова (слева) и Ольга Быкова.

Фото В. Гребнева.

смотрела на нейтральной полосе глубокую воронку от снарядов. В намеченный день она задолго до рассвета забралась в воронку и замерла. Когда рассвело, ее напарница, находившаяся сзади, в нашем окопе, стала осторожно показывать над бруствером чучело. Старый маскхалат, набитый ветками и травой, издали походил на выглядывавшего бойца.

Приманка сработала: по чучелу ударили из автомата, потом заговорил ручной пулемет. В поднявшейся трескотне Прядко сделала несколько прицельных выстрелов. И затих вражеский автоматчик, умолк пулемет... Перед вечером настал Сашин черед: двумя меткими пулями она пригвоздила к земле гитлеровцев, перебиравшихся через земляной завал в траншее.

Удачливых снайперов поздравило командование, об их подвиге стало известно в штабе армии. На передовую прибыл со специальным заданием корреспондент армейской газеты, сфотографировал подруг на огневой позиции. Две девушки в пятнистых маскхалатах, в касках, оплетенных зелеными ветками и травой, лежат в засаде. На переднем плане Саша Шляхова, она подняла растопыренную пятерню: «Воевали на «пять»!» Со страниц армейской печати фотография перекочевала в центральные газеты, ее увидела вся страна...

Ежась от утреннего холодка, пробираемся к своей ячейке. То я, то Зоя начинаем громко, с подвыванием зевать. Не потому, что не выспались,— это особая, фронтовая зевота.

После ночного беспокоящего пулеметного огня на переднем крае тихо. Пропиликала что-то свое ранняя птаха и снова смолкла. С дальнего болота подала голос лягушка. Тихие, мирные звуки. И не подумаешь, что ты на передовой, что идет война.

Тайная тропка выводит сквозь кустарник к окопам первой линии. От бойниц отрываются пулеметчики. Серые, помятые бессонницей лица разглаживает довольная улыбка. Солдаты знают: скоро смена, они смогут уйти в тыл, поесть и отоспаться.

Привычно, как и вчера и позавчера, в прорезь бойницы осматриваем — сначала глазами — местность перед собой. Что изменилось за прошедшую ночь? Не появилось ли в поле зрения чего-нибудь нового? Каждый кустик, большой и малый, каждую кочку и камень подолгу изучаем; везде может притаиться враг. Вот один кустик будто бы привял — не воткнул ли его в землю для маскировки немецкий снайпер или наблюдатель? В другом месте накидана свежая земля — может, рыли окоп?.. Подозрительные места изучаем в оптический прицел; без нужды утомлять зрение не стоит.

Убедившись, что на «нейтралке» никаких изменений не произошло, переносим наблюдение на окопы вражеского боевого охранения, на весь передний край противника. Почему без ветра колыхнулась ветка куста? Что блеснуло в траве? Кто вспугнул стаю ворон, с карканьем взлетевших над стогом сена?.. Ничто не ускользает от внимательного глаза, все берется на заметку...

Проголодавшись, открываем ножом «второй фронт» — так армейские остряки прозвали банки американской тушенки. К слову сказать, солдаты предпочитают заморским консервам наше украинское сало с черным хлебом и цибулей.

Пошли дни, потянулись недели, в течение которых мы не делали ни одного выстрела. Значит, приучили гитлеровцев зарываться кротами в землю, по-мышиному быстро шмыгать между кустами. В долгие тихие часы усталость камнем клонит голову к земле, винтовка тяжелеет, на обратном пути никого не хочется видеть — только бы скорее лечь на нары.

Зато после меткого выстрела идешь, и будто на крыльях несет тебя, винтовка кажется пушинкой, встречные бойцы, без слов понимая твое состояние, поздравляют с успехом, благодарят. Каждый знает: одним гитлеровцем меньше — на шаг, на час ближе победа.

Как-то наши соседи-разведчики взяли «языка», офицера. Нам с Зоей было интересно посмотреть на пленного; до сих пор мы видели врага только в оптику.

У землянки перед переводчиком навытяжку стоял здоровенный обер-лейтенант в ненавистной, мышиного цвета форме. На вопросы отвечал по-военному четко, но стоило гитлеровцу чуточку расслабить мышцы лица, как зубы его отбивали дробь. Вот обер-лейтенант заметил нас, в глазах его было изумление, бескровные губы сложились в улыбку.

— О-о, фрау? Шонне медхен!

Переводчик объяснил ему, кто мы. Немец открыл рот, словно хотел набрать побольше воздуха, и отвернулся, не взглянув больше в нашу сторону. Позже, когда его доставили в штаб для допроса, пленный спросил: правда ли, что молодые женщины в форме, которых он видел на передовой, снайперы?

— Пленные, как вам известно, вопросов не задают,— сказал ему на это переводчик.— Они сами отвечают на вопросы.

Кто-то из командиров спросил, почему пленного заинтересовали девушки-снайперы.

— За последний месяц в моей роте серьезные потери,— ответил обер-лейтенант.— И больше всего убитых в голову. Простой стрелок не может попадать так точно.

Вот так было получено из уст врага подтверждение нашей меткости...

ПОД НЕВЕЛЕМ

Армия готовилась к боям за освобождение Невеля. В части прорыва усиленно подтягивалась техника, окрестные леса были забиты тягачами с орудиями, танками. На башнях «тридцатьчетверок» появились доселе незнакомые литеры.

Нашей 21-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло наступать. Снайперы, как известно, эффективнее всего действуют в обороне. Чтобы лучше использовать нас, не подвергая в то же время лишнему риску, командование отозвало девушек-снайперов в 46-ю стрелковую дивизию. Она давно уже вела оборонительные бои: не мешало «расшевелить» гитлеровцев, обживших за это время свои земляные норы.

Мокрым осенним вечером три снайперских пары прибыли в батальон. Штабной блиндаж отрыт на скате высоты. В ложбине трава пожелтела, на поле — почерневшая от дождей, посеченная осколками рожь. Вспомнилось школьное: «Только не сжата полоска одна...» По гряде холмов, до сосняка на горизонте, проходит оборона врага.

Нам отвели большую землянку рядом с командирской. Справа от входа тянулись нары, занимавшие почти две трети площади. Вместо тюфяков — привычный еловый лапник, плащ-палатки заменяют простыни, а свернутые телогрейки — подушки. Укрыться можно шинелью, поверх которой натягиваем еще одну плащ-палатку: по ночам холодно, выпадает обильная роса.

Не успели расположиться, как нас пригласили к комбату. Молоденький капитан принарядился, лицо гладко выбрито, резкий запах тройного одеколона наполняет землянку. Ординарец разливает в миски украинский борщ.

Батальон в основном формировался из украинцев, а это народ хозяйственный, любящий и умеющий вкусно поесть. К осени начхоз заготовил свежие овощи, повар варил для всего батальона такие наваристые, густые борщи, что ложка, как говорится, торчком стояла. Вот уж наши украинки обрадовались!

Распорядок дня обычный: с рассвета уходим на «охоту», в землянку возвращаемся в полной темноте.

Ложбиной, скрытые от противника невысокими холмами, добираемся до ходов сообщения. В низине туман, сыро. Все же на ходу разогреваемся. До врага рукой подать, кое-где наши окопы сближаются с немецкими на расстояние нескольких десятков метров. Встречаются места, где траншея разгорожена посередине рогатками — деревянными кольями, опутанными колючей проволокой: по эту сторону — наши, по ту — немец. Снайперские ячейки отрыты между окопами боевого охранения, вынесенными вперед, и первой линией наших траншей.

В окопах не только слышна немецкая речь, но порою можно невооруженным глазом рассмотреть чужие лица; кое-кто из солдат обеих сторон знает друг друга в лицо. Появление офицера во вражеской траншее засекают по щелканью солдатских каблуков, отрывистой команде. И начинается «охота» за офицером.

Гранатометчики, широко размахнувшись, бросают «лимонки». Гитлеровцы отвечают гранатами с длинными деревянными рукоятками. Иные удальцы приловчились возвращать их обратно, хватая на лету за рукоятки. Короткими очередями бьют пулеметы, затем надолго устанавливается затишье. Особенно угнетает оно снайперов: в тишине одиночный выстрел отдается громом, его легче засечь.

Бойцы обрадовались нам: теперь дело пойдет веселее. И действительно, уже в первые дни своего появления на передовой снайперы отучили врага от беспечности. Когда моя новая напарница Клава Маринкина меткой пулей «сняла» немецкого офицера, противник перестал нахально, в полный рост, ходить по траншеям, не высовывался больше, чтобы посмотреть, что делается у нас.

На каждый удачный выстрел враг огрызался ожесточенным пулеметным огнем, делал минометные налеты по окопам, по батальонным тылам. Особенно усердствовали вражеские минометчики на рассвете, когда мы шли на передний край, и по вечерам, во время нашего возвращения с передовой.

Только стихнут разрывы мин, гитлеровцы кричат из своих окопов, не рискуя, однако, высунуть носа:

— Иван, поел борсча?

Тут наши артиллеристы дают врагу «прикурить», настает очередь бойцов спрашивать:

— Что, фриц, напился кофию с горячими блинцами?

Во время наступления ребята из первой роты нашли в сожженной немецкими факельщиками деревне старинный граммофон с трубой. Солдаты таскали его за собою по дорогам войны, берегли как зеницу ока немногочисленные пластинки. Была у них песня про Стеньку Разина. Гитлеровцы не раз слышали ее в ночной тишине, пробовали заказывать «на бис».

— Иван, давай Вольга, Вольга!

— Ишь, чего захотел, фриц! Не видать тебе нашей Волги, как своих свиных ушей.

Если бойцы ставили пластинку, фашисты пытались подпевать на своей стороне: «Вольга, Вольга, мать родная, Вольга германская река...» Серчали не только стрелки, но и минометчики. Огневой хор заглушал непрошеных певцов с Рейна и Майна.

В полку жил немец-перебежчик, «антифа», то есть антифашист, как звали его офицеры. Он ходил в шинели мышиного цвета и в красноармейской пилотке без звездочки. Девчата, столкнувшись с ним впервые в траншее, вскинули было винтовки. Бойцы успокоили: «Это не ихний фриц, это наш Вальтер!»

Вальтер часто появлялся на переднем крае и через рупор рассказывал своим соотечественникам, почему перешел к русским и как ему здесь живется. Читал по-немецки свежие сводки Совинформбюро, в которых говорилось, как советские части теснят гитлеровские армии на юге. Скоро, убеждал он, Гитлеру капут. Пусть камрады поскорее опомнятся, бросают оружие, сдаются в план. Отсюда короче путь до фатерланда.

Немецкие солдаты слушали внимательно, никто не стрелял. Зато если в окопе оказывался офицер, слышалась яростная команда: «Фойер!» — и поднималась трескотня. Как только бесстрашный Вальтер оставался столько времени живым? Железный рупор, с которым он выползал на «нейтралку», был в пробоинах.

«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, МИЛЕНЬКИЙ!..»

Используя затишье на фронте, командование решило провести всеармейский слет снайперов. Километрах в пяти-шести от передовой, в лесном овраге, состязались в меткости лучшие стрелки армии.

Отстрелялась очередная пара, пора и мне с Клавой Маринкиной на огневой рубеж. Обе немножко волнуемся, ведь за стрельбой наблюдают генералы. Среди них выделяется дородной своей фигурой и загорелым квадратным лицом герой Сталинграда, генерал-полковник Еременко. Он командует нашим фронтом.

Стараясь не смотреть в сторону начальства, я легла на землю, уперла поудобнее локти. Сразу волнение прошло. Только стала целиться, слышу за спиной недовольный бас:

— Лейтенант, почему допускаете к стрельбе не умеющих владеть боевым оружием?

Лейтенант — он был не из нашего батальона, меня знал мало — вытянулся перед командующим, не может понять причины генеральского недовольства.

— Вы что, лейтенант, не видите, как она держит винтовку? — осерчал командующий.— Она не знает даже, каким глазом целиться.

Только тут я поняла, что речь обо мне. Говорю лейтенанту, который подбежал, чтобы отстранить меня от стрельбы:

— Я левша, товарищ лейтенант, объясните...

— Товарищ командующий, она левша, стреляет с левого глаза,— громко отрапортовал лейтенант, вытянувшись перед Еременко.— Это опытный снайпер.

Командующий проворчал что-то вроде «Левша — кривая душа», но подошел ближе, видно, заинтересовался. Дождавшись, когда я отстрелялась, он зашагал к мишеням, чего не делал до этого. Генералы следовали за ним. Увидев пробоины от пуль, Еременко даже пальцами прищелкнул от удовольствия, подозвал меня:

— Молодец, левша! Так стрелять!

По окончании слета девушки-снайперы, имеющие большой боевой счет, получили правительственные награды. Мне командующий вручил перед строем орден Славы II степени.

— Хотя ты и девушка, желаю стать полным кавалером! — весело пожелал он.

Награды радовали нас, но не меньше хотелось получить отпуск. Какой солдат не мечтает о побывке! И вот зачитывают фамилии тех, кто пойдет в отпуск. Первой называют снайпера Онянову, нашего «Пончика», как окрестили девчата Лиду за ее полноту. У моей землячки — Лидия Онянова до войны работала электромонтером на Соликамском бумажном комбинате — самый большой в роте боевой счет: 76 убитых гитлеровцев. За ней следом иду я — 72 фашиста. Отпуска получили и трое снайперов-мужчин.

Подруги поздравляли нас, не скрывая своей зависти, просили передать привет родне. Снайпер Маша Морозова, от огорчения забыв об уставе, подошла к командующему фронтом и, теребя обшлага генеральской шинели, повторяла, как ребенок, одно:

— Товарищ генерал, миленький, отпустите! Мне тут недалеко, за неделю обернусь. Товарищ генерал, миленький!..

Командующий, не найдя, что ответить, даже задохнулся от изумления. Рослая, щекастая деваха, гвардии сержант, а ведет себя, как дитя малое. Однако отпуск дал. На десять суток.

Надолго запомнился мне первый приезд домой с фронта. Раннее утро. Не иду — бегу пустынной в этот час улицей. Вот и наш дом. Стучу в знакомую рассохшуюся дверь, а сердце, кажется, стучит еще громче: тук, тук, тук! Дома ли мама?

Меня ждала радость: мама только вернулась с ночной смены. Слезы лились по ее лицу, не переставая, но это были слезы счастья. А когда мама вытерла их, я увидела, как сдала, будто усохла вся, моя дорогая старушка. Вроде и ростом поменьше стала. А может, это я поднялась на армейских харчах?

Первую ночь, как в раннем детстве, спали вместе, в маминой постели. Вернее, не спали, шептались до рассвета.

— На работу надо, мама, или пропустишь день?

— Ой, надо, доченька, нельзя пропускать! Ваш заказ, фронту.

— Тогда поспим, мама. У меня глаза слипаются.

Отвернулась она к стенке, а я по дыханию слышу: не спит, только виду не показывает, чтобы меня не разбудить. И я не сплю...

В конце двухнедельного отпуска, пролетевшего, как один день, хватилась: ходила, ходила в булочную на углу, а денег ни разу не заплатила. В армии паек бесплатный, отвыкла от денег. Бегу в магазин, спрашиваю продавщицу:

— Сколько с меня причитается? За все время.

— Не велики деньги! — говорит она.— Я сразу догадалась, что вы в армии забыли, какие такие рубли-копейки бывают. Скажи, дочка: скоро ли война кончится?

— Теперь уже скоро,— отвечаю уверенно.— Коль вперед пошли — больше нигде не остановимся. Русский человек медленно запрягает, да быстро ездит! — вспомнила я любимое присловье комиссара Булавина.

И снова расставание на перроне, видевшем за эти годы столько разлук. Маму отпустили с работы, чтобы могла проводить меня. И еще на одной мысли поймала себя: возвращаюсь на фронт, а такое чувство, будто в дом родной, к своим еду...

Приходите на премьеру трижды

Опера П. И. Чайковского «Иоланта» впервые была показана 6 (18) декабря 1892 года на сцене Петербургского Мариинского театра (ныне это театр оперы и балета имени С. М. Кирова). Оркестром дирижировал Направник; в главных ролях выступали прославленные артисты — Л. Яковлев и чета Фигнер. Газеты отметили большой успех премьеры, но тогда никто, конечно, не знал, что «Иоланта» будет последним оперным произведением великого композитора России.

Рассказ о любви слепой девушки к рыцарю Водемону, о страстном человеческом желании вырваться из царства вечной темноты, чтобы познать красоту мира, глубоко волновал Чайковского гуманизмом и светлой лиричностью.

Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко обратился к «Иоланте»; премьера интересна тем, что ее следовало бы посмотреть не менее трех раз, чтобы оценить в заглавной роли артисток В. Громову, В. Каевченко и Г. Писаренко. И право же, трудно отдать кому-либо из них предпочтение!.. Роль короля Рене исполняет Э. Булавин, мавританского врача — Л. Болдин, Водемона — И. Джафаров и Н. Гутарович, только что окончивший Московскую консерваторию.

Интересные декорации художника А. Лушина напоминают старинную миниатюру. Спектакль осуществлен постановщиком А. Чичинадзе, за пультом — молодой дирижер В. Есипов.

На снимке: в заглавной роли вы видите (в центре) актрису В. Громову.

Фото А. Степанова.

ОБМЕНЯЛИСЬ ЦИРКАМИ

Программа Большого польского цирка, подготовленная специально для Советского Союза, интересна и разнообразна. Особенно всем нравится клоун Эдвард Дворaковский, который вносит в каждое представление живой юмор и задушевность. Талантливый артист появляется на арене много раз и неизменно вызывает на лицах зрителей улыбку, удивление, восхищение... Оригинален номер «Мексиканские игры», исполняемый Оскаром Харстейном и его детьми Варварой, Конрадом и Петром. А восточный танец с удавами!.. Интересного много. И когда советские зрители аплодируют польским циркачам, польские зрители, в свою очередь, приветствуют советских циркачей: наш цирк гастролирует в братской Польше.

М. ЦЕБОЕВ

На снимке: клоуны Большого польского цирка.

Фото И. Матвеевой.

Шесть лет назад в «Огоньке» был напечатан репортаж «Клуб открытых сердец» (в № 36 1960 года). В нем рассказывалось о детском клубе, организованном в одном бакинском дворе. Клуб назывался «Радуга», ребячьи сердца тянулись к нему. Девочек учили шить, печь пироги, готовить обед, мальчиков — столярному и слесарному ремеслу. А главное, «Радуга» требовала быть честным, отзывчивым, правдивым.

Так было шесть лет назад...

Идет «радужный чай». Сейчас Валик скажет что-то интересное.

Ия МЕСХИ

Фото И. Романова.

ЧТО ЗА «РАДУГ

Проскользнув мимо пацанов, попыхивающих в темном подъезде сигаретками, я стала спускаться в подвал. Теперь можно его так называть. Подвал и есть. А тогда? Посмел бы кто-нибудь тогда произнести это слово... Ах, подвал?! Значит, для тебя это не клуб, не «Радуга», а просто обыкновенный подвал? А ну выйди, пожалуйста, на середину. Поговорим.

И тут начиналось!..

Середина, доложу я вам,— страшное дело. Бес-по-щад-но-е. Стоит человечек, уши пылают, глаза не оторвать от пола, пальцы мнут кончик косынки или выкручивают пуговицу. А со всех сторон летят реплики, как стрелы. И даже самая писклявая мелюзга может бросить тебе в лицо довольно обидные слова. Главное, справедливые! Ничего не скажешь.

Видела я здесь и другое. Например, ЧУКи — чеховские уроки культуры. На ЧУКах речь шла о том, как надо вести себя за столом и что такое тактичность. Или как надо понимать музыку.

Однажды я участвовала в церемонии торжественного водворения Радужного Знамени на прежнее место. За несколько месяцев до этого знамя вынесли из клуба: так наказывалась разболтанность. Теперь знамя возвращалось. Это надо было заслужить.

Вдоль стен выстроились бригады Голубят, Искорок, Сорвиголов, Красных и Синих Стрел. Знаменосец — девочка с очень строгим лицом — внесла голубое полотнище на длинном древке. «Радуга» ликовала. «Радуга» надрывала глотку. И у меня тоже сердце прыгало от радости, что внесли наконец это знамя, хотя видела я его первый раз. Но таков был накал!

Года через два здесь стало немного по-другому. «Радуга» уменьшилась в размерах и превратилась в Союз Знаменосцев. Зато задачи углубились. Больше стало полезных дел. Появились законы: «Сначала — общее, потом — свое», «Знаменосцы — люди твердого слова», «Молчать нельзя», «Сдохни, но выполни!». Вот так...

Я вошла в бывший клуб «Радуги». Только что открыли двери, ввинтили лампочку, вытерли пыль.

Судаба, эта малышка непоседа с вечно растрепанной косой, подняла свою косу вверх, уложив ее кокетливо на голове. Выросла, кончает школу. Виктор совсем взрослый, токарь, комсорг в цехе. На Сашу, который доставлял когда-то «Радуге» много хлопот, приятно посмотреть: стал собранным, подтянутым, взгляд острый. Секретарь комсомольской организации в техникуме. Надя, бессменный знаменосец «Радуги», работает, учится заочно в иняз.

Прибежала Лида, поручив кому-то своего грудного первенца. Юра только что вернулся со смены, увидел свет, зашел. А Коля? Он, наверно, в своем заводском клубе. Там затевается оркестр. Это тот Коля, которого отшлепала мать за разорванные штаны, и он в расстройстве позабыл надеть к сбору радужный значок, за что и был выведен на середину. Значит, Коля не придет. И Эля — бывший председатель Совета «Радуги», теперь студентка-нефтяник — хоть и дома, но тоже не придет, потому что ей неинтересно.

А мы сидим и пытаемся понять, что случилось с «Радугой». Может быть, она вообще была ни к чему?

— То есть как это ни к чему?! — кричат все разом.— Конечно, не одной «Радугой» земля полнилась, у каждого была школа, свои учителя и вожатые. Но «Радуга» — это дом, и какой-то особый — общий, теплый, не похожий ни на какой другой. Здесь вместе справляли дни рождения, разбирали свои маленькие семейные драмы, готовили домашние спектакли. Весь поселок Монтино знал о «Радуге». А в райкоме, когда принимали в комсомол, обязательно встречали улыбкой: «А!.. «Радуга» пришла!..»

— То, что я не могу пройти теперь мимо плохого не вмешиваясь,— это у меня от «Радуги»,— говорит Виктор.

На Судабу, по ее словам, «Радуга» оказала огромное влияние. Саша считает, что именно «Радуга» заложила в нем основы коллективизма.

В чем же дело? Почему она погасла?

— «Радуга» была детским клубом, а мы выросли.

— Но за вами растут другие, ваши же сестры, братья?

— Нет, они уже не те. Совсем другое поколение...

Вот до чего модно стало говорить о поколениях. Каких-нибудь четыре года — и, пожалуйста, «новое поколение»...

— И все же они другие,— настаивают радужане.— Ни бригадами, ни ЧУКами, ни серединами их не проймешь. Песни, танцы — все стало иным...

В углу сидит, мнет в руке кепку и жадно вслушивается в наши споры мальчонка лет тринадцати, новенький в доме. А рядом со мной, на скамье, с блаженной улыбкой болтает ногами какой-то не очень умытый малыш. И еще я вспоминаю тех, у подъезда, с мерцающими сигаретами. Чем же они другие? Может быть, мы сами отдаем их в другие лапы? А если б была «Радуга»?

— Но кто ее поведет? С нами возились. У нас был Валик.

Да, это правда — у них был Валик.

Когда я увидела его впервые в этом «радужном» котле, он был студентом биофака. Клуб основала его мать, Аля Мартыновна Ермакова, инженер-судостроитель. Ушла на пенсию, увидела, что творится во дворе, и принялась всех поднимать. Она не могла видеть, как дети болтаются без присмотра. Кружки, мастерские — это все она. Потом ее не стало. В клубе появился ее портрет и голубое знамя с семью лентами — семью цветами радуги, которое она шила, уже прикованная к постели тяжким недугом.

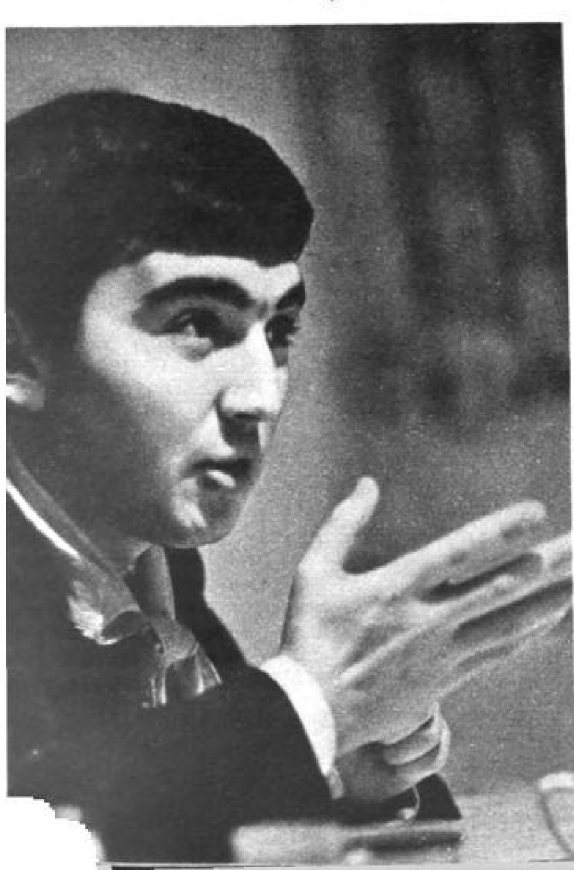
Валик повел дело иначе. Он решил, что домашний клуб должен не только развлекать, но и формировать, что можно и нужно помогать родителям, которые не успевают или не могут заниматься воспитанием своих детей. Бригады, ЧУКи, законы — это уже его придумки. На этих придумках и держалось все. Кончились придумки — кончилась «Радуга». Неясным оставалось одно: нужна ли сейчас та «Радуга», какой ее делал Валик? И вообще, куда он сгинул?

...Валик. Валентин Николаевич Ермаков. Учитель биологии и химии. Улыбка все та же, открытая, до ушей. Никуда он не сгинул. Живет в той же квартире, на том же этаже. Но живет, это, в общем, звучит формально. На самом деле жизнь его переместилась в другие бакинские поселки.

— Были у нас дела. Посильнее радужных...

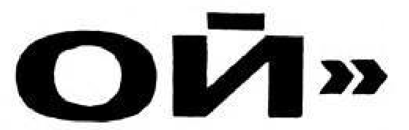
Валик поглаживает книгу в красном переплете и передает ее мне. Читаю: «Красная книга «Веги». И эпиграф: «Жить для себя — значит, жить для собственной смерти. Мы живем для людей». В книге много записей. Вот некоторые из них.

— А ну, покажи!

«Сшили 30 платьев для кукол в детском саду... Сделали новые грамотные этикетки в магазинах поселка... Поставили патруль у карьера с загрязненной водой, чтобы там не купались дети... Выпустили несколько номеров сатирической газеты о спекулянтах... Убрали маслины в парниках агрокомбината... Сделали скамейки у остановки трамвая... Почетный караул у памятника Ленину в день его рождения... Разгружали уголь, пилили дрова, делали скворечни...»

Кто же такая «Вега»? Это, оказывается, команда ветеранов-гайдаровцев (В. Г.— ветераны-гайдаровцы). Было такое движение в комсомоле, среди молодежи. Проходили слеты в Москве, Горловке. Валик создал такую команду в своей школе, в поселке «8-й километр» (сейчас он называется по-

селком Губкина). В команду вошли ребята, в том числе довольно ершистые, так называемые неисправимые. У них был в поселке штаб, дела, которые их увлекали, и свое кредо, изложенное в личных книжках веговцев: «Мы честные люди, которые не хотят сидеть сложа руки, когда жизнь кругом еще не совсем хорошая, люди, которые хотят эту жизнь сделать лучше. Быть честным и улучшать жизнь понемножку могут многие и в одиночку. Но мы объединились, потому что «двинуть кулаком»— это сильнее, чем «тыкать пальцем»...»

Хотя в этом кредо много спорного (почему надо объединяться, когда детские и молодежные объединения с подобными задачами существуют уже давно? Почему удел остального человечества — действовать в одиночку?), но все же лучше «тыкать» и «двигать», чем быть балластом.

— А сейчас все разбрелись,— говорит Валик.— Окончили школу, устроились на работу. Один в Братск поехал. Меня тоже назначили в школу другого поселка.

Но так же, как нельзя забыть «Радугу» (нет-нет да соберутся знаменосцы на перекличку!), не может Валик забыть и «Вегу». Просматривая по праву старого друга его дневники, я нахожу там такие записи:

«...Беседа с К. Переломный возраст. Если раньше интересно было делать для людей, то теперь интересно узнавать для себя. Идейность. Традиции «Веги» святы для него пока. Но слова высокие надоели. О красоте жизни не думал, не понимает.

...Беседа с К-р. Идейность есть. На красоте слов основана. Как же выразить высокие идеи маленькими словами?

...Беседа с П. В душе знает, что надо жить для людей, но в жизни не живет так. Среда другая. Сборы вспоминает ярко и радостно. Причину угасания «Веги» не знает. Сама об этом думает».

Сама об этом думает неизвестная мне девочка П., у которой, может быть, и на работе не очень ладится и дома нелучезарно. А в «Веге» жизнь кипела и делались дела, которые называются хорошим старомодным словом «благородные».

И Валик тоже думает. Он думает о том, как интересен стал мир и сколько разнообразной информации залетает отовсюду в молодые головы. Не упускаем ли мы чего-нибудь? Не слишком ли много дорогого времени отдаем на латание чьих-то прорех? Но он не только думает.

Еду к нему в школу, в поселок Ени Сураханы. Надо прямо сказать: это не Рио-де-Жанейро. Пыльные улицы. Старые, тридцатых годов дома. Но здание школы новое. Директор школы Али Абас Юнусов добавляет, что это здание пока единственный в поселке культурный очаг. Собрания, зрелища — все происходит тут. Здесь же работает организованный Ермаковым школьный клуб «Современник».

Попадаю прямо на занятие. Слушаю, как черноглазая Шарига рассказывает своим друзьям о Леонардо да Винчи. Разумеется, искусствовед справился бы с этим получше, однако детям интересно, они задают вопросы, рассматривают репродукции, высказывают свои суждения свободнее, чем это делалось бы при искусствоведе. Да и где его взять, искусствоведа, в школьном клубе далекого поселка?!

Потом Валик проводит занятия по логике. Потом я крайне неловко чувствую себя в игре, которая называется спор мудрецов. Две команды, доска, мел. Мысль выражается на доске абстрактно — линиями, фигурами. Надо разгадать, что хочет сказать противник, и в том же духе ответить ему. Силюсь, но ничего не могу понять. Между тем мудрецы страшно распаляются. Пошептавшись, выскакивают к доске, на которой нет уже свободного места. Кипит разум современника!

Но это не все. Рядом, в поселке Амираджаны,— другая школа, где у Валика тоже есть уроки и, следовательно, тоже клуб. Здесь он называется ИКС —«Интеллектуальный клуб современник». И здесь изучают логику, искусство, устраивают состязания ораторов, диспуты. ИКС ходит в гости к «Современнику».

Смотрю на новых молодых друзей Валика, и милая моя «Радуга» с ее знаменами и ЧУКами видится мне в дымке каких-то очень далеких лет. Но почему даже через эту дымку от нее струится тепло, а здесь этого нет?

И вот еще одно приглашение от Валика. Тот самый «8-й километр», где веговцы сажали свой коммунарский сад, дежурили у карьера и делали скамейки для трамвайных остановок.

Тоже что-то вроде подвальчика — бывший штаб «Веги». На стенах в легких изящных рамках портрет Ильича, картина Коржева «Поднимающий знамя», фреска «Вечный огонь». Полтора десятка симпатичнейших молодых физиономий поворачиваются ко мне. Среди них несколько знакомых радужан и школьных современников. Но большинство — бывшие веговцы. Они по традиции в красных пионерских галстуках. Да тут, оказывается, все или старшие пионервожатые, или комсорги...

На плитке сипит большой алюминиевый чайник, и девушки гремят чашками у стола, накрытого белой скатертью, подсчитывают карамельки, распределяя их кучками возле чашек. А в это время что-то лирическое выпевает магнитофон, и каждый новый пришелец встречается градом восклицаний и шуток.

Они не живут в одном доме или поселке, как радужане. Они не учатся в одной школе, как «современники» и «иксы». Они просто дружат, единомыслят. Им хочется побыть вместе. Молодежных кафе нет, дома — тесно. Но и не в этом дело. Встречаясь, им хочется немного поработать, пошевелить мозгами, обменяться знаниями и суждениями. Они называют это «Радужные чаи».

В прошлый раз говорили о современной поэзии и читали стихи, слушали сообщение об антиматерии, вместе читали Ленина — «Письмо к американским рабочим». Сегодня разговор об античном искусстве, об «Исповеди» Маркса.

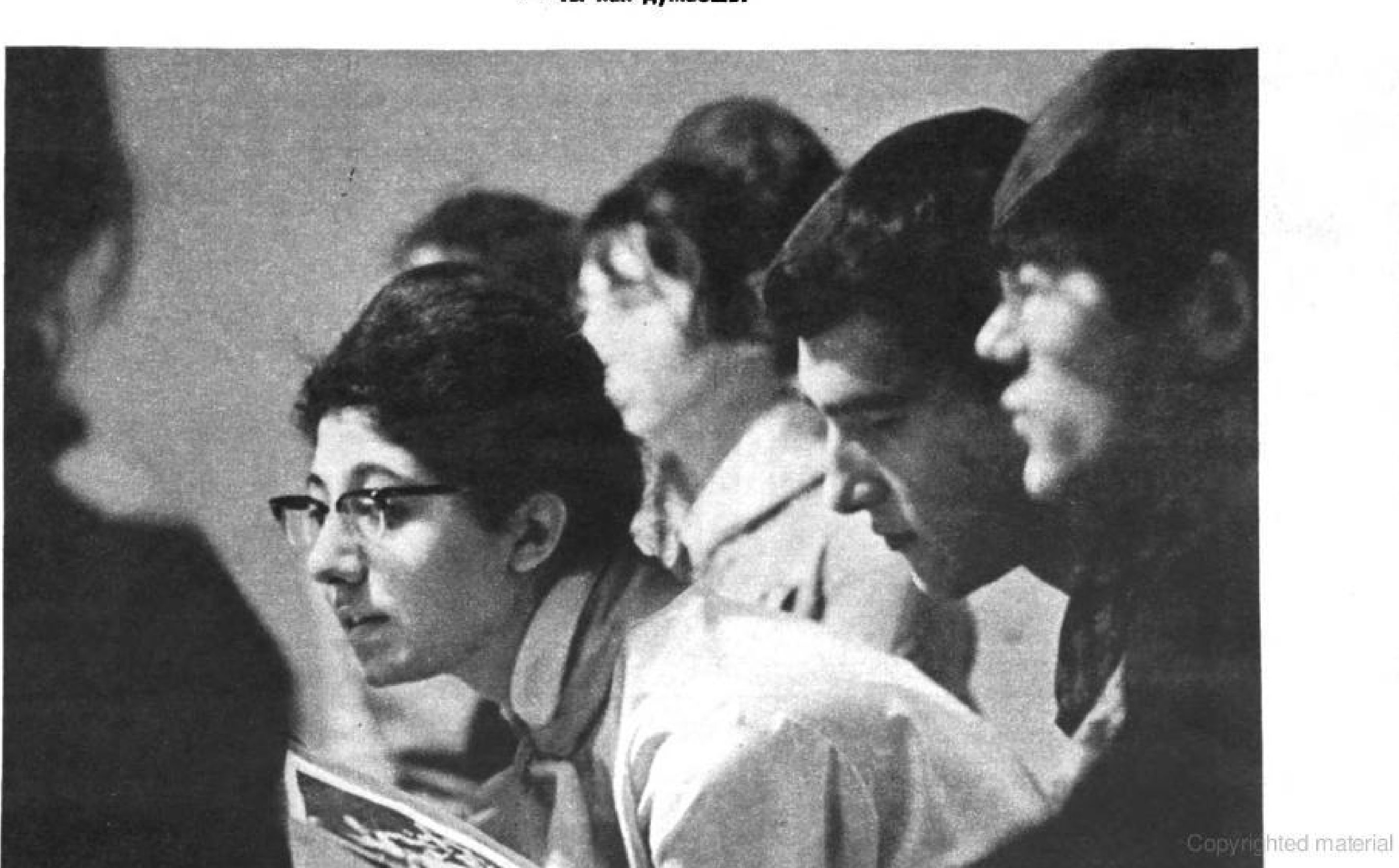
Разговор об «Исповеди» проходит оживленно. Сначала на вопросы отвечают сами и меня, гостя случайного, заставляют отвечать. Черта, которую вы больше всего цените в людях? Ваше представление о счастье? Ваши любимые поэты, цветы, девиз... Это ведь сразу так не ответишь. Пожалуйста, думайте, думайте! Все мы разные. Но в вопросе о счастье высказывается полное единодушие. Быть полезным людям. Быть нужным. Быть с людьми.

Говорит чистая, хорошая, очень юная юность. Любовь еще не трясла их души. Золотой телец их не беспокоит: и с карамельками чай хорош! Борьба? О борьбе представление еще смутное. И все же о борьбе разговор идет в связи с баррикадами Парижской коммуны, которую они вспоминают в этот день. Валик говорит о борьбе коммунистов за чистоту идей, о сегодняшней нашей борьбе с пошлостью, равнодушием, мещанством. Разве мало всего этого развелось? На какой-то пронзительной ноте Валик произносит клятву коммунаров. И ребята, за минуту до этого шумливые, разгоряченные спорами и чаем, замирают. Признаюсь, что и я вместе с ними. Потом они поют. Они поют «Интернационал».

...Я долго укладывала впечатления от всех потянувшихся за «Радугой» встреч. Что-то было по душе. Что-то протестовало. И я решила выложить все, как увидели мои глаза и сердце. К старой «Радуге», наверно, возврата нет. Кто же они, эти «другие» ребята, о которых говорили радужане? Может быть, гибче умом, с более жадными потребностями к познанию? Замечательно! И Валик идет к ним и вместе с ними. Не цепляется за старые формы, все время ищет и будет искать. Потому что молодым это нужно: вспыхнет что-то новое, погаснет, но след останется. Непременно. И человек останется в памяти, несколько категоричный и прямолинейный, с этаким беспокойным чеховским молоточком, который не дает быть только в себе и для себя и ничего не помнящими.

Кто он? Вожак? Или наставник? Или ни то, ни другое? Но кто же тогда?..

— Ты как думаешь!

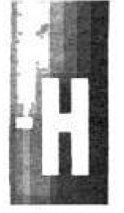

Рассказываем о привычном

НИ ЗЛАТУ, НО СТЕКЛУ...

М. АНГАРСКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Нет более загадочного материала, чем стекло, оно поражало и будет поражать человечество все новыми и новыми сенсациями,— говорил недавно скончавшийся лауреат Государственной премии профессор И. И. Китайгородский, которого почти во всем мире называли отцом стекла.

Стекло — поистине материал дивной красоты и самых невероятных возможностей. С помощью его ученые заглянули в дали Вселенной, изучают звездные миры, путешествуют в космосе. Вооружившись микроскопом, охотятся за микробами и проникают в строение ткани и органов человека, изучают процессы в живых клетках. Включая телевизоры, узнают все, что делается на нашей планете. Стекло пропускает свет в наши жилища, а превращаясь в очки, помогает читать и писать.

Представьте себе стекло, плавающее на воде, стекло, в которое можно вбить гвозды! Такой сенсацией меня поразил сам Китайгородский, когда я зашла к нему в лабораторию несколько лет назад. В то время Исаак Ильич вместе со своими помощниками только создавал этот необычный материал, похожий на застывшую пену, а потому и названный пеностеклом.

Если его рассмотреть под микроскопом, то увидишь, что оно состоит из огромного количества крошечных пузырьков, наполненных воздухом. В этом секрет его легкости.

Прочность пеностекла в два-три раза больше, чем у бетона, а теплоизоляционные свойства просто непревзойденные. В домиках, в которых между листами фанеры есть прослойка из пеностекла, теперь живут наши полярники на дрейфующих научных станциях в Ледовитом океане. В таких домах тепло. Они настолько легки, что, если предательская трещина на льдине подползет к жилью, вертолет сумеет поднять и перенести арктический особняк в другое место. Пеностекло можно распилить, просверлить и обточить на токарном станке. Впрочем, прочное стекло сегодня совсем уже не редкость. И на морских судах и на самолетах применяют небьющиеся, очень прочные стекла, которые, как говорится, пуля не прошибет.

Больше того, наши обыкновенные оконные стекла также скоро перестанут биться. На оконном стекле есть незаметные для глаза маленькие трещинки, уходящие вглубь на 30—50 микрон от поверхности. Вот эти трещинки и придают хрупкость стеклу. Но теперь специалисты могут их легко уничтожить. Стоит только стекло опустить в ванну с плавиковой кислотой, а затем покрыть тончайшей кремнийорганической пленкой.

— Повысить прочность оконного стекла — это сейчас у нас проблема номер один,— сказал мне руководитель одной из лабораторий Государственного института стекла М. Б. Романовский.

Судите сами, почти треть изготовляемого в нашей стране оконного стекла разбивается при перевозках и прочих операциях, словом, не доходит до своего прямого назначения. Сократить потери— это значит дать миллионы рублей прибыли государству.

А известно ли вам, что хрупкое стекло может переносить огромные давления?

Оказывается, гранитный кубик в 1 кубический сантиметр будет раздавлен тяжестью в 2 тысячи килограммов, чугунный треснет под тяжестью 7 тысяч килограммов, стеклянный же выдержит давление в 12 тысяч килограммов и больше!

Выходит, что стеклянный дом даже прочнее каменного. Его можно складывать из стеклянных кирпичей — такой мутновато-прозрачный легкий кирпич я на днях держала в руках.

В этом доме светло, солнечно. Окна в нем не нужны, через стены проходит мягкий свет, причем распределяется он очень равномерно. И, конечно, снаружи ничего не видно, что делается внутри: панели, пропуская свет, сами непрозрачны.

Сейчас, когда раздается много жалоб на то, что новые улицы наших городов однообразны, что дома, возводимые скоростным методом, похожи один на другой, появилась возможность сделать праздничными и нарядными районы новостроек. Это стеклянная мозаика, плиты для которой выпускает Ленинский стекольный завод. Когда попадаешь в цех, где их делают, создается впечатление, что ты находишься в сказочной мастерской волшебников. Льется огненно-оранжевый дождь, и капли расплавленного стекла заполняют стальные формы, растекаются в них. Затем ударяет мощный пресс, и жидкое огненное стекло превращается в аккуратный квадрат цвета морской волны. Он плывет по конвейеру в обжигательную печь, а затем отправляется на строительный завод. Там плитки навечно цементируются с железобетонной панелью. Из таких плиток легко выкладывать различные орнаменты, пользоваться ими для стенной живописи.

Превращения стекла невероятны. Вот оно обернулось в тончайшую волшебную нить, вызвавшую бурю восторгов на Международной Лейпцигской ярмарке 1965 года. Мне же удалось познакомиться с этой нитью на месте ее рождения — во Всесоюзном научно-исследовательском институте стекловолокна. Показывала мне эту тончайшую нить-волоконце кандидат технических наук Людмила Константиновна Измайлова.

Представьте себе нити тоньше человеческого волоска, по которым передаются изображения любых предметов.

Людмила Константиновна взяла собранные в один жгут сотни почти невидимых волоконцев, прислонила одним концом к разноцветной картинке, а другой конец жгута передала мне, сказав: «Смотрите!» Я поднесла к глазу кончики нитей и отчетливо увидела изображение картинки.

Секрет волшебства в том, что на тоненькое стеклянное волокно как бы накинута прозрачная рубашка, таким образом оно оказывается двухслойным. Лучи света, проходя через это двойное волокно, не рассеиваются, а претерпевают полное внутреннее отражение. По такому нитяному жгуту, или, как специалисты называют, кабелю, свет передается на большие расстояния, причем со значительно меньшими потерями, чем с помощью оптических приборов, сделанных из массивного стекла. Самое же главное — посредством такого кабеля световые сигналы могут передаваться по самой сложной, криволинейной траектории.

Это волокно произведет подлинный переворот в телевизионной, фототелеграфной, киносъемочной технике, в электронных счетно-решающих устройствах, будет использоваться в химических агрегатах, атомных установках, медицине.

Из стеклянного волокна можно прясть на редкость прочные шелковистые нити любого цвета и на обычных ткацких станках вырабатывать красивые прочные ткани. Появились уже хрустальный ситец и стеклянный сатин. Их создали под руководством доктора химических наук профессора М. С. Аслановой во Всесоюзном научно-исследовательском институте стеклопластиков и стекловолокна.

Эти тончайшие красивые ткани побывали в пылающей печи, где железо превращается в жидкость, и вышли оттуда как ни в чем не бывало. Да и не мудрено. Они выдерживают жару в 2 тысячи градусов! Пока подобная ткань идет на технические нужды. Однако нет сомнения в том, что стеклянную ткань можно будет скоро использовать для обычных платьев. Если когда-то французская королева Мария Медичи в день своего замужества получила в дар от Венецианской республики драгоценное подношение — стеклянное зеркало, то наша современница наденет на свою свадьбу блестящее стеклянное платье, и оно будет очень нарядным.

Стекло может стать платьем, а может превратиться в корабль или автомобиль. Если сравнить стеклянный катер со стальным, то при равном объеме он втрое прочнее и легче. Красить его вообще не нужно. Он не подвержен коррозии; не страшны ему ни палящие лучи солнца, ни сильный мороз. Точно таким же методом делают кузова автомобилей. Они изящны, легки, прочны. Тридцать тысяч самых различных изделий можно изготовить из стеклянного волокна.

Как был прав М. В. Ломоносов, когда два с лишним века назад писал:

«Пою перед тобой в восторге похвалу,
Не камням дорогим, ни злату, но стеклу».

Всю свою жизнь И. И. Китайгородский боролся с хрупкостью стекла и многое сделал в этом направлении.

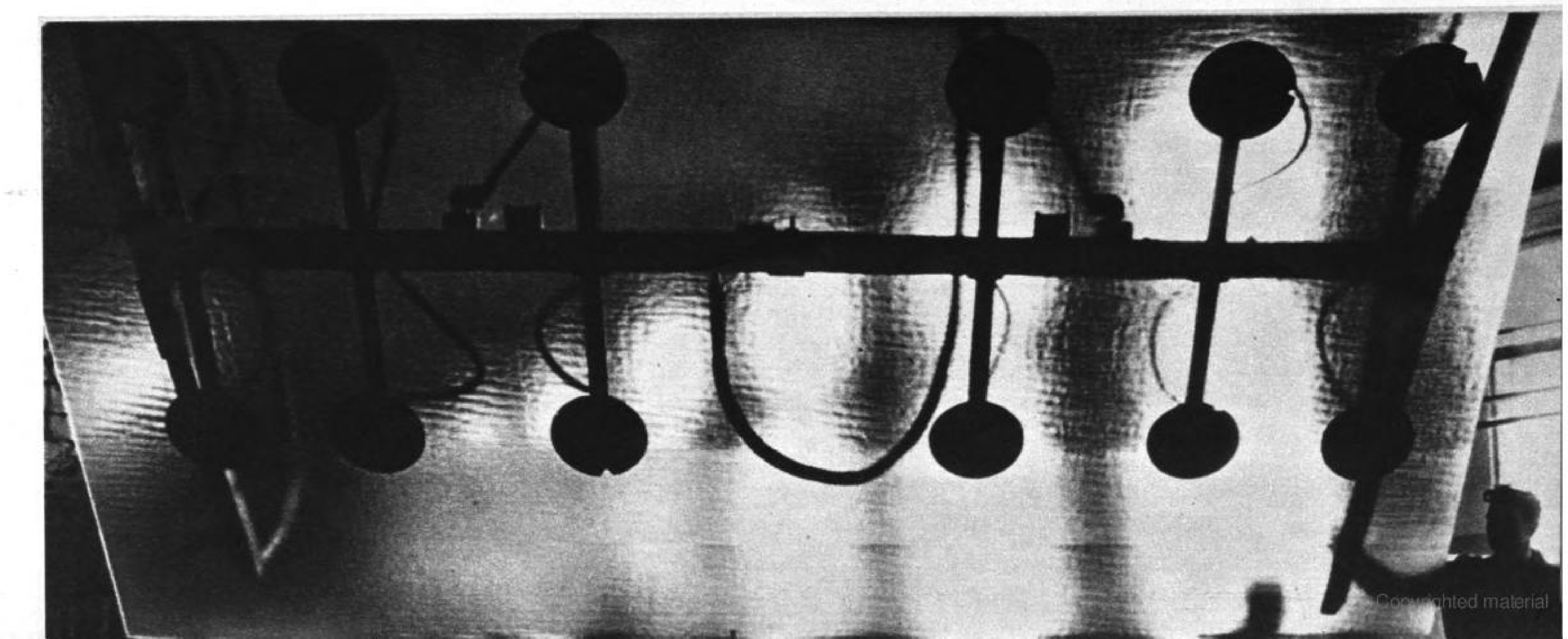
Профессор решил подвергнуть стекло дальнейшей термической обработке и приправить некоторыми химическими веществами. В результате структура его совершенно изменилась. В ней установился порядок, она перестала быть хаотичной благодаря образованию мельчайших кристаллов. Кристаллов этих бесконечное множество. Они намертво склеены между собой сверхтонкой стекловидной пленкой. Чтобы наглядней представить себе столь ультратонкую структуру, вообразите себе булавочную головку, в которую плотно уложены миллиарды частичек кристаллического вещества, склеенных стеклом. Благодаря такой структуре силы сцепления огромны; суммируясь, они придают новому материалу неслыханную прочность, твердость, стойкость. Этот материал профессор именовал ситаллом (происходит такое название от двух слов: стекло и кристалл).

Я видела, как палочки, пластинки, кубики из ситалла опускались в кислоту, щелочь, нагревались в электропечи до 1 тысячи градусов, а затем бросались в ледяную воду и выходили из нее абсолютно неповрежденные. Ситалл так закален, что позволяет производить с собой любые манипуляции, которые, конечно, не выдержит легированная сталь — она расплавится, разрушится от таких экспериментов.

Внимательно изучая процессы, происходящие в природе, несколько корректируя их, Китайгородский и его коллеги создали новую отрасль промышленности, отвечающую придирчивым требованиям XX века.

Это волновод. Через оптические волокна можно передавать любое изображение.

Лист стекла — тринадцать квадратных метров.

Огнеупорное, высокопрочное стекло побывало в космосе на искусственных спутниках Земли и чувствует себя отлично.

Стеклодув Е. Н. Чибисов.

Изоляторы для линии электропередач Куйбышев — Москва.

Мозаика украсит новые здания.

ВСТРЕЧА С СЫНОМ ХУДОЖНИКА

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

В конце прошлого века на окраине Москвы, в Нижних Котлах, стояло большое деревянное строение, принадлежавшее художнику Верещагину. Там жила семья художника, там же находилась его мастерская и летний павильон. В солнечные дни его заливало солнце. И если Верещагину хотелось показать на картине комнату, человека, предметы, освещенные солнцем, он переносил полотно в павильон, там и писал.

В дом, где жила семья Верещагиных — Лидия Васильевна, дочери Лидия, Анна, Мария и единственный сын Василий,— весной 1904 года нагрянула беда. Апрельским солнечным утром сюда пришел близкий знакомый Верещагиных, чиновник удельного ведомства Василий Антонович Киркор. Зная, что почта доставлялась жителям Нижних Котлов поздно, Киркор привез свежую газету. И Лидия Васильевна, жена художника, узнала страшную весть. Ее муж, отец ее детей, погиб 31 марта 1904 года при взрыве броненосца «Петропавловск»...

С тех пор минуло 62 года. Близится 125-летие со дня рождения Василия Васильевича Верещагина.

Давно уже умерла Лидия Васильевна. Умерли и дочери. Исчез бревенчатый дом в Нижних Котлах. Нет могилы великого художника.

Но поныне живут картины и рисунки Верещагина. Их знает весь мир...

Недавно я беседовал с последним представителем семьи художника — его сыном Василием Верещагиным, который живет в Чехословакии. Старожилы Праги и Карловых Вар знают инженера Верещагина уже не одно десятилетие. Он построил много шоссейных дорог в тех краях.

Ему было всего двенадцать лет, когда погиб отец.

Сын художника рассказывает:

— В семье Верещагиных я третий Василий Васильевич. Так звали и деда и отца... Вы спрашиваете, писал ли я воспоминания об отце? Нет. Ни одной строчки. Но помню немало. Откладывать нельзя. Мне уже семьдесят три года. Не знаю только, с чего начать свои воспоминания. Может, рассказать сперва о нашем доме, для постройки которого отец выписывал лес из родных мест — с реки Шексны. Он ведь был уроженцем Череповца...

Сам я родился в Москве, отлично помню наш дом, мастерскую отца, но лучше всего — чердак. Для меня, мальчишки, это было самое заманчивое место. Почему? Отец мой устроил там своего рода арсенал. Каждый раз, возвращаясь с театра военных действий, он привозил оружие. Оно было нужно для работы над будущими картинами. Были на нашем чердаке и всякие пищали, карабины, кинжалы, мушкеты, ятаганы и прочее.

Я весь обвешивался оружием, сгибался под его тяжестью, едва шагал, но не выпускал из рук огромную пику, а чаще карабин. То заряжал его, то разряжал...

В памяти сына художника сохранился период работы Верещагина над серией картин «1812 год»:

Сын художника В. В. Верещагин.

— Когда отец писал портрет Наполеона, к нам домой пришел фотограф. Снимал много. У меня сохранились две фотографии. Было это, пожалуй, более семидесяти лет назад...

Василий Васильевич показывает снимок, где запечатлены его родители и он сам. Рядом, на мольберте, незаконченный портрет Бонапарта.

— Мне хорошо запомнился период, когда отец писал Наполеона с маршалом Лористоном и когда работал над картиной «Дурные вести из Франции». Еще помню, как он создавал серию рисунков об испано-американской войне. Тогда и шли в ход привезенные им военные костюмы и оружие...

Василий Васильевич показал репродукции пяти рисунков, вместе как бы составляющих рассказ о жизни и гибели русского солдата. Вот он лихо сидит на лошади, кому-то козыряет.

— Отец тогда говорил: «Всадник ранен, но сам еще этого не осознал. Я по себе знаю. В турецкую кампанию меня на миноноске ранило. Но я сперва не понял, не почувствовал. Так и он...»

Еще рисунок: раненого принесли в госпиталь. Он уже перевязан и диктует сестре милосердия письмо к матери. Но письмо прервано. Раненому плохо, возле него хлопочет сестра. И последний рисунок: письмо осталось неоконченным. Опечаленная сестра склонилась над умершим воином.

В сестре милосердия сын Верещагина видит свою мать. Он помнит, как она позировала отцу.

...И еще один эпизод, рассказанный сыном Верещагина.

— Не помню, в каком году это было. Семья наша поселилась на лето вблизи Севастополя. Сняли домик у моря, неподалеку от Георгиевского монастыря. Мой отец любил море, любил рисовать его. Он ведь окончил Морской корпус в Петербурге, был произведен в гардемарины. Но тяга к живописи взяла верх... Так вот, жили мы у самого Черного моря.

В один из тихих дней близ берега появилось несколько миноносок. Они развернулись, и (к ужасу монахов!) остановились, спустили шлюпки. На берег высадилась группа моряков и адмирал, кажется, его фамилия была Сиденснер... Возможно, единственным свидетелем той встречи моряков с Верещагиным сегодня остался один только я,— говорит Василий Васильевич.

Потом он коротко рассказал историю своей жизни.

Еще юношей лишился матери. В двадцать лет стал студентом Московского университета. Два года учился на юридическом факультете. Но началась мировая война, и студент Верещагин ушел добровольцем на фронт, в артиллерию. Спустя год под Сувалками был ранен и награжден Георгиевским крестом.

Василий Васильевич Верещагин с женой Лидией Васильевной и сыном Васей. Редкая фотография.

— Знаете, ведь отец мой тоже был георгиевским кавалером.

...После окончания гражданской войны молодой Верещагин вместе с разгромленной белой армией оказался на чужой земле. В буржуазной Чехословацкой республике завершил свое образование, прерванное войной. Окончил институт путей сообщения, стал инженером по строительству шоссейных дорог.

— Будучи студентом в Чехословакии, я получал небольшую стипендию. Жилось трудно. Неожиданно в Праге мне предложили солидный заработок. Группа художников (точнее, авантюристов) изготовляла копии с картин известных мастеров и сбывала их в качестве подлинников. Они сделали копии с нескольких картин моего отца и предложили мне письменно удостоверить, что это подлинники. Я, конечно, отказался...

Василий Васильевич Верещагин держится бодро, выглядит моложе своих лет. Теперь он уже пенсионер, стал заядлым грибником. Вместе с женой долгие часы проводит в лесах, окружающих Карловы Вары.

— Хожу по грибы, как некогда на родине...

В этих словах угадывается тайная мечта Василия Васильевича вновь побывать в Москве, где он родился, учился, вырос, заглянуть в Нижние Котлы и отыскать то место, где стоял отцовский дом, покинутый им в далеком 1919 году.

СПРОС ВЕЛИК, А ПРЕДЛОЖЕНИЕ?

Вы сидите в кафе с друзьями и предупредили дома: «Если меня будут спрашивать, пусть позвонят по телефону...» Вы назвали номер телефона-автомата в кафе. Это не совсем обычный аппарат, не тот, к которому мы привыкли. Он, этот новый аппарат, стоит на столе. Вы можете, опустив двухкопеечную монету, позвонить из кафе, а главное, и вам могут позвонить. Человек, дежурящий у аппарата, заходит в зал и объявляет: «Товарищ Иванов, подойдите к телефону...»

Этот настольный таксофон — вы видите его на снимке — создан в Центральном конструкторском бюро Министерства связи СССР инженерами А. А. Барановым и Г. К. Сафроновым.

В этом же бюро родилась еще одна новинка — автоответчик, сконструированный инженерами З. М. Славиным, В. Н. Магидом и Е. А. Воронцовым.

В ваше отсутствие такой аппарат будет отвечать абонентам все, что вы перед уходом из дому продиктуете в 10 секунд:

— Буду в 11 часов.
— Ушли в театр...
— Звоните Вере...
— Уехал на работу...

Теперь о самом главном — когда появятся в магазинах автоответчики, когда мы увидим настольные таксофоны в кафе, ресторанах, магазинах, парикмахерских, на вокзалах?..

В Центральном конструкторском бюро нам ответили:

— Первые образцы головной партии будут выпущены Куйбышевским заводом Главного управления промышленных предприятий Министерства связи в ближайшие месяцы. Серийный выпуск начнется в 1967 году.

Мы попросили уточнить, сколько аппаратов будет выпущено. Нам ответили:

— В этом году автоответчиков будет сдано 100 штук, настольных таксофонов 10(!), в 1967 году — таксофонов 500, автоответчиков — 5 тысяч.

О мизерности этой цифры можно судить по такой справке начальника Управления телефонных сетей Москвы Виктора Иосифовича Засыпкина:

— Мы давно ждем эти аппараты и могли бы закупить для москвичей по меньшей мере четыре-пять тысяч настольных таксофонов и для начала до пяти тысяч автоответчиков. Это только для Москвы...

Как видите, товарищи связисты, спрос значительно превышает предложение. Нельзя ли найти выход?

Мих. ЭДУАРДОВ

Евг. ЕВТУШЕНКО

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

* * *

Я разлюбил тебя... Банальная развязка,
банальная, как жизнь, банальная, как смерть.
Я оборву струну жестокого романса,
гитару пополам — к чему ломать комедь!

Лишь не понять щенку — лохматому уродцу,
чего ты так мудришь, чего я так мудрю.
Его впущу к себе — он в дверь твою скребется,
а впустишь ты его — скребется в дверь мою.

Пожалуй, можно так с ума сойти, метаясь...
Сентиментальный пес, ты попросту юнец,
но не позволю я себе сентиментальность.
Как пытку продолжать — затягивать конец.

Сентиментальным быть не слабость — преступленье,
когда размякнешь вновь, наобещаешь вновь
и пробуешь, кряхтя, поставить представленье
с названием тупым: «Спасенная любовь».

Спасать любовь пора уже в самóм начале
от пылких «Навсегда!», от детских «Никогда!».
«Не надо обещать!» — нам поезда кричали,
«Не надо обещать!» — мычали провода.

Надломленность ветвей и неба задымленность
предупреждали нас, зазнавшихся невежд,
что полный оптимизм есть неосведомленность,
что без больших надежд — надежней для надежд.

Гуманней трезвым быть и трезво взвесить звенья
допрежь, чем их надеть,— таков закон вериг,
не обещать небес, но дать хотя бы землю,
до гроба не сулить, но дать хотя бы миг.

Гуманней не твердить «люблю», когда ты любишь.
Как тяжело потом из этих самых уст
услышать звук пустой, вранье, насмешку, грубость,
и ложно полный мир предстанет ложно пуст.

Не надо обещать. Любовь — неисполнимость.
Зачем же под обман вести, как под венец?
Виденье хорошо, пока не испарилось.
Гуманней не любить, когда потом конец.

Скулит наш бедный пес до умопомраченья,
то лапой в дверь твою, то в дверь мою скребя.
За то, что разлюбил, я не прошу прощенья,
прости меня за то, что я любил тебя.

* * *

А снег повалится, повалится,
и я прочту в его канве,
что моя молодость повадится
опять заглядывать ко мне.

И поведет куда-то за руку
на чьи-то тени и шаги,
и вовлечет в старинный заговор
огней, деревьев и пурги.

И мне покажется, покажется
по Сретенкам и Моховым,
что молод не был я пока еще,
а только буду молодым.

И ночь завертится, завертится,
и, как в воронку, втянет в грех,
и моя молодость завесится
со мною снегом ото всех.

Но, сразу ставшая накрашенной
при беспристрастном свете дня,
цыганкой, мною наигравшейся,
оставит молодость меня.

Начну я жизнь переиначивать,
свою наивность застыжу
и сам себя, как пса бродячего,
на цепь угрюмо засажу.

Но снег повалится, повалится,
закружит все веретеном,
и моя молодость появится
опять цыганкой под окном.

А снег повалится, повалится,
и цепи я перегрызу,
и жизнь, как снежный ком, покатится
к сапожкам чьим-то там, внизу...

* * *

Качался старый дом, в хорал слагая скрипы,
и нас, как отпевал, отскрипывал хорал.
Он чуял, дом-скрипун, что медленно и скрытно
в нем умирала ты, и я в нем умирал.

«Постойте умирать!» — звучало в ржанье с луга,
в протяжном вое псов и в сосенной волшбе,
но умирали мы навеки друг для друга,
и это все равно, что умирать вообще.

А как хотелось жить! По соснам дятел чокал,
и бегал еж ручной в усадебных грибах,
и ночь плыла, как пес, косматый, мокрый, черный,
кувшинкою речной держа звезду в зубах.

Дышала мгла в окно малиною сырою,
а за моей спиной — все видела спина! —
с платоновскою «Фро», как с найденной сестрою,
измученная мной, любимая спала.

Я думал о тупом несовершенстве браков,
о подлости всех нас — предателей, врунов.
Ведь я тебя любил, как сорок тысяч братьев,
и я тебя губил, как столько же врагов.

Какая же цена ораторскому жару,
когда, расшвырян вдрызг по сценам и клише,
хотел я счастье дать всему земному шару,
а дать его не смог одной живой душе?

Да, стала ты другой. Твой злой прищур нещаден.
Насмешки над людьми горьки и солоны.
Но кто же, как не мы, любимых превращает
в таких, каких любить уже не в силах мы?!

Да, умирали мы... Но что-то мне мешало
уверовать в твое, в мое небытие.
Любовь еще была. Любовь еще дышала
на зеркальце в руках у слабых уст ее.

Качался старый дом, скрипел среди крапивы
и выдержку свою нам предлагал взаймы.
В нем умирали мы, но были еще живы.
Еще любили мы, и, значит, были мы.

Когда-нибудь потом — не дай мне бог, не дай мне! —
когда я разлюблю, когда и впрямь умру,
то будет плоть моя, посмеиваясь втайне:
«Ты жив!» — шептать в ночном обманчивом жару.

Но в суете страстей, печально поздний умник,
внезапно я пойму, что голос плоти лжив,
и так себе скажу: «Я разлюбил. Я умер.
Когда-то я любил. Когда-то я был жив».

МУКИ СОВЕСТИ

Д. Шостаковичу.

Мы живем, умереть не готовясь,
забываем поэтому стыд,
но мадонной невидимой совесть
на любых перекрестках стоит.

И бредут ее дети и внуки
при бродяжьей клюке и суме,
муки совести — странные муки —
на бессовестной к стольким Земле.

От калитки опять до калитки,
от порога опять на порог
они странствуют, словно калики,
у которых за пазухой бог.

Не они ли с укором бессмертным
тусклым ногтем стучали тайком
в слюдяные окошечки смердов,
а в хоромы царей — кулаком?

Не они ли на загнанной тройке
мчали Пушкина в темень пурги,
Достоевского гнали в остроги
и Толстому шептали: «Беги!»?

Палачи понимали прекрасно:
«Тот, кто мучится,— тот баламут.
Муки совести — это опасно.
Выбьем совесть, чтоб не было мук».

Но, как будто набатные звуки,
сотрясая их кров по ночам,
муки совести — грозные муки —
проникали к самим палачам.

Ведь у тех, кто у кривды на страже,
кто давно потерял свою честь,
если нету и совести даже,
муки совести все-таки есть.

И покуда на свете на белом,
где никто не безгрешен, никто,
в ком-то слышится: «Что я наделал!»,
можно сделать с Землей кое-что.

Я не верю в пророков наитья,
во второй или тысячный Рим,—
верю в тихое: «Что вы творите?»,—
верю в горькое: «Что мы творим?»

И целую вам темные руки
у безверья на скользком краю,
муки совести — светлые муки,—
за последнюю веру мою.

ЗАПАДНЫЕ КИНОВПЕЧАТЛЕНИЯ

Прочь акатоне,
прочь пеонов —
айда на фильмы про шпионов!
Что Гамлет
или Хиросима!
Страданья —
это некрасиво.
Красиво —
чью-то ручку чмокнуть,
и вдруг —
наручник на нее.
Красиво —
выследить и чпокнуть.
Не жизнь — малина,
ё-моё!
Что толку шумным быть поэтом,
какая в этом благодать!
А вот бесшумным пистолетом
полезней,
право,
обладать!
Чекист сибирский
Лев Огрехов
вербует водкой бедных греков
и разбивается на части,
вооруженный до зубов,
внезапно выпрыгнув из пасти
рекламы пасты для зубов.

С мешком резиновым тротила
американец Джон О'Нил,
напялив шкуру крокодила,
переплывает ночью Нил.

Следя за тайнами красавиц,
шпион китайский —
тощий Ван,
насквозь пружинами пронзаясь,
ложится доблестно в диван.

И там, страдая,
вместо: «Мама...»
он грустно шепчет:
«Мяу... Мяу...»
И над всеми,
как над плебсом,
ведя себя с английским блеском,
целует девочек взасос
Джеймс Бонд —
шпион, Иисус Христос!

С ума схожу.
Себя же боязно.
Быть может, я и сам шпион?
Я скручен лентами шпионскими,
как змеями —
Лаокоон.

Вот к вам приходит друг с бутылкой.
Не слишком кажется ли пылкой
вам речь его?
Воркует бас...
А может, он вербует вас?!

Вот ночью женщина в постели
вам что-то шепчет еле-еле.
В ее глазах такая качка...
А может быть, она стукачка?!

Ваш дядя —
самых честных правил —
купил тройной одеколон.
Он вас подумать не заставил,
что он в душе —
тройной шпион?!

Вот мира этого Links Бербанк!
Шпикам на радость мокроносым
скрестил он розу с микрофоном
и положил мильончик в банк.

Но, кстати, знайте,
что пионы
уже давным-давно —
шпионы.

Мне снится мир под мрачным сводом,
где завербована луна,
где городам и пароходам
дают шпионов имена.

Спешат шпионы-делегаты
на мировой шпионский съезд.
Висят призывные плакаты:
«Кто не шпионит — тот не ест».

И тысячи живых шпионов,
как совесть наций, честь и суд,
букеты розо-микрофонов
к шпионам бронзовым несут...

Довольно!
Этот сон кошмарен.
Он с ядом,
этот жуткий джем.
Я, может, не совсем нормален,
но ненормален не совсем.

Реклама,
брось шипеть неоном!
В моем понятии простом
шпион останется шпионом,
Христос останется Христом.

ЭСТРАДА

Проклятие мое,
души моей растрата,—
эстрада...

Я молод был.
Хотел на пьедестал,
хотел аплодисментов и букетов,
когда я вышел
и неловко стал
на тальке, что остался от балеток.
Мне было еще нечего сказать,
а были только звон внутри
и горло,
но что-то сквозь меня такое перло,
что невозможно сценою сковать.
И голосом ломавшимся моим
ломавшееся время закричало,
и время было мной,
и я был им,
и что за важность,
кто был кем сначала.
И на эстрадной огненной черте
вошла в меня невысказанность залов,
как будто бы невысказанность зарев,
которые таились в темноте.
Эстрадный жанр перерастал в призыв,
и оказалась чем-то третьим слава.
Как в библии,
вначале было слово,
ну, а потом —
сокрытый в слове взрыв.
Какой я Северянин,
дураки!
Слабы, конечно, были мои кости,
но на лице моем
сквозь желваки
прорезывался грозно Маяковский.
И, золотая вся от удальства,
дыша пшеничной ширью полевою,
Есенина шальная голова
всходила над моею головою.
Учителя,
я вас не посрамил,
и вам я тайно все букеты отдал.
Нам вместе аплодировал весь мир:
Париж, и Гамбург,
и Мельбурн,
и Лондон.
Но что со мной ты сделала —
ты рада,
эстрада?!

Мой стих не распустился,
не размяк,
но стал грубей и темой
и отделкой.
Эстрада,
ты давала мне размах,
но отбирала таинство оттенков.
Я слишком от натуги багровел.
В плакаты влез
при хитрой отговорке,
что из большого зала акварель
не разглядишь,
особенно с галерки.
Я верить стал не в тишину —
в раскат,
но так собою можно пробросаться.
Я научился вмазывать,
врезать,
но разучился тихо прикасаться.
И было кое-что еще страшней:
когда в пальтишки публика влезала,
разбросанный по тысячам людей,
сам от себя
я уходил из зала.
А мой двойник,
от пота весь рябой,
сидел в гримерной,
конченый волшебник,
тысячелик
от лиц, в него вошедших,
и переставший быть самим собой...

За что такая страшная награда —
эстрада?
«Прощай, эстрада...» —
тихо прошепчу,
хотя забыл я, что такое шепот.
Уйду от шума в шелесты и шорох,
прижмусь березке к слабому плечу.
Но, помощи потребовав моей,
как требует предгрозье взрыва,
взлома,
невысказанность далей и полей
подкатит к горлу,
сплавливаясь в слово.

Униженность и мертвых и живых
на свете,
что еще далек до рая,
потребует,
из связок горловых
мой воспаленный голос выдирая.
Я вас к другим поэтам не ревную.
Не надо ничего — я все отдам,
и глотку
да и голову шальную,
лишь только б лучше в жизни было вам!
Конечно, будет ясно для потомков,
что я —
увы! —
совсем не идеал,
а все-таки
пусть грубо или тонко
я чувства добрые с эстрады пробуждал.
И прохриплю,
когда иссякших сил,
пожалуй, и для шепота не будет:
«Эстрада,
я уж был, какой я был,
а так ли жил —
пусть бог меня рассудит».
И я сойду во мглу с тебя без страха,
эстрада...

ШУТЛИВОЕ

Меняю славу на бесславье,
ну, а в президиуме стул
на место теплое в канаве,
где хорошенько бы заснул.
Уж я бы выложил всю душу,
всю мою смертную тоску
вам, лопухи, в седые уши,
пока бы ерзал на боку.
И я проснулся бы, небритый,
средь вас, букашки-мураши.
Ах, до чего ж незнаменитый —
ну хоть «Цыганочку» пляши.
Вдали бы кто-то рвался к власти,
держался кто-нибудь за власть,
а мне-то что до той напасти,
мне из канавы не упасть.
И там в обнимку с псом лишайным
в такой приятельской пыли
я все лежал бы и лежал бы
на высшем уровне — земли.
И рядом плыли бы негрешно
босые девичьи ступни,
возы роняли бы небрежно
травинки бледные свои.
...Швырнет курильщик со скамейки
в канаву смятый коробок,
и мне углами губ с наклейки
печально улыбнется Блок.

ИЗ ГЛУБИНЫ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Большой жизненный пласт, события примерно трех десятилетий, в особенности первого послевоенного, охватывает творчество белорусского писателя Янки Брыля. Писать он начал в конце тридцатых годов, когда ему не было и двадцати лет. Однако наиболее полного расцвета, возмужания его творчество достигло лишь в послевоенные годы, когда от боевой и тревожной партизанской жизни, походов и костров в белорусских лесах он вернулся к мирному очагу и всецело отдался литературному труду. В 1950 году вышла в свет повесть Янки Брыля «В Заболотье светает», отмеченная Государственной премией. Примерно в то же время были опубликованы и рассказы писателя из воспоминаний о детстве, которые потом неоднократно издавались на белорусском и русском языках.

Сборник «Под говор костра» включает более сорока рассказов, написанных в самое разное время. По нему от начала до конца, с первого рассказа до последнего, можно проследить весьма примечательный, героический путь, по которому через болота, партизанскими тропами, отмеченными смертью, человеческой кровью, пришел Янка Брыль в литературу. И он принес в нее сокровенное слово, душевное, свежее, порой поперченное мужицким юмором, озорным и смачным.

Его рассказы воспринимаются как стихотворения в прозе, со своей внутренней спецификой, динамикой, ритмикой. Главный лирический герой этих рассказов — сам поэт, страстно влюбленный в родной язык, в свой отчий край — страну девственных лесов, широких, полноводных рек, прозрачных озер и любовно обихоженных полей.

Для рассказов Янки Брыля совсем не характерен замысловатый, увлекательный сюжет с неожиданными, крутыми поворотами, острыми конфликтами, ситуациями. Больше того, в отдельных его рассказах трудно найти сюжет в собственном смысле этого слова. И тем не менее рассказы эти интересны, значительны по содержанию. В своих рассказах, повестях Янка Брыль выступает как правдивый народный сказитель. А отдельные его произведения, например, «Двадцать», «Под говор костра», воспринимаются скорее всего как большие или миниатюрные стихотворения в прозе, в которых авторская индивидуальность проступает особенно отчетливо и свежо.

«...И костер мой трещит живым сосновым треском. Подбросишь ветку-другую, пламя так жадно накинется на хвою, что шум его напомнит отдаленные раскаты грома. За центром мира — за костром — звучат вокруг и другие голоса жизни. На дальних подступах жалобно ноют комары — почти не слышно. Однообразно и назойливо, как графоман, скрипит дергач. Сыто, самодовольно кряхтят лягушки. С вечера за рекой долго слышалось натужное, с паузами, хрюканье автомобильного мотора: где-то в низине сражался с грязью грузовик...»

Большинство рассказов, включенных в сборник, дает представление о Янке Брыле как о талантливом, виртуозном мастере слова, пытливом и тонком народном художнике.

Н. ШЕВЕЛЕВ

Янка Брыль. Под говор костра. Издательство «Художественная литература». 1966.

ГЛАЗАМИ ДАЛЕКОЙ ЮНОСТИ

Через сорок три года встретились ветераны 1-го Грайворонского полка М. А. Носов, И. Н. Шевченко и Г. И. Иващенко.

Однажды Георгий Иванович Иващенко, старший инженер треста «Краснолучуголь», увидел корреспонденцию: «Судьба пулеметчика. Награда вручена герою через 40 лет». Один читать Георгий Иванович не мог.

— Дина! — позвал он жену.— Слушай!

«...под хутором Круглик, что вблизи станицы Гривенская, улагаевцы встретили прочный заслон. Стеной встали бойцы 78-го стрелкового полка Красной Армии. Озверелые белоказаки рвались вперед и откатывались назад под смертоносным огнем. Сто шагов отделяли тачанку вихрастого юного пулеметчика Митрошин Носова от казаков, когда он нажал гашетку. Было 12 тачанок, 12 бесстрашных бойцов преградили путь врагу. Улагаевцы дрогнули и побежали. Так было положено начало разгрому десанта...»

Георгий Иванович оторвался от газетных строк, глянул на жену:

— Семьдесят восьмой стрелковый... Это про наш Грайворонский полк. Помню я тот бой. И Носова помню...

Из газеты Иващенко узнал, что Митрофан Афанасьевич Носов ра-

Рэймонд Робинс и

ГОЛОСА НАШИХ ДРУЗЕЙ

Альберт Рис Вильямс с женой Люситой летом 1959 года в Москве.

Публикуемую впервые на русском языке статью «Рэймонд Робинс и Октябрьская революция» Альберт Рис Вильямс прислал мне незадолго до своей кончины вместе с письмами, еще нигде не напечатанными. В этих документах выражены искренние чувства к советскому народу двух прогрессивных американцев, имевших счастье видеть Октябрьскую революцию в Петрограде и беседовать с Лениным.

В своем письме от 20 марта 1945 года, когда уже был близок окончательный разгром гитлеровской Германии, Альберт Рис Вильямс писал Робинсу: «Я представляю себе, что Вы думаете теперь, когда Ваш советский ребенок вырос в гиганта». Тогда же Вильямс сообщил о стремлении поскорее закончить подготовку нового издания книги о первых днях Октябрьской революции. Он хотел поехать в Советский Союз. Кстати говоря, и то и другое он осуществил — был гостем нашей страны в 1959 году.

Вероятно, в ответ на это письмо Робинс пишет 23 мая 1945 года, называя Вильямса «дорогим товарищем по Великой Советской революции, совершившейся в Петрограде в ноябре 1917 года». Он заявляет: «Вам хорошо известно, что мой интерес к Советской России не ослабевает и поныне».

Выступая против политики империалистических держав, направленной на сохранение их власти в колониях, Робинс 11 марта 1947 года писал, подчеркивая отдельные слова: «Русский коммунизм ЭКОНОМИЧЕСКИ освободил русских крестьян и рабочих, создал ПОБЕДОНОСНУЮ КРАСНУЮ АРМИЮ, положил начало наиболее широкой системе образования для ВСЕХ детей великого народа, покончил с безработицей, с проклятием необеспеченной старости, болезней и увечий и открыл путь к братству многих рас и национальностей, языков и верований — этому величайшему достижению во всю длительную историю человеческого рода, населяющего третью планету от Солнца».

В первые же месяцы Советской власти Рэймонд Робинс первый из всех иностранных представителей, находившихся тогда в нашей стране, открыто заявил о необходимости установить нормальные отношения иностранных государств с молодой Советской Россией. Как неофициальный дипломатический представитель, он добивался, чтобы США немедленно признали новое Советское государство.

Робинс выступал в качестве активного сторонника делового соглашения США с Советской Россией, особенно в те тревожные дни и недели, когда германский империализм двинул свои войска против безоружной Советской страны. Однако правительство США отозвало Робинса и вместо делового сотрудничества начало вооруженную интервенцию в Советской России.

Робинс решительно выступал против политики интервенции и требовал немедленно отозвать иностранные войска. Он всегда находил в себе силы и в последние годы своей жизни противостоять враждебной агитации против советского народа, смело придерживался принципа содружества США и СССР на началах взаимной выгоды и доброжелательства. Робинс вел обширную переписку с прогрессивными деятелями США, в том числе и с президентом Франклином Рузвельтом, и был в числе тех, кто подготовлял организацию Общества дружбы США и СССР.

Рэймонд Робинс умер 26 сентября 1954 года, на восемьдесят втором году жизни. На его смерть и отозвался Альберт Рис Вильямс этой статьей.

П. ЧУМАК

ботает на одной из шахт Донбасса, и тогда Георгий Иванович собрался в дорогу.

...В Донецком областном военкомате Георгий Иванович объяснил, что разыскивает М. А. Носова. Офицер порылся в папке и, найдя какую-то бумагу, улыбнулся:

— Беспокойный же вы человек! Я на ваше письмо сразу ответил.

— Я не писал никакого письма,— возразил Георгий Иванович.

— Как не писали?— удивился капитан и переспросил: — Как, говорите, ваша фамилия? Иващенко? Извините, письмо было от Ищенко. Вот — Георгий Федорович Ищенко.

— Ищенко? Если он запросил адрес Носова, то, может быть, служил в нашем полку? Не дадите ли вы мне его адрес?

— Пожалуйста, запишите.

Теперь удивляться пришлось Георгию Ивановичу:

— Так это же совсем близко от меня! Каждый день хожу мимо. Вот дела...

Он вышел из военкомата и заторопился к Носову.

Долго, не замечая времени, вспоминали друзья свою боевую молодость, однополчан, рассказывали друг другу о том, как жили после гражданской войны. Когда Георгию Ивановичу настал час уходить, он вынул из бумажника листок с адресом, который ему дали в облвоенкомате, и спросил:

— Никто из наших не поздравлял еще тебя с наградой?

— Как же! Иван Наумович Шевченко. Он же и награду раскопал. Помнишь, он был у нас начальником штаба полка? В Москве живет. Генерал-майор в отставке.

— А я в военкомате узнал, что тебя разыскивает Ищенко...

— Как его зовут?

— Георгий Федорович...

Носов задумался на минутку, а потом лицо его озарилось улыбкой:

— Да ведь и ты его знаешь! В бою под Кругликом наши тачанки рядом стояли.

— Это тот Ищенко, что генерала Мамонтова чуть живьем не взял?

— Тот самый!

...Вернувшись в Красный Луч, Георгий Иванович прямо с автовокзала отправился на улицу Карла Маркса. Большой, многоэтажный дом 34. Мимо этого дома Иващенко ходит чуть не каждый день. Быстро разыскал квартиру № 19, постучал. Когда дверь распахнулась, Георгий Иванович оторопел. Перед ним стоял знакомый на вид человек, с которым он даже сегодня вот утром встречался на автобусной станции.

— Вы Ищенко?— только и мог спросить Георгий Иванович.

— Я. А что случилось? — Высокий человек опирался на костыль и улыбался.— А мне казалось, что мы давно с вами познакомились. Столько раз ездили в автобусе!

— Эх, Георгий Федорович, не в автобусе мы с тобой познакомились. Сорок лет назад, в Грайворонском полку!

И опять воспоминания о боях, о походах, о том, как полковые разведчики, в числе которых был Георгий Ищенко, едва не схватили белогвардейского генерала Мамонтова.

— Было то, кажется, в декабре девятнадцатого...

— В ночь на шестое декабря,— уточнил Георгий Иванович.

— Точно. Подошли мы тогда тихонечко но Львовке и разделились на несколько групп. Разведчики, конечно, впереди. Пронюхали, где мамонтовский штаб, и туда. Вскочили во двор, глядим: кони добрые стоят, подседланные, ординарцы мечутся. Порубали, которые ерепенились. Кинулся я к хате, гляжу, какой-то мужичишка метнулся с крылечка в рваном полушубке, в кальсонах и в валенках. Думаю: хозяин, наверное. Я в хату. А в комнате генеральская одежда разбросана — мундир, шинель, бекеша и разная амуниция. Как увидел все это, словно меня ударило: а не генерал ли то Мамонтов сиганул? Выбежал во двор, а его и след простыл...

Потом нашелся след Сергея Евграфовича Ветрова. И начались поиски. Ездили друг к другу в гости, писали письма. А потом состоялась еще одна встреча, в Белгороде.

В тот летний вечер возле гостиницы собрались пожилые люди. У многих, наверное, были внуки, а держались бодро, как-то молодцевато.

— Ты, Власенко?

— Он самый! А ты — Яцунов?.. Тимоха! Командир конной разведки!..

— Смотри-ка, Сагайдак! Наш первый комиссар!..

В тот вечер долго толковали о том, как полуголодные, с одной винтовкой на двоих громили вооруженных до зубов белогвардейцев и интервентов. Вспоминали комдива Николая Владимировича Куйбышева и приказ командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе, обращенный к ним, к бойцам и командирам доблестной Девятой дивизии.

Утром следующего дня все приехали на вокзал. Не торопясь, вышли на платформу. Когда из-за поворота показался поезд, кто-то предложил:

— Надо бы построиться. Мы люди служивые...

Остановился поезд. Вышел из вагона невысокий генерал. Прозвучала команда, заставившая остановиться даже самых суетливых пассажиров:

— Полк, смирно! Равнение налево!.. Товарищ командир! Ветераны Первого революционного Грайворонского полка, прибывшие на сорокапятилетие полка, построены.

Так вот, оказывается, кто они, эти убеленные сединами люди! Генерал в отставке Иван Наумович Шевченко вдруг заморгал повлажневшими глазами. И враз нарушилось в строю равнение. Генерал обнялся с одним, с другим...

С. Е. Ветров, Т. Ф. Яцунов, Г. Ф. Ищенко, П. Д. Власенко, А. А. Сагайдак — все, кто собрался на вокзале, не виделись много лет, ничего не слышали и не знали друг о друге. Генерал И. Н. Шевченко, один из организаторов полка, уйдя в отставку, приложил немало сил, чтобы разыскать теперь уже больше сотни однополчан. Это он нашел в архивах приказы о награждении героев боев с белогвардейцами и интервентами. Благодаря его хлопотам М. А. Носову, А. Д. Куликову, К. Н. Чижикову и другим бойцам и командирам полка спустя более чем сорок лет вручили ордена за подвиги, совершенные в 1920 году!

Полк получил боевое крещение в городе Грайвороны. И вот теперь здесь состоялось такое торжество, каких давно не видывали грайворонцы!..

...Я встретился в Москве с Иваном Наумовичем Шевченко и Георгием Ивановичем Иващенко. Они недавно побывали на Кубани, там, где когда-то громили деникинцев. Съездили в Гуляй-поле, в Крым, на Арабатскую стрелку, откуда 7 ноября 1920 года ринулись на штурм Врангеля. И всюду, где пришлось им бывать, встречались старики с комсомольцами и пионерами. По их инициативе пионеры пятидесяти городов страны идут по героическому пути Девятой дивизии. Скоро по тому же пути отправится из Москвы специальный поезд, в котором поедут ветераны и лучшие красные следопыты!

— Наша экспедиция посвящается пятидесятилетию Октября,— сказал Иван Наумович.— Интересно будет ветеранам вместе с пионерами проехать по славному боевому пути. Увидят ребята, что не зря мы проливали кровь...

М. КАМЫШЕВ

Октябрьская революция

Когда я услыхал о Рэймонде Робинсе, то представил себе этакого рыцаря-пуританина, прямого потомка айронсайдов Кромвеля — с мечом в одной руке и с библией в другой.

В Россию он прибыл в августе 1917 года с миссией американского Красного Креста, которую впоследствии возглавил. Однажды он пригласил меня в большой ресторан. Когда под звуки «Марсельезы» на эстраду выбежали едва одетые танцовщицы, Робинс решительно повернулся спиной к этому сомнительному зрелищу. Он не курил и не пил. «Зачем эти возбуждающие средства,— говорил он,— когда сама жизнь действует на нас так возбуждающе?» Позже, в напряженные дни революции, когда было не до сна, он глотал чашку за чашкой крепчайший кофе. На мои подтрунивания он с насмешливым огоньком в глазах спрашивал: «А разве в библии есть что-либо запрещающее кофе?»

В то время в России появлялось много иностранных представителей. Но ни один из них ни по складу характера, ни по уровню знаний не был так подготовлен, как Робинс, к тому, чтобы правильно понять и оценить создавшуюся в стране обстановку.

Робинс всю свою жизнь был борцом. Рука об руку с Гарольдом Л. Икесом он боролся против продажных боссов в Чикаго. Вместе со своей женой и ее сестрой Мэри Дрейер он организовывал рабочих на предприятиях, где царила потогонная система, а в прогрессивной партии вместе с Теодором Рузвельтом сражался как религиозный фанатик. Не удивительно, что Робинс чувствовал себя в родной стихии в стране, охваченной лихорадкой ораторских речей, среди борющихся партий, заговоров — словом, в водовороте Великой революции. Он был богатым человеком, нажив состояние добычей золота в Клондайке, но не был похож на тех, кто, выкарабкавшись из бедности, сразу забывает о бедняках. Его всегда тянуло к рабочим, очутившимся на низшей ступени жизни, по его собственному красочному выражению, «к самым малым и самым последним, обреченным и проклятым». Он был крепкого телосложения, его тело как бы служило катапультой для гибкого ума, отточенного юридической подготовкой, сам он называл это «внешним умом».

Прибыв в Россию летом 1917 года, он отвернулся от слухов и сплетен, исходивших из посольств и дворцов, и направился на заводы, в бараки, в крытые соломой крестьянские избы — узнавать, что говорит народ. Он увидел народ в состоянии брожения и восстания, подобно массам Азии и Африки, поднимающимся сейчас против векового голода, бесчеловечной эксплуатации и войн. В тысячах Советов, стихийно возникших из народных глубин на просторах обширнейшей страны, распростершейся в Европе и Азии, он увидел солдат, рабочих и крестьян, которые спорили, работали, добивались скорейшего осуществления своих заветных чаяний: земли, мира, общественного строя, воплощенного в социализме.

Мы возвратились в Петроград и заявили, что в умах и сердцах более чем девяноста процентов населения страны на первом месте мысль о революции, что она и есть тот «социальный цемент», который сплотил воедино народ, что это — большое явление и союзники должны его понять и считаться с ним всерьез.

В глазах большинства дипломатов и генералов такой взгляд был равносилен предательству. В революции они усматривали главным образом происки злокозненных людей, фанатиков и немецких агентов. Робинс говорил, что они тешат себя фантазиями и что попытки строить на этом политику обречены на провал.

Когда же они принимались изобретать способы обуздания революции, Робинс заявлял: «Это равносильно попытке загнать в бутылку выпущенного джина или задержать подымающийся прилив океана».

Когда же союзники стали поддерживать генерала Корнилова, видя в нем «сильную личность на коне», которая сумеет справиться с чернью при помощи нагайки и сабли, Робинс едко заметил: «Под этой сильной личностью даже лошади нет!» Он оказался прав: войска генеральской контрреволюции не устояли перед агитацией, подчинились войскам революции — отказались воевать против Советов.

Быстро вырастая как фактическая власть, завоевывая авторитет, действуя все более и более как правительство, Советы в знаменательную ночь седьмого ноября действительно стали правительством. Противники Советов издевательски кричали, называя их «калифами на час», и предсказывали, что они просуществуют лишь несколько дней, в лучшем случае несколько недель.

Робинс заявил решительно: «Они утвердились в России навсегда». Это свое убеждение он основывал на знании народа и его прошлого, на энергии и работоспособности большевиков, которые непримиримы не только к другим, но и к самим себе, и, наконец, на безрассудстве их врагов.

Если живость ума заключается в способности без промедления предвидеть будущее, то Робинс проявил подлинную мудрость, когда в разгар Великой революции высказал то, к чему пришли после обстоятельных изысканий историки спустя много лет.

Рэймонд Робинс.

Пророки — всегда мишень для града камней, насмешек и клеветы. К счастью, Робинс мастерски умел отругиваться и иронизировать. Будучи добрым христианином, он, однако, не принадлежал к тем, кто подставляет для удара другую щеку; он с удовольствием устраивал «экзекуцию» своим противникам.

...Дальновидность и симпатии к русским, проявленные Робинсом в период тяжелых испытаний, которые переживала русская революция, будут еще долго работать в пользу той большой цели, которую он себе поставил: идеи сосуществования между двумя великими странами. А это так необходимо в наш атомный век для блага народов всего мира, а может быть, и для сохранения жизни на Земле.

Мария ХАЛФИНА

Простая повес

Рисунки Игоря БЛИОХА.

Скоро сказка сказывается...

За неполных три часа рассказала мне Вера историю своей первой любви, от которой пришлось ей бежать на край света, и как эта горе-любовь помогла ей найти настоящую свою судьбу.

Иван Назарович встретил новоселов неприветливо: ждал он в помощь себе двух мужиков-лесорубов, а прислали худую бабу с темным, словно окаменевшим лицом и какого-то молчаливого, вроде глухонемого психа. Было непонятно, кем они друг другу приходятся,— это Ивану Назаровичу тоже не понравилось. Женщина ходила за больным, как за мужем, но называла его на «вы» и по имени-отчеству, а он все молчал и молчал, а потом вдруг ни с того ни с сего, глядя куда-то в угол, сказал шепеляво, словно у него рот кашей набит: «Ты на одежду сколько денег извела? Запиши... забудешь...»

Иван Назарович по-стариковски — ему было уже за шестьдесят — спал на приземистой русской печи. Матвея Вера устроила в углу на деревянном топчане; для себя на ночь сдвигала две скамейки.

Через несколько дней, насмотревшись на безмолвно лежавшего в углу Матвея, Иван Назарович хмуро сказал Вере: «Ты, девка, клюквы побольше запаси на зиму да, пока снег не пал, походи по гривам, брусники набери и шиповника. В подполье — черемши соленой кадушка... Он тебя, как дите, слушает, вели ему каждое утро черемшу есть и ягоды разной, сколько осилит, иначе цинга его враз задавит. Наша тайга таких не уважает».

К Вере Иван Назарович вскоре проникся симпатией и уважением. В хозяйстве она навела порядок, какого здесь никогда не бывало: перестирала и перештопала Назарычево бельишко, баню топила два раза на неделе. Она не спросила Ивана Назаровича, хочет ли он столоваться вместе с ними, а просто стала сразу готовить на троих, и из тех же немудреных харчишек еда у нее получалась вкусная и сытная.

На просеке она орудовала, как природный лесоруб, удивляя Ивана Назаровича силой и не бабьей сноровкой в обращении с механизмами и инструментами. Сам Иван Назарович в механизации разбирался туговато, ручная механическая пила казалась ему чудом науки и техники.

Однажды Вера у него на глазах разобрала вышедшую из строя пилу, поковырялась в ее потрохах, и пила вновь заработала, заголосила, брызжа смолистыми опилками, еще злее прежнего.

В лесу Вера оживала, становилась проще и разговорчивей. Мало-помалу начали они с Иваном Назаровичем говорить между собой не только о хлыстах, кубометрах и высоте пней.

Книг Иван Назарович читал мало, но интересовался наукой и еще более политикой. У Веры же была редкостная память: все, что она когда-то читала, слышала, видела в кино, свежо и нетленно пластовалось в бездонных хранилищах ее памяти. Радио они не имели, газет не получали, а Вера по памяти могла на снегу набросать контуры Индокитая или показать, где находится Америка, а где крохотная героическая Корея, судьба которой в те дни очень волновала Ивана Назаровича.

Заглядевшись на бледные утренние звезды, она могла почти дословно пересказать содержание популярной брошюры «Звездное небо», прочитанной год назад.

Как-то разговор зашел о неграх, и Вера в лесу за неделю рассказала Ивану Назаровичу сначала «Хижину дяди Тома», а потом «Белого раба». Но, возвратившись вечером из леса в избушку, она сразу наглухо замолкала. На все попытки Ивана Назаровича вызвать ее на разговор отвечала вяло и неохотно.

Воли Вера себе не давала, работала в лесу за двоих, хозяйничала, ходила за Мат-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 35.

веем, но выпадали дни, когда ей казалось, что жить дальше невозможно.

Теперь она уже раскаивалась, что убежала из Затона.

Оказалось, что убежать от любви, от самой себя не так-то просто. Когда становилось совсем невыносимо, она уходила на берег, садилась на бревна и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихонько выла от тоски, от нестерпимого желания хотя бы еще один-единственный разок увидеть его, послушать, как он, похохатывая, зубоскалит с бабами-конопатчицами. В такие дни ходила она, туго сжав зубы, с опущенными глазами, сутулая и неуклюжая.

Матвей целыми днями лежал один в полутемной избушке, оброс серой клочковатой бородой, верхняя губа у него по-старчески запала, руки дрожали. Вялый, тупой, нечистоплотный, он вызывал в ней чувство брезгливой жалости, и чем дальше, тем труднее становилось ей ходить за ним.

Веру он слушал беспрекословно. Она никогда не объясняла ему, почему нужно делать то или другое и именно так, а не иначе. Он послушно вставал, умывался, хлебал щи, тихо сидел на «свежем воздухе», когда Вера выводила его на крыльцо из душной, прокуренной избушки. Но достаточно было Вере уйти, и он немедленно брел к своему топчану, ложился и закуривал. На ночь он заготовлял себе про запас по два-три десятка самокруток. Спал он совсем мало, но и ночью лежал тихо, почти без движения, не вздохнет, не застонет.

Вера старалась дома не курить, но когда наваливалась бессонница, и она палила одну самокрутку за другой. К утру в избушке нечем было дышать. Некурящий Иван Назарович стал нехорошо кашлять, утром поднимался хмурый, желтый, тяжело косился на Матвея.

Прислушавшись как-то ранним утром к хриплому, с присвистом кашлю Ивана Назаровича, Вера тихонько поднялась, переложила из чемодана в мешок весь свой еще немалый запас махорки и ушла к реке. Сунула в карман одну-единственную, последнюю пачку, а остальные — пахучие, желтенькие, драгоценные — вывалила в прорубь.

Утром, уходя в лес, она подала Матвею последнюю пачку и сказала, не глядя на него:

— Курить надо бросать, табак кончился.

Матвей поднял на нее тусклые синие глаза и ответил послушно:

— Ну что ж, ладно, я брошу.

Вера сморщилась и, отвернувшись, сказала насколько могла мягко:

— Я, Матвей Егорович, тоже брошу, вдвоем-то легче бросить.

Вечером Иван Назарович вызвал Веру в сени:

— Ты, девка, видать, сдурела? Ты чего над больным человеком мудришь? А если он учудит чего над собой, кто в ответе будет? Я, брат, сам сорок лет курил, знаю, каково оно, бросать-то. Ты выдавай ему с выдачи, понемногу, чтобы он себя не травил, и сама помаленьку отвыкай. Разве мысленно этак сразу?

— А нечего больше выдавать-то,— усмехнулась Вера.— Вся махорка в океан уплыла, и ничего с ним не случится. Если жить суждено, так и без табаку живы останемся, а что тяжело, так...— Она помолчала, потом, загадочно прищурившись, тихо закончила: — Для обоих для нас чем хуже, тем лучше. Все равно уж заодно мучиться.

А назавтра, когда они, закончив работу, присели на поваленную сосну отдохнуть перед обратной дорогой, Вера рассказала Ивану Назаровичу о Матвее и о себе всю правду. Видимо, тащить дальше непомерную тяжесть одиночества и молчания стало ей уже не под силу, только рассказала она этому старому, чужому мужику все до последней капельки, ничего не стыдясь и не скрывая.

Когда она сказала, что не знает даже, сколько Матвею лет, что вообще ничего о нем не знает, кроме фамилии и имя-отчества, что очень он ей противен и не знает она, как ей с ним дальше быть, Иван Назарович посмотрел ей в лицо пристально и удивленно:

— Ну, девка, и чудная же ты!

Они шли домой молча, и, только подойдя к самой избе, Иван Назарович приостановился.

— Я ведь думал, он правда больной. Разве же можно ему лежать одному в пустой избе да еще без табаку? При его случае одно спасенье — работа, воздух лесной. Ты вот что, милая дочь, ты завтра приболей, не вставай утром, лежи и болей. Потом, как я уведу его с собой, может, постираешься или пошьешь что, но только к нашему приходу ты опять обратно болей. Ну, а дальше видно будет.

Декабрь был на исходе. Матвея каждый день водили в лес, и хотя на первых порах толку от его работы было немного, в избушке вроде бы посветлело.

Без курева в длинные зимние вечера было особенно тошно. Свет гасили сразу после ужина: приходилось экономить керосин. Теперь Вера уже сама, как только все расходились по своим углам и укладывались в постель, начинала рассказывать. Первая неделя ушла на «Великого Моурави», вторая — на «Мушкетеров». Иван Назарович любил историческое, рассказывала Вера для него, думая, что Матвей и не слушает.

Верин пересказ иногда грешил неточностями, и однажды из темноты раздался шепелявый, но громкий, словно бы совсем не Матвеев голос:

— Нет, тут не так. Он к ним как посол ехал, а маркиза от него в это время уже отказалась.

Вера обмерла от неожиданности, она сбросила одеяло, села и горячо заспорила, хотя и сама уже вспомнила, что маркиза-то в это время уже готовилась к свадьбе с другим.

Очень уж хотелось Вере, чтобы Матвей еще поговорил таким вот молодым и свежим голосом, но он опять надолго умолк.

Иван Назарович поил Матвея густым, как мед, наваром шиповника и желтым барсучьим салом, заставлял ежедневно съедать положенную порцию соленой черемши, парил его в бане жгучим веником, потом обливал холодной водой.

Баню Вера, как ни уставала, топила теперь еще чаще, очень уж заметно шел банный пар Матвею на пользу. Как-то Иван Назарович повел Матвея с собой на охоту, оказалось, что Матвей — заядлый рыбак и охотник. Ружьишко было на двоих одно, стреляли по очереди. Нередко среди рабочего дня Вера оставалась на просеке одна, зато к столу у них теперь всегда была свежатина, а главное, Матвей день ото дня укреплялся, начинал набирать силы. Говорил он мало, улыбался редко: мешала отцова памятка — огромная дыра вместо передних зубов. Разговаривая, он должен был прижимать верхнюю губу пальцами, иначе речь получалась совсем нехорошая.

К началу февраля он уже неплохо справлялся с пилой. Втроем они дожимали зимний план до нормы, получалось, что к окончательному расчету можно было ожидать неплохой заработок.

И вдруг все пошатнулось: Матвей затосковал. Он не находил себе места и за несколько дней совершенно одичал: работал как одержимый, отказывался ходить на обед, а после работы уходил за реку, в лес, разжигал костер и сидел, цепенея от тоски, один у огня. Иногда в избушку возвращался только на рассвете.

Вера сначала не понимала, что происходит. Объяснил ей все Иван Назарович. Пришла беда, начинался запой. Веру сообщение это не очень встревожило. Какой запой? Пить-то нечего и взять негде. Не помер без табаку, авось и без водки жив будет.

Иван Назарович только рукой от нее досадливо отмахнулся. Было бы так просто, давно бы все алкоголики на земле перевелись. Свезли бы их, мучеников, в тайгу, продержали зиму с медведями на лоне природы — и дело в шляпе; все от пьянки излечены и могут обратно на правильный путь выходить.

— Теперь, девка, за ним глаза да глаза нужны. Теперь, как говорится, кто кого: или человек одолеет, или враг его лютый над ним верх возьмет. Он сейчас вполне может и голову в петлю сунуть или скорее всего станет на лыжи да и отправится на Половинку, ему ведь сейчас жизнь недорога и море по колено.

— Как на Половинку? — холодея, спросила Вера.— Дороги же туда нет, надо ведь дорогу знать... Он не дойдет!

— То-то же, что не дойдет, а и дойдет — хорошего мало. Держать его надо. Надо, чтобы перетерпел он один раз, переломил себя. Один раз устоит, уверится сам в себе, дальше уж легче пойдет. Может, и совсем укрепится и опять в люди выйдет,— это я по себе знаю. Никак не похож он на коренного, природного алкоголика, что-то у него в жизни не поладилось, вот и сорвался с пути. А жалко, если пропадет. Надо нам с тобой, девка, как-то выручать его из беды.

В борьбе за Матвея Иван Назарович и Вера выставили на кон все средства, которые, по их разумению, могли удержать его на Дальнем. Ни на минуту не оставляли одного, не давали в одиночку уходить в лес.

Откуда-то из недр своего сундучка Иван Назарович извлек колоду замусоленных карт. Три вечера подряд играли в подкидного и в Акульку. У Веры в чемодане тоже открылся клад: несколько книг, которые она хранила до весны, когда можно станет после работы читать без огня. Книг было всего четыре, но каждая примерно по два кило весом. Это были романы Мельникова-Печерского «В лесах» и на «На горах».

Несколько вечеров Матвей лежал, слушал, закинув руки за голову. Вера читала, пока он не засыпал. Потом лежать ему стало, видимо, невмоготу, он кружил по избе, подсаживался к столу, один раз даже полежал с Иваном Назаровичем на печи.

На другой день Иван Назарович напилил мелких чурбашек, наточил два ножа. Он заявил, что давно уже интересовался поучиться играть в шахматы, пусть Матвей теперь и обучает их с Веркой, сам же как-то проговорился, что в армии даже на каких-то турнирах играл. Шахматы резали в два ножа шесть вечеров подряд. Играть этими забавными неуклюжими фигурками Иван Назарович оказался совершенно неспособным. Зато Веру шахматы сразили наповал. Удивляясь ее успехам, Матвей понемногу открывал перед ней тайны умной игры.

Вера забросила домашность, часами завороженно сидела над доской. Восхитительные слова «ферзь», «гамбит», «рокировка» она произносила, благоговейно хмурясь.

В один из вечеров, когда Матвей особенно тяжело томился, Вера, перемывая после ужина посуду, потихоньку запела «Катюшу». Песен она знала великое множество, но никогда не пела при людях. Ее слабым тенорком поддержал с печки Иван Назарович. Они спели дуэтом «По муромской дорожке стояли три сосны» и «Скакал казак через долину»... Потом Вера запела «Любимый город», и ей тихонько, без слов стал подпевать Матвей. Он стоял у окна и, глубоко задумавшись, сам не заметил, как последний куплет запел уже почти на полный голос. А голос у него был глубокий, бархатистый и удивительно хорошо сливался с мягким, певучим голосом Веры.

Они спели еще несколько песен, но когда Вера бодро затянула «Трех танкистов», Матвей ушел в свой угол и молча лег ничком в подушку.

Не докончив «Танкистов», Вера начала оживленно пересказывать Ивану Назаровичу содержание «Русалки».

Оказалось, что она знала десятки опер-

ных арий, причем почему-то ей больше нравились мужские партии.

Вера пропела басом арию Мельника, потом навзрыд по-лемешевски «Невольно к этим грустным берегам...» и переключилась на «Фауста».

Матвей наконец поднял лицо от подушки, посмотрел на нее с любопытством, потом сел и, уже улыбаясь, стал слушать арию Мефистофеля.

Вере стало так весело, что она решила в заключение, на бис исполнить «Блоху» Мусоргского.

Матвей тихо смеялся, прижав ладонью верхнюю губу.

Иван Назарович, свесив с печи босые ноги, хлопал себя ладонями по коленям:

— Ну и артистка, язви-тя в душу! Вот тебе и Верка, ты, гляди, чего она выкаблучивает!

Матвей прекрасно понимал, чем вызвана вся эта самодеятельность. Ни разу Вера и Иван Назарович не заговорили с ним о его беде. Не корили за слабость, не уговаривали взять себя в руки... Просто старались они от всей души помочь ему выстоять. А у него не хватало мужества сказать им правду: как ему все здесь опостылело вместе с их бабьей жалостью и дурацкой опекой.

Идти было некуда и незачем. И здесь оставаться больше не было сил. Сидеть, ждать еще верных четыре месяца, пока очистится ото льда реки и придет с Центрального первый катер... А чего ждать, когда идти все равно некуда и незачем... что сейчас, что через четыре месяца?

Пришел день, когда Иван Назарович понял: Матвей собрался в поход. День был субботний. После обеда Вера осталась топить баню. Иван Назарович с утра угрюмо молчал, как будто Матвея уже не было рядом, и, только возвращаясь вечером с просеки, у самого крыльца придержал его за рукав:

— Вот что, Матвей Егорыч, хватит нам с тобой в прятки играть. Собрался уходить — иди. Я тебя силком держать не могу, но учти, что следом за тобой я в тайгу не кинусь. Ни тебе, ни мне живыми до Половинки не пробиться. Я свое отходил, а ты, я тебе скажу, на лыжах ты ходок никудышный.

И не про нас с тобой разговор. Ты бы хоть чуток о Верке подумал. Другая жена, али даже мать, такого бы не смогла, что она для тебя сделала. Был бы у нее на тебя расчет, метила бы она, скажем, женить тебя, ну, тогда другое дело, а она же ведь просто по человечности, сдуру, прямо сказать, взвалила тебя на загорбок и волокет. А у нее своя беда потяжельше твоей. Сохнет она об одном идиёте из этого вашего Затона. Сколько раз я на берегу за бревнами сидел, караулил, чтобы она в дурную минуту в прорубь башкой не сунулась. Теперь бы тебе о ней самое время позаботиться, об ее жизни подумать, а ты что творишь? Ведь она как хватится, что ты ушел, кинется в тайгу тебя выручать. И сам пропадешь и ее сгубишь. А девчонке этой цены нет. Мы с тобой обои ногтя ее не стоим. И еще скажу: ружье ты мне отдай! Тебе все равно пропадать, коли меня не послушаешь, а мне не интересно через твою дурость за казенное имущество отвечать...

Вере об этом разговоре Матвей рассказал значительно позднее, но когда они в тот вечер вошли в избу, она сразу поняла, что произошло что-то очень неладное.

Матвей молча, не раздеваясь, прошел в свой угол. Как был в шапке и ватнике, сидел на топчане, угрюмо сгорбившись. Иван Назарович, сбросив у порога валенки и одежонку, тоже молчком полез на печь. Ноги у него дрожали, он никак не мог нащупать пальцами приступок и два раза тяжело сорвался.

Со страхом и жалостью смотрела Вера на его худую, сутулую спину, на седой затылок... Вот оно. Не зря, выходит, все эти дни так тревожно поднывало у нее сердце. Конечно, не может же Иван Назарович отпустить этого психа разнесчастного одного в чужую тайгу, на верную погибель. А раз так, выходит, надо и ей собираться в дорогу. Куда же они без нее, старый да малый?

На мгновение представилось, как бредут они в холодной, бездорожной тайге... От тоски и злобы, а еще больше от лютой жалости к ним обоим горло у нее перехватило, и она чужим, осипшим голосом спросила первое, что пришло в голову:

— Что же вы, Матвей Егорович, документы свои у меня не спрашиваете, если уходить собрались?

Матвей молчал. Не шелохнулся, не поднял на Веру угрюмых глаз, и тогда она, задохнувшись от жгучей, бессильной ярости, рывком выдернув из угла чемодан, впервые грубо и зло закричала на него:

— Бессовестный вы человек, о себе только и заботитесь, ничего вокруг себя замечать не желаете! Неужели вы думали, что я Ивана Назарыча с вами одного отпущу? Неужели вы не видите, что он совсем больной? Собрался вас через тайгу вести, а сам только из-за вас и на ногах-то держится. Он здешнюю тайгу и сам-то плохо знает... без дороги, да еще буран ударит, ну далеко ли мы уйдем?!

Она кинула узелок с документами на стол и торопливо ушла в угол, за печку.

Матвей распрямился и, словно разбуженный яростным окриком, сморщившись, потер ладонями лицо. Потом не спеша разделся, аккуратно повесил на гвоздь ватник и шапку. Прошел к столу, покачал на ладони, словно взвешивая, сверток с документами и, бросив его на чемодан, сказал негромко:

— Убери обратно, где были... И не реви... не маленькая... Ревешь, сама не зная о чем...

Иван Назарович как залег на печь, так и лежал недвижимо, лицом к стенке. Рубаха на спине вздернулась, заголив темную костлявую поясницу.

Матвей подошел к печке, оперся локтями на деревянную опалубку. Ему — длинному — печь была всего по плечи.

— Давай, дядя Иван, слазь. В баню пора, сегодня я тебя парить буду...

Он оправил на спине Ивана Назаровича рубаху, пригладил ладонью складки между сутулых лопаток.

— А ружье в сараюшке, за верхним бруском, чистое, смазанное, в полном порядке. Завтра с утра можно на охоту сбегать. Заодно ловушки поглядим.

Пока мужики были в бане, Вера напекла румяных пресных блинцов, нажарила полную сковороду рыбы, киселя красного из клюквы сварила.

Ужинали долго, не торопясь, беседовали о том, о сем, обо всем понемножку, лишь бы не задеть того, о чем каждый про себя неотступно думал.

А вечером, когда уже была потушена лампа и все лежали по своим углам, Вера вдруг, словно ее за язык потянуло, спросила Матвея, где у него ордена. Книжечки орденские хранятся в ее чемодане вместе с остальными документами, а орденов-то ведь нету...

И Матвей не отмолчался, не потаил горькой и стыдной правды:

— Сняли с меня ордена какие-то гады, когда я пьяный под забором валялся. Выходит, что пропил я свои боевые награды. Когда проспался, в петлю было полез, да кишка тонка оказалась — струсил. Книжки орденские от стыда хотел в печке сжечь,— тоже руки не поднялись. Вот и остались одни книжки без орденов от лейтенанта Третьякова... Мотьке-алкоголику на память...

Назвать себя Мотькой-алкоголиком перед Иваном Назаровичем и Верой оказалось не так-то просто. Нужно было во что бы то ни стало объяснить им, как же могло такое получиться, чтобы старший, удачливый сын знатного капитана Третьякова, фронтовик-орденоносец, за каких-то три года превратился в бездомного, в безродного Мотьку-алкоголика.

А рассказывать про такое оказалось еще труднее.

* * *

Каждая семья живет по своему уставу, по своим неписаным семейным законам. В семье Третьяковых эти законы были строги и непреложны. Главное и основное — это уважение к власти. У нас все делается для твоего блага. Рассуждать — почему? как? — не твоего это ума дело. Делается, значит, так нужно. Опять же работать надо так, чтобы всегда, хоть ненамного быть впереди других, чтобы фамилию твою люди произносили с почтением и завистью.

В семейных же вопросах главное — это согласие и дисциплина. Каждый, конечно, понимает, что у женщины умок легонький и в серьезные мужские дела допускать ее не следует, но дом хозяйкой держится. Достаток в доме не от того зависит, сколько рублей муж в дом принесет, а как жена этими рублями в хозяйстве обернуться сумеет. Поэтому хорошую жену муж без особого, конечно, баловства обязан ценить и беречь. И детей приучать к послушанию, чтобы дети понимали: без отца заглавное лицо в доме — мать. Ну, а что касается выпивки, так выпить мужчине не возбранительно, нужно только знать, где и с кем, и не ради того, чтобы напиться, а исключительно ради поддержания достойной, приличной компании.

Семью свою Матвей всегда считал примерной. Здоровые, сытые, послушные дети. Домовитая, молчаливая хлопотунья мать. И отец — строгий и справедливый. Самый умный, самый сильный.

Матвею было девять лет, когда отец впервые взял его с собой в плавание, и с тех пор ежегодно все летние каникулы Матвей проводил на реке. Самым притягательным местом на пароходе для него был не капитанский мостик, а машинное отделение. Около машин он мог пропадать часами. Семилетку Матвей окончил, как и полагалось сыну Третьякова, с похвальной грамотой. Спустя три года, окончив речной техникум, привез отцу диплом с отличием. Через пять лет он уже ходил старшим механиком на большом пассажирском пароходе, и портреты его стали появляться на доске почета рядом с портретами отца.

Перед самой войной Матвей женился. Девчонок у Третьяковых не было, может быть, поэтому ласковая, миловидная Лидия в семью вошла не невесткой, а милой, долгожданной дочкой.

Воевал Матвей по-хорошему, как сотни тысяч других советских парней. Три раза побывал в госпитале, был награжден тремя боевыми орденами, а потом уже, в звании лейтенанта, угодил в плен. После неудачного, изнурительного боя отходили небольшой группой под минометным огнем; контуженного Матвея тащил на себе дружок, боевой сержант Саша Орлов. Уже теряя сознание, Матвей заставил Сашу надеть через плечо свой планшет, в котором в тот момент находилось все Матвеево личное достояние. Через несколько минут их накрыло еще раз. Тяжело раненного Сашу вместе с Матвеевым планшетом вынесли уцелевшие бойцы, а Матвей, по их убеждению, теперь уже окончательно убитый, остался на поле боя, по которому ползли немецкие танки.

Так и описал обстоятельства гибели своего командира лейтенанта Третьякова его боевой друг, старший сержант, а позднее Герой Советского Союза Александр Орлов, пересылая семье погибшего его планшет с документами и орденами.

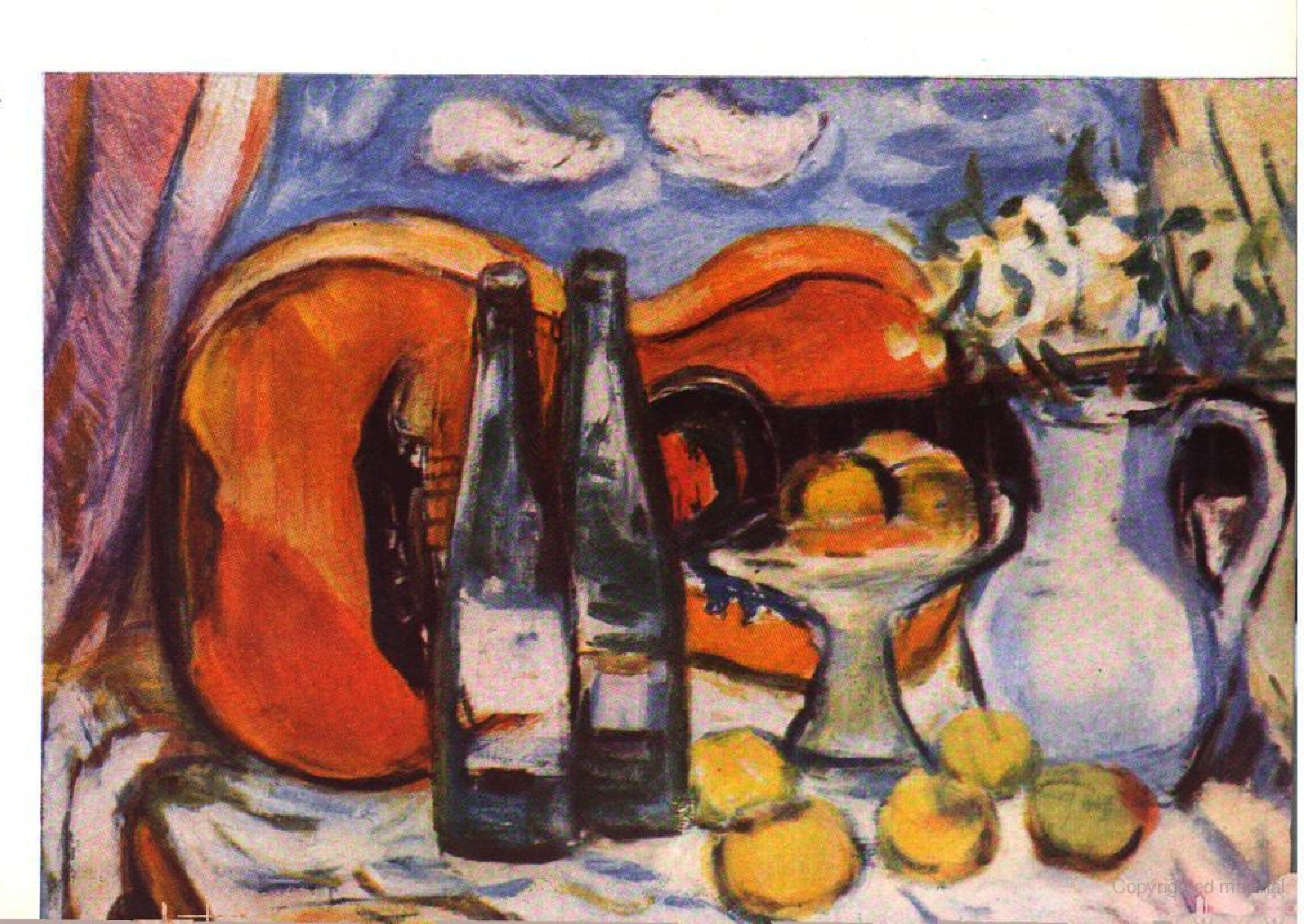
В плену Матвей не совершил никаких подвигов. Просто два раза убегал из лагеря, его ловили, и оба раза каким-то чудом он оставался живым, хотя после второго побега в полном смысле слова живым назвать его уже было нельзя. Освобожден он был нашими в конце сорок четвертого года. На родину его доставили на носилках и только через полгода, уже после победы, выбрался он из госпиталя домой. И все эти месяцы находился он под следствием. От суда и лагерей его спасло заступничество Орлова и показания уцелевших солдат его подразделения.

Он вернулся домой. Все для него здесь было по-прежнему бесценно милым. Нет, не по-прежнему — в сто крат милее, в сто крат дороже. Он вернулся домой. Это было чудом. Были минуты, когда Матвею казалось, что его еще не долеченное, больное,

Найден Петков. У РЕКИ.

Художественная галерея
города Врацы.

Борис Иванов.
НАТЮРМОРТ С ГИТАРОЙ.

Иван Кирков. ПЬЕТА.

Национальная художественная галерея.

рыхлое сердце не выдержит и вот-вот сейчас разорвется от лютой и сладкой боли.

На его подурневшем, все еще лагерно-сером лице часто возникала изумленно-счастливая, глуповатая улыбка. Волнуясь, он еще сильнее заикался, левую щеку время от времени сводила уродливая судорога, а на глаза порой ни с того, ни с сего вдруг набегали слезы.

Все было чудом. То, что все они, его любимые, остались живы и здоровы и он, несмотря на то, что несколько раз его совсем насмерть убивали, все же не поддался, выжил и вот, видишь, вернулся домой. Чудом было проснуться ранним утром в комнатке, которая уже много лет называется «Матюшина боковушка». Лежать и, притаив дыхание, слушать домашние шорохи-звуки. Чудом была вся эта здоровая, чистая, простая жизнь.

По вечерам, после ужина, как бывало и прежде, до войны, семья собиралась в столовой повечеровать. Каждый занимался своим делом, но разговор шел общий. Говорил больше отец, и Матвей мог часами слушать его неторопливые, степенные рассказы о том, какие трудности им, речникам-судоводителям, довелось хлебнуть в годы войны. Как оба они с Семеном не один раз писали в военкомат заявления и лично ходили просились на фронт, но там даже и слов таких не допускали: бронировало их госпароходство как незаменимых до последнего дня войны.

Несмотря на пережитые трудности и лишения, выглядел Егор Игнатьевич великолепно: огромный, грузный, но все еще статный и очень моложавый, ни седины, ни морщин на сытом, румяном лице.

Налюбовавшись отцом, Матвей переводил влюбленный взгляд на братьев. По-отцовски рано начал грузнеть красавец Семен. Долговязый Валерка выравнивался в статного, широкоплечего парня. Оба настоящие, чистой воды Третьяки.

Теперь Матвей уже не завидовал, как в детстве, младшим братьям, что вот они, младшие, пошли в отцову породу, а он, первенец-большак, и обличьем да, пожалуй, и характером уродился в мать. Он любовался братьями, радуясь, что не коснулась их война, не покалечила, не изуродовала их юношеской красоты и богатырского, как у отца, здоровья.

Сильно за эти годы сдала мать. Не то чтобы постарела или исхудала, а как-то вся словно бы истаяла. Двигалась вяло, голос стал тусклый, бесцветный, казалось, и живет-то она нехотя, через силу.

Раньше Матвей не задумывался, почему мать год от года все реже улыбается, становится все молчаливее. Видимо, уже давно между ней и отцом не все ладилось, похоже, что мать была очень несчастлива, но в семье Третьяковых детям не полагалось совать нос в родительские дела, тем более что при детях родители никогда не ссорились, а мать при детях никогда не плакала и никому ни на что не жаловалась. Она и сейчас не жаловалась. Управляясь с помощью Лидии по хозяйству, отпаивала Матвея парным молоком, молча подкладывала за столом на его тарелку лучший кусок.

Она ни разу не спросила его о пережитом. И ему не рассказала, как жила эти годы, как ежечасно, ежеминутно ждала... ждала сначала его писем, а потом хоть какой-нибудь весточки о нем... Стукнет калитка, письмоносец идет через двор, сердце ударится с маху о ребра, трепыхнется раз-другой и обомрет, затихнет. На какой-то срок и ослепнешь и оглохнешь... И все в тебе уже мертвое, только страх один живой. Сначала принесли похоронную, потом через военкомат Сашино письмо и Матвееву сумку с орденами, с документами. И все, что было в сумке: фотографии, письма, перчатки, вязанные матерью, и портсигар — отцов подарок и платочек Лидии шелковый,— все эти сокровища и сумку кожаную потертую забрала и молча унесла к себе мать. И никто, даже отец, не решился ей перечить. Ничего этого она Матвею не рассказала. Оба они и раньше разговорчивостью не отличались, но теперь молчание матери тревожило.

Временами хотелось спросить, что с ней такое. Почему она живет в родном доме словно чужая? Подсесть бы к ней, взять за руку, сказать какие-то хорошие, ласковые слова, да не приучены были Третьяковы к нежностям...

— Мам, ты чего такая? — спросил все же как-то, когда утром остались они в доме одни.— В больницу бы легла, а может, в санаторий путевку надо похлопотать? Я поговорю с батей...

— Вот-вот...— вяло усмехнулась мать.— Дурачок ты, Матюша! Мой санаторий еще не открыт... ты пей молоко-то да ложись полежи еще, я тебе сейчас блинков испеку...

Надо бы поговорить с матерью о Лидии, посоветоваться, да тоже никак язык не поворачивался.

Лидия из простоватой влюбленной девчонки превратилась в солидную, взрослую женщину. Ходила по дому — статная, пышная, белотелая. Красивая и совершенно чужая... Приходилось им заново привыкать друг к другу. Лидия жила прошлым. С жестокой назойливостью пытала она его без конца: а помнишь? — и плакала. Не стесняясь, не скрывая отчаяния, горько оплакивала того, прежнего Матвея, здорового, красивого, удачливого.

И Матвей понимал, что такой вот, теперешний, он ей не мил... И вряд ли она сможет привыкнуть к нему когда-нибудь...

В первый же вечер, после ужина, когда женщины, подчиняясь выразительному взгляду Егора Игнатьевича, ушли спать, Матвей рассказал отцу и братьям обо всем пережитом на фронте и в плену. И как спасло его во время следствия письмо Сашки Орлова и показания его и ребят-однополчан.

Не дослушав и половины, Валерка скрипнул зубами и, всхлипнув, ушел в кухню. Семен лежал на диване навзничь, прикрыв локтем глаза. Отец, грузный, с окаменевшим лицом, сидел, тяжело навалившись грудью на стол.

Когда Матвей, измученный рассказом до изнеможения, умолк, отец поднялся, достал из буфета поллитровку, разлил водку по стаканам и, тронув Матвея за худое, поникшее плечо, сказал негромко:

— Ничего, сын, плохое надо забывать. Теперь твое дело, как говорится, телячье: ешь, спи, отдыхай, нагуливай тело. Ничего, наша третьяковская порода кремневая: были бы кости целы, а мясо нарастет!

Наращивать на кости мясо оказалось занятием до одури муторным. Дело шло к весне. Речные суда еще стояли, скованные льдом, но в кадрах уже комплектовались команды, полным ходом шла подготовка к навигации. Сильно стало тянуть к людям, начали сниться пароходные сны. Просыпаясь, Матвей даже ощущал дивный запах машинного отделения: запах перегретого металла, горячего масла, краски.

Чувствовал он себя уже вполне окрепшим. После госпиталя он был откомиссован с инвалидностью третьей группы, а это и инвалидностью можно было не считать. Правда, в самую неподходящую минуту настигало его проклятое заиканье да пугал людей нервный тик, искажавший лицо в минуты волнения. Но все это, по заверениям врачей, должно было со временем пройти без следа, и не сидеть же из-за такой чепуховины на печи.

Матвей знал, что квалифицированные механики сейчас наперечет. Он начал расспрашивать отца и Семена о вакансиях, советовался, куда лучше просить назначения. Принес из библиотеки стопу журналов и технической литературы, озабоченно рылся в старых учебниках. Он не замечал, как хмурится отец, как тревожно косится Семен, когда он заводит разговор о работе.

В отделе кадров его встретили приветливо, заявление приняли, но сразу предложить ничего не смогли, сказали, что известят. Из старых сотрудников там никого не осталось, начальство тоже все сменилось.

Матвей терпеливо ждал. Бежали дни, но назначение на пароход ему все не выходило, и он еще раз пошел в кадры. Начальник был в отпуске. Заместитель, человек совсем еще молодой и какой-то до странности конфузливый, скосив глаза в угол, бормотал что-то совершенно несообразное. По его словам получалось, что все команды уже укомплектованы, вакансий свободных нет... Послушать его, так безработные механики просто целыми косяками ходят по улицам.

Матвей махнул на него рукой и еще около двух недель отдыхал, терпеливо наращивал мясо, ожидая начальника.

Начальник принял его сердечно, с уважением поглядывая на ордена, справился о здоровье Егора Игнатьевича. Потом извинился за своего заместителя: человек молодой, на работе новый, во многих вопросах не в курсе.

Свободные вакансии, конечно, имеются, но в качестве механика направить Матвея Егоровича не представляется возможным ввиду его состояния здоровья.

В этот момент в кабинет вошел капитан Тайданов, бывший Матвеев сокурсник по речному училищу. Поздоровавшись с ним, Матвей спокойно и сдержанно стал объяснять, что со здоровьем у него все в порядке: срок инвалидности подходит к концу да и инвалидность-то чепуховая — третья группа. В документах так и записано: «Может работать по специальности». Чтобы не оставалось сомнений, Матвей положил документы перед начальником на стол.

Начальник вежливо передвинул документы обратно и очень терпеливо и вразумительно стал втолковывать, что он рад бы всей душой, каждый стоящий механик сейчас на вес золота, но не имеет он права поставить к машинам инвалида с тяжелыми последствиями контузии, с травмированной нервной системой. Да с него эта самая охрана труда и техника безопасности голову снимут, под статью подведут...

Напряженно улыбаясь, Матвей приоткрыл рот, чтобы, выждав паузу, в свою очередь, еще раз попытаться объяснить начальнику его ошибку. Он хотел для начала пошутить: что же это вы, друзья, за психа меня принимаете, что ли?

Но тут его перекосило, он лязгнул зубами и, выкатив глаза, зашипел на начальника, как гусак: ш-ш-ш!

Преувеличенно расстроенный, начальник совал сконфуженному Матвею стакан с водой, поглаживая его соболезнующе по плечу, рассказывал коротенько историю приятеля-фронтовика: больше года лежал мужик в госпитале парализованный после контузии, а теперь как огурчик, здоровехонек и следа не осталось.

В коридоре Матвея догнал капитан Тайданов, увел в конец коридора к окну, страдальчески морщась, сказал напрямик:

— Слушай, ну куда ты лезешь? Ты что, маленький, не видишь, что кругом творится? Не засудили, не загнали на Колыму, и говори спасибо!.. Механик — это же комсостав, вторая фигура на судне за капитаном, неужели ты не понимаешь, что нельзя им теперь тебя допустить... И не суйся ты сейчас на глаза... Не трогают — сиди и помалкивай. В пенсии тебе не отказывают... Ну, маленькая, ну, я понимаю. Ах, черт! Обидно, конечно, но что делать? Я за тебя все начальство облазил, просил, чтобы тебя к нам послали... Не век же, поди, такое будет...

Сказал и сам испугался сказанного. Покосился на Матвея хмуро, с опаской.

— И послушай моего слова: очень-то не распускайся, воли себе не давай, язык попридерживай, теперь тебе каждое лыко в строку будет...

И, помолчав, сказал слова, смысл которых дошел до Матвея значительно позднее:

— Вот и капитана Третьякова бог нашел. Отливаются, видно, коту мышкины слезы.

Продолжение следует.

Реплика

КРИТИК У СВОЕГО КОРЫТИКА...

Журнал «Новый мир» обрадовал читателей новыми критическими перлами. Воздадим же ему достойную хвалу.

В статье, названной безапелляционно «О ремесленной литературе»[1], критик Ф. Светов подверг повесть Николая Асанова «Богиня Победы», печатавшуюся в нашем журнале, высокомерному разносу. Метод такого разноса общеизвестен: излагаемое содержание преднамеренно оглупляется, затем следует утверждение, что автор положил в основу повести «расхожую идею», которая, по выражению критика, «лишнего живет»(!), после чего сообщается, что «герои повести мало похожи на живых людей», а в заключение следует обвинение, что автор пишет несколько хуже, чем Толстой или Тургенев.

Не будем говорить, хуже каких критиков пишет автор из «Нового мира». Скажем только, что статья его архибездоказательна и так же далека от объективной критики, как и ряд критических выступлений, в которых шельмуются многие и многие писатели. Ну, что ж, как говорится, от каждого по способностям...

«Расхожая идея», увлекшая Н. Асанова, не стала ни иероглифом, ни символом, ни общим местом, ни анекдотом, ни фарсом, ни кухонной сплетней (нагромождение понятий принадлежит взыскательному перу Ф. Светова) — она, эта якобы «расхожая идея», реально существует. Имя ей — борьба нового со старым, обветшавшим, борьба во имя жизни и ее утверждения.

Вот что писал нам по поводу повести Н. Асанова член-корреспондент АН СССР М. Г. Мещеряков: «Как читатель, скажу, что я прочел ее с большим интересом. Бесспорной удачей автора являются образы двух положительных героев — молодых физиков, предъявляющих высокий нравственный счет к окружающим людям. То, как и ради чего они ведут борьбу, порождает уверенность, что они пойдут в науке дальше своих маститых противников. Именно это и создает оптимистическую окраску повести... На мой взгляд, Н. Асанов, описав в повести не вымышленную, худосочную ситуацию, а типичный для научных сфер конфликт, тем самым вынес на суд читателей проблему большого общественного значения».

Это же утверждают в своем письме кандидаты физико-математических наук Ф. Р. Арутюнян, В. М. Арутюнян и А. В. Хримян: «Отмечая художественную ценность повести, мы находим, что вопросы, поднятые в ней, весьма актуальны и разрешение этих проблем дало бы огромную пользу нашей науке. В жизни герои типа Красова порою бывают могущественны, мстительны и опасны, а Крохмалевы — наглы и живучи. Борьба с ними требует огромных жертв, порой кончается неблагополучно, и торжество Красовых и им подобных пагубно отражается на воспитании научных кадров».

Кандидат технических наук Л. В. Бондаренко пишет: «Повесть произвела на меня большое впечатление. Хочется от души поблагодарить писателя за то, что он смело взялся за раскрытие трудной темы в художественном произведении — проблемы становления ученого в нашей стране. Н. Асанову удалось в повести вскрыть некоторые типичные отрицательные явления, к сожалению, еще встречающиеся в жизни научных работников и тормозящие развитие нашей науки».

Студентка 5-го курса физического факультета Свердловского университета Г. Никитина, по ее словам, никогда не писала в журналы писем с благодарностью, но в данном случае удержаться не могла: «Прошу вас передать Николаю Асанову огромное спасибо за его замечательную повесть, за то, что она неизбита, неповторима, за то, что так легко читалась и воспринималась, заставляла жить вместе с героями. Спасибо за Чуданова и Горячева, за Нонну и Анну, за Коваля и академика Гиреева. И если ваша повесть в чем-то не удовлетворит литературных критиков и научных работников, то все равно знайте, что молодежи она понравилась. «Богиня Победы» наполнена силой оптимизма, ненавистью к крохоборам в науке и наполняет человека верой в собственные силы и возможности, помогает найти самого себя».

Таких писем редакцией получено немало.

Вот вам и «расхожая идея».

Ни один из читательских отзывов не был насыщен желанием унизить, ошельмовать автора повести, перебить ему руки и ноги.

Самонадеянно отлучая писателя, имеющего за плечами десятки добрых книг, от литературы, Ф. Светов сделал бы черное и злое дело, если бы ему можно было поверить.

Но верить ему не приходится. Это не «святой гнев», а мелкое литературное заушательство, продиктованное отнюдь не высокими стремлениями очистить литературное поле от плевел и чертополоха, а желанием во что бы то ни стало добраться с поленом в руках до своих мнимых или реальных противников. Это вульгарная дань обыкновенной литературной групповщине.

Журнал «Огонек» и наши читатели переживут без особых волнений нападение критика «Нового мира» на повесть Н. Асанова. Это «Новый мир» обладает столь чувствительными и нежными мозолями, что не терпит ни малейшего к ним прикосновения. В. Архипов на страницах «Огонька» выступил с ответом по поводу статьи новомировского критика Н. Ильиной, фельетонно подвергшей разносу «Повесть о моих друзьях-непоседах» М. Алексеева. Как он осмелился? Кто разрешил? «Почему именно «Огонек», вовсе не часто занимающийся литературной критикой и полемикой, так яростно вступился за повесть М. Алексеева?» — допрашивает нас журнал «Новый мир» в заметке, посвященной выступлению В. Архипова.

Извините, не испросили предварительного разрешения. Не согласовали. Выразили свою точку зрения, не сходственную с точкой зрения «Нового мира». В этом и признаемся.

И обещаем — будем заниматься критикой и литературной полемикой и впредь, так же как делали это раньше, не спрашивая на то разрешения у новомировских критиков. А то ведь чего доброго, они сегодня нам запретят заниматься критикой и литературной полемикой, а завтра распространят свой запрет и на другие печатные органы! Не лучше ли им в этом случае обратить внимание на свой собственный журнал?! Право, в этом есть некоторая необходимость.

[1] «Новый мир» № 7 за 1966 год.

СКАЗКИ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Тот, Чей Приход Вы Не Видите

Люди, живущие в деревнях вдоль реки Ковалли, вблизи опушки густого леса, часто говорили о существе, называемом Тот, Чей Приход Вы Не Видите.

Они говорили, что весь день зверь этот прячется в тени больших деревьев, ожидая, когда придет ночь. А когда становится совсем темно, он выползает и, как леопард, бесшумно крадется к деревне.

— Наши лучшие охотники старались поймать этого зверя,— говорили они.— Мы ставили капканы на тропах и у водоемов, но бесполезно. Зверь этот — самое бесшумное существо леса. Каждую ночь он бродит среди наших хижин. Его никогда не слышно и не видно.

— Что же этот зверь делает, и почему мы должны бояться его? — спрашивала молодежь.

— Тот, Чей Приход Вы Не Видите — вор,— отвечали старики.— Он крадет у людей мозг и заставляет их до прихода утра забывать обо всем.

Люди только что сидели и разговаривали

Голодный паук и черепаха

между собой. Но вот подполз к ним Тот, Чей Приход Вы Не Видите и похитил их разум. Они больше не разговаривают, не смеются, не думают, а попросту лежат, ничего не понимая, и остаются в таком состоянии, пока солнце не взойдет снова.

— Что за прок нам в наших собаках, если они его не слышат и на него не лают? — спрашивали дети.

— Они не могут его ни услышать, ни учуять. Когда он приходит, он крадет и у них ум тоже. Тот, Чей Приход Вы Не Видите имеет и другое имя. Некоторые называют его Сон.

Однажды молодые охотники разговаривали между собой об этом странном звере, и один из них, по имени Биафу, сказал:

— Какие мы охотники, если не можем убить Того, Чей Приход Вы Не Видите?

— Легко сказать! — заметил другой охотник, по имени Гунде.— Где мы найдем его? Наши деды были хорошими охотниками, но так и не смогли его словить.

— Я слыхал, что он не оставляет на тропе следов,— сказал охотник по имени Диба.— Как нам его искать?

— Если он на самом деле живет в лесу, как говорят старики, тогда мы его отыщем. Мы отделаемся от этой напасти раз и навсегда! — сказал Биафу.

— Я не боюсь! — сказал Гунде.

— Я пойду с вами тоже! — добавил Диба.— Мы поймаем этого зверя, кого называют Сном и Тот, Чей Приход Вы Не Видите, и прикончим его. Тогда старики похвалят нас и дадут нам подарки.

И Гунде, Диба и Биафу, захватив с собой охотничьи ножи и копья, отправились в самую чащу.

Шли они, все время прислушиваясь, но Сна не слыхали. Они искали на земле его следы, но Сон не оставлял на земле следов.

Весь день, крадучись, шли они за Сном и зашли наконец в такую чащу, куда жители поселка никогда и не заходили.

— Он, должно быть, прячется здесь, среди высоких папоротников,— сказал Биафу.

— Я его не вижу,— сказал Диба.

— Я его не слышу,— сказал Гунде.

— Если такой зверь на самом деле существует, мы, конечно, поймаем его у водопоя,— сказал Биафу.

И они спустились вниз, прошли через высокие папоротники и густые кустарники. Они пришли к тому месту, где река проложила себе путь сквозь джунгли. На берегах реки видны были следы диких зверей: газели, антилопы, буйвола и леопарда.

— Мы подождем его здесь, и, когда он придет пить, мы убьем его,— сказал Биафу.

Он отыскал высокое дерево, растущее у самой воды. Оно возвышалось над рекой, раскинув свои густые ветви, и любое животное, которое пришло бы напиться, оказалось бы под его сенью.

— Влезай на дерево! — сказал Биафу Дибе.— Когда придет Сон напиться, ты прыгнешь ему на спину, и мы прикончим его.

Диба посмотрел вверх, подумал.

— Может быть, ты лучше полезешь на дерево? — сказал он Биафу.

— Нет, Гунде и я будем стоять здесь, внизу, и, когда мы услышим твой зов, мы тотчас же прибежим.

Диба покачал головой. И Биафу повернулся к Гунде и сказал:

— Тогда ты полезай на дерево и жди. Когда Сон придет напиться, ты прыгни на него. И, услышав твой зов, Диба и я тотчас же прибежим.

Гунде подумал с минуту. И тоже покачал головой.

— Нет, я лучше останусь здесь, а когда надо будет — прибегу.

Биафу рассердился.

— Что за храбрые охотники! Боятся животного, которого не видно.

— А как быть, если и он любит лазить по деревьям? — сказал Диба.

— Да, что если и он вздумает забраться на это дерево? — сказал Гунде.

Спорили они, спорили. Наконец Биафу с нетерпением топнул ногой.

— Ладно,— сказал он.— Полезу на дерево я сам и буду ждать. И когда вы услышите мой зов, бегите ко мне со всех ног.

Он вскарабкался на ветви дерева, висящие над водой, и спрятался среди листьев. А Гунде и Диба заползли в кусты и принялись ждать.

Время шло. Антилопа спустилась к воде, попила и ушла. Настала ночь, летали взад и вперед совы. Тихо, крадучись, подходили к воде леопарды, пили и уходили. Биафу приник к дереву и, крепко сжимая в руке свой охотничий нож, ждал. Гунде и Диба притаились в кустах и тоже ждали зова Биафу.

Сгустилась тьма. Свет луны, выплывшей из-за туч, прорезал ночную тьму.

А Биафу все сидел и думал о том, как обрадуются старики, когда они поймают Того, Чей Приход Вы Не Видите. Но он почувствовал сильную усталость. Сначала закрылись его глаза, закрылись на одно какое-то мгновение. Потом глаза закрылись снова и оставались так, закрытыми, чуть-чуть дольше. Потом он заметил, что его разум как-то ускользнул от него в ночную тьму. Он встряхнулся и заставил себя проснуться. Сердце его стучало часто-часто, потому что чувствовало: зверь был близко.

Он взмахнул ножом и закричал:

— Я вижу тебя! Я вижу тебя!

Диба и Гунде быстро подбежали к самому берегу.

— Где он? — закричали они.— Где он?

— Ах, он пришел, а потом скрылся,— сказал Биафу.— Идите обратно в свое убежище и ждите.

Диба и Гунде вернулись и притаились опять в кустах. Биафу застыл в ожидании Того, Чей Приход Вы Не Видите. Он пристально смотрел в темноту, на реку. Но ничего не слыхал, кроме доносившегося издалека крика сов и кваканья лягушек. По небу плыла луна.

И снова тяжесть стала обволакивать Биафу. Как бы он ни старался держать глаза открытыми, они слипались. И на мгновение он забыл обо всем. Ему казалось, что он плывет куда-то вдаль, что погружается в пучину. Дерево от ветра закачалось, Биафу ухватился за его ветви и открыл глаза. Он рассек воздух ножом и закричал:

— Я вижу тебя! Я вижу тебя!

Снова Диба и Гунде прибежали со своими копьями наготове.

— Где он? Где он? — кричали они, стараясь разглядеть в темноте зверя.

— Он уже близко, он взобрался на дерево! — сказал Биафу.— Он схватил меня, но я его сбросил. Возвращайтесь обратно и спрячьтесь. Теперь мы обязательно его поймаем. Но не уходите так далеко, а когда услышите мой зов, бегите быстрей.

Диба и Гунде снова укрылись в кустах и стали ждать.

Биафу разговаривал сам с собой и протирал глаза, чтобы не заснуть. Он думал о большом празднике, который будет в деревне, когда он вернется с охоты.

Медленно по небу поплыла туча и закрыла луну. Все потонуло во мраке. Ветра не было, даже листья перестали шелестеть. Замолкли вдали совы. Перестали квакать лягушки. Тихо-тихо стало вокруг. И глаза Биафу медленно-медленно закрылись. Память его ускользнула в темноту. В этот раз Сон подкрадывался к нему незаметно.

Постепенно-постепенно Сон заставил Биафу не так уж крепко держаться за ветви. Медленно-медленно Сон склонил голову Биафу на грудь. Нож выпал из рук Биафу и покатился в воду. И медленно-медленно Сон подталкивал Биафу все сильнее и сильнее, пока Биафу не склонился набок. И тут Сон схватил Биафу и сбросил его вниз, в реку.

— Диба, Гунде! Он схватил меня! Он схватил меня! — закричал Биафу.

Они прибежали, готовые к решительной схватке, но было слишком поздно,— перед ними был только Биафу. Сон уже исчез.

— Где он? Где он? — кричали они, в то время как Биафу, насквозь мокрый, вылезал из воды.

— Он забрался на дерево и сбросил меня в воду! — сказал Биафу.

С унылым видом уселся он у реки и стал думать. Он долго молчал и потом сказал Дибе и Гунде:

— Охотиться за Сном бесполезно. Старики правы. Ведь он не такой, как леопард, который крадет наших коз и не возвращает. А если он что-нибудь и крадет, так крадет всего на несколько часов, и, когда приходит утро, люди чувствуют себя снова здоровыми.

И охотники собрали свое оружие и начали охотиться на антилопу. Затем принесли ее в деревню и устроили большой пир. Старики обрадовались, но стали расспрашивать, не встретился ли им Сон.

— Мы его почти видели,— сказал Диба.

— Я боролся с ним на дереве,— сказал Биафу,— но я не смог устоять перед ним.

— Он столкнул Биафу в реку,— сказал Гунде.

— Я всегда говорил, что так оно и бывает,— сказал Биафу с достоинством.— Никогда не увидишь, когда он приходит. Кажется, что ты его вот-вот увидишь, но это никогда не случается.

Каждый из племени Ашанти знал, что паук прожорлив. К тому же он был еще и жадным и всегда норовил заполучить больше, чем ему полагалось. И люди избегали паука.

Но однажды к его жилищу пришел из другой страны путник. Это была черепаха. Целый день шла она по солнцепеку, устала и проголодалась. Пауку пришлось пригласить черепаху в дом и предложить ей что-нибудь поесть. Сделал он это с неохотой. Но если бы паук не оказал усталому путнику гостеприимства, об этом узнали бы по всей округе, и люди стали бы шептаться за его спиной и осуждать его.

И паук сказал черепахе:

— Там в ручье есть вода, где можно помыть ноги. Спустись по этой тропинке, и ты дойдешь до ручья. А я тем временем обед приготовлю.

Черепаха повернулась и со всей возможной для нее быстротой заковыляла с колебасой[1] вниз к ручью. Зачерпнув воды, она тщательно вымыла в ней ноги. Затем выползла опять на тропу и поковыляла обратно к дому. Но тропа была пыльной, и, пока черепаха добралась до дома паука, ноги ее опять стали грязными.

В это время паук поставил еду на стол. От нее шел пар. И она так вкусно пахла, что у черепахи потекли слюнки. Ведь она ничего не ела с самого восхода солнца.

Паук неодобрительно посмотрел на ноги черепахи.

— У тебя очень грязные ноги,— сказал он.— Не думаешь ли ты помыть их, прежде чем приняться за еду?

Черепаха посмотрела на свои ноги. Они были такими грязными, что ей стало стыдно. Повернувшись, она снова заковыляла к ручью. Погрузила колебасу в ручей, зачерпнула воды и тщательно помылась. Затем заковыляла со всех ног в дом паука.

Но нелегко черепахе путешествовать. И когда она приковыляла в дом паука, тот уже сидел за трапезой.

— Превкусная еда, не правда ли? — сказал паук и опять с неодобрением посмотрел на нее.

— Гм...— сказал он.— Разве ты не собираешься помыться?

Черепаха посмотрела на свои ноги. Она так спешила, что ее ноги снова были густо покрыты пылью.

— Я мыла их,— сказала она.— Я мыла их дважды. Это твоя пыльная тропа виновата.

— О,— сказал паук,— ты еще оскорбляешь теперь и мой дом?!

Он набил полный рот едой и принял обиженный вид.

— Нет,— сказала черепаха, вдыхая запах пищи.— Я просто хотела тебе объяснить.

— Ну хорошо, хорошо! Помойся снова, и мы сможем приступить к еде.

Черепаха посмотрела вокруг. Угощение было уже наполовину съедено, и паук поспешно доедал остатки.

Черепаха повернулась и поспешила к ручью. Зачерпнув колебасой немного воды, она плеснула ее на ноги. Затем заковыляла обратно к дому. Но теперь она двигалась уже не по тропе, а через кусты, по траве. Правда, времени на это потребовалось больше, но зато ноги ее теперь уже не запылились. Когда она доползла до дома, она увидела паука, облизывающего губы.

— Ах, как славно мы поели! — сказал паук.

Черепаха заглянула в тарелку. Ничего не осталось. Даже запах и тот улетучился! Черепаха была очень голодна. Но не сказала об этом ни слова. Она улыбнулась.

— Да,— сказала она.— Славно мы поели. Ты очень добр к путникам, проходящим через вашу деревню. Если тебе доведется побывать там, где живу я, можешь быть уверен в моем гостеприимстве.

— Ну, что ты,— сказал паук.— Какие пустяки...

Черепаха ушла. Она никому не рассказала о том, как ее принял паук. Умолчала и о том, что с ней произошло в его доме.

Но однажды, много месяцев спустя, паук очутился вдали от своего дома, в том краю, где жила черепаха. Он встретил ее на берегу озера. Она принимала солнечную ванну.

— А, паук, дружище! Ты так далеко сейчас от своего дома,— сказала черепаха.— Может быть, со мной отобедаешь?

— Да, так уже это заведено. Когда человек находится вдали от своего дома, его великодушие заслуживает награды,— сказал голодный паук.

— Посиди на берегу, а я спущусь вниз и приготовлю чего-нибудь поесть,— сказала черепаха.

Она соскользнула с берега в воду и нырнула на дно озера, где и приготовила обед. Затем она всплыла на поверхность и сказала пауку, с нетерпением ожидавшему ее на берегу:

— Все в порядке! Еда готова! Спустимся теперь вниз и пообедаем!

И черепаха нырнула на дно.

Паук умирал от голода. Он прыгнул в воду, но был так легок, что лишь скользил по воде. Уж он плескался, плескался, брызгался, брызгался, но так и не мог погрузиться в воду.

Долго и безуспешно пытался паук опуститься на дно, где обедала черепаха, но ничего у него так и не получилось.

Вскоре черепаха выплыла, облизывая губы.

— Что случилось, разве ты не голоден? — спросила она.— Еда очень вкусная. Поторопись.— И она снова нырнула на дно.

Паук сделал еще одну отчаянную попытку нырнуть, но все время всплывал кверху. Наконец ему пришла в голову прекрасная мысль. Он вернулся к берегу, насбирал камешков и положил их в карманы своей куртки. Он набрал так много камешков, что сразу стал тяжелым, таким тяжелым, что едва мог передвигаться.

Затем он снова прыгнул в воду и на этот раз погрузился наконец на дно, где сидела черепаха. Обед был уже наполовину съеден. А паук был очень голоден. Только он собрался взяться за еду, как черепаха вежливо ему сказала:

— Извини меня, мой друг! В наших местах не принято обедать в куртке. Сними ее, и мы примемся за еду.

Черепаха набрала полный рот еды и стала жевать. Паук изнывал от голода. Черепаха снова набрала полный рот еды. Паук выскользнул из своей куртки и только хотел наброситься на еду, но без камешков он стал снова легким и стремительно взлетел на поверхность.

Вот почему люди всегда говорят:

— За обед надо платить обедом.

Перевела **В. ДИКОВСКАЯ.**

Рисунки Ю. Черепанова.

[1] Колебаса — выдолбленный из тыквы сосуд.

ШКОЛЬНЫЕ МОТИВЫ

Рисунки В. Тильмана.

— Кажется, мне сегодня надо в какое-то другое учреждение.

— Неужели не можешь подождать еще три года?

— Давай прогуляем, простят для первого раза.

— Ты знаешь, папа, сейчас модно носить подтяжки.

Михаил РЖЕВИН

„КАРАСЬ!"—

Рассказывать о рыбаках — дело щекотливое. Я имею в виду рыбаков условных, любителей, а не профессионалов. Они, как малые дети, сами сочинят сказку, сами в нее и поверят да еще и обижаются, что другие не верят. Но иногда услышишь историю, в которую не поверить нельзя. Вот и я однажды услышал такую, да так в нее поверил, будто это со мной все случилось. Впрочем, кто знает, может, и со мной?.. Вот послушайте.

Сговорился я с товарищами ехать в субботу вечером рыбачить на Волгу. И вот суббота, день тянется медленно. Вдруг в тринадцать ноль-ноль пригласило меня в кабинет начальство: задание до утра! Плакала моя рыбалка!

Пришел с работы в шестом часу утра. Лег спать с полным крушением надежд. Встал в два часа дня. Куда, спрашивается, ехать? Пока доберешься на поезде, вечерняя зорька кончится. Но мне было известно, что под Бронницами есть старица. Так себе водоемчик, невидный, но, ежели с умом взяться, карась там берет. И ехать недолго — всего час на автобусе. Поглядел я на свои удочки и думаю: ну, куда я с ними? На смех поднимут в автобусе. Все — домой, а он — на рыбалку! Решил съездить на старицу для разведки. В таких случаях, конечно, самое лучшее — разведка боем. Прихватил я в карман моток лески, несколько крючков и десяток дробинок. Ну, а для поплавка на лугу найдется гусиное перышко. И удочку срубить из лозняка на один раз — дело нехитрое.

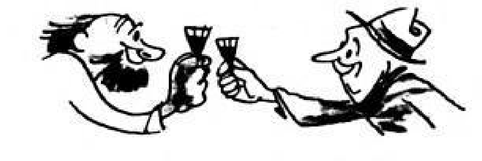
Приехал. Походил по лугу, старицы не нашел. Ближе к реке, смотрю, шалаш стоит. Вдоль реки там поливные огороды, капусту выращивают. В шалаше не иначе как сторож. А что такое луговой сторож? Ценный человек, самый дорогой человек в нашем деле. А если еще и рыболов, то клад это, а не человек...

Прошел я бороздами вдоль капусты к шалашу, заглянул в него. На топчане травка постелена, на травке шинель неопределенного цвета. На шинели спит старик. Настоящий деревенский дед, прямо с картинки. Борода лопатой кверху, густые седые усы. Пригляделся — снастей рыбачьих в шалаше нет. Но не может того быть, чтобы такой дед рыбу не удил! Будить я его не стал. Дневной сон прервать — испортить человеку настроение. Да и до зорьки еще время оставалось.

Скинул возле шалаша рюкзак и устроился на траве. Расстелил газету во всю ширину и начал готовить закуску на двоих. Конечно, не в закуске вся хитрость состояла, хотя и было кое-что припасено заранее перед намечавшимся субботним выездом на Волгу. Главное было, конечно, в «Старке». На нее я и рассчитывал для начала душевного знакомства. Вскрыл консервы, огурчиком украсил баночку с кильками. Рыбу копченую разложил и колбаску. Ударил по донышку бутылки и тут услышал шорох в шалаше, оглянулся. Старик сидел на топчане и бороду оглаживал. Встретились мы с ним глазами, он улыбнулся и густым басом молвил:

— Добрый сон! Или, может быть, я и не во сне?

...Выпили мы с дедом по рюмочке, повеселел он, а потом поглядел на меня с хитринкой: я, дескать, тебя превосходно понимаю, но пока сам не скажешь,

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 1

БЕДА

Это началось с телефонного звонка. Старший лейтенант милиции Митин писал рапорт об отпуске и не спеша потянулся к трубке.

— Дежурный по отделению...— начал Митин. Однако то, что он услыхал, сразу же сняло медлительность.— Сейчас... подождите, записываю... Ново-Ладыженский переулок? Мухин... Это что, фамилия убитого? Понятно, записал. У себя в комнате? Кто, кто? Повторите... Молодой человек... Фамилия? Неизвестна. Ясно! Высылаю опергруппу. Кто передал? Постовой Никифоров. Есть, товарищ Никифоров.

После отбоя Митин позвонил домой начальнику отделения майору Колесникову.

Трубку взяла жена майора Анна Сергеевна.

— Сережа, тебя,— недовольно протянула она, и Митину почему-то стало неудобно.

— Слушаю, товарищ Митин. Где? Вот, черт возьми, как воскресенье, обязательно что-нибудь должно случиться! Мухин? Не знаю такого. Ладно, выезжаю. Сообщите дежурному по управлению... Аня, китель!

И понеслись по телефонным проводам скупые телеграфные фразы о чрезвычайном происшествии, нарушившем покой доселе тихого Ново-Ладыженского переулка.

А через полчаса на место происшествия прибыла оперативная группа уголовного розыска, медицинский эксперт, проводник с собакой, сотрудники научно-технического отдела с фотоаппаратами и осветительными приборами. Последним приехал следователь прокуратуры Николай Петрович Куликов, высокий, большелобый шатен, неторопливый и малоразговорчивый.

В доме кипела работа. Осмотр, фотографирование. Овчарка несколько раз ткнулась мордой в окно, обнюхала подоконник, потянула в коридор, вернулась обратно, сунулась в один, другой угол — все напрасно: следы смешались. Слишком много людей перебывало здесь, слишком густой, сильный дождь лил последние полтора часа. Притомившись, собака легла возле проводника и жалобно заскулила.

Однако неудачи пса не обескуражили Куликова. Осторожно опрашивая людей, живущих по соседству, следователь к полуночи располагал первоначальными, так сказать, частичными сведениями о возможном преступнике и вероятных мотивах преступления.

В доме Мухина царил неописуемый хаос. Дочь покойного Марина в эти первые часы пришедшей беды была почти невменяема. Она то и дело рвалась в комнату, где лежал отец, плакала навзрыд и ломала руки. Ее удерживала соседка по квартире, приносила воду, смачивала полотенца.

— Я виновата, одна я! Прости, папа...— причитала Марина.

Конечно, о неторопливом допросе Марины не могло быть и речи, но из обрывков разговора, из того, что впопыхах рассказала соседка Клавдия Ивановна Капитонова, Куликову становилось все более ясно, что же произошло в этот вечер.

Да, Капитонова слышала в комнате Мухина громкие голоса, брань, крик «убивают», видела убегавшего дружка Марины Андрея Зотова.

Клавдия Ивановна не сомневалась, что Мухин был убит Зотовым.

— Посудите сами, товарищ следователь, ссора между ними произошла, старик несдержанный, ругал Андрея, ну, тот и... В общем, убедитесь сами...

Где живет Андрей Зотов, Клавдия Ивановна не знала.

Позднее, ночью, Николаю Петровичу удалось поговорить с Мариной. Это был печальный и трудный разговор. Прерывая свой рассказ слезами и долгими паузами, Марина поведала о сегодняшней поездке с Андреем в Быково. Во время прогулки Андрей снова, в который раз, настаивал на женитьбе, и снова она отказалась, ссылаясь на несогласие отца. Андрей пришел в ярость, стал выкрикивать угрозы, проклятия. Он вообще неуравновешенный какой-то, заявил, что убьет отца. Конечно, из-за этого они сильно поссорились, и она ушла.

— Я не придала значения его угрозам. Он же должен был понять, что если поднимет руку на папу, то между нами вообще все будет кончено.

И снова слезы заливали опухшее, в красных пятнах лицо.

— Скажите, почему отец не соглашался на ваш брак с Зотовым?

„АСЬ?“ — „ВЫЛАЗЬ!“

наталкивать не буду. Выпили еще по одной.

Старик крякнул и наконец спросил:

— За какой же ты нуждой?.. Если бы за рыбой, опять же без удочек! Из Москвы завсегда с удочками бамбуковыми приезжают.

— Приезжают? — спросил я довольно равнодушно.— Где же тут ловить?

— Да ить рази ловить? Выпить, погулять... Ловим мы. К зорьке подойдут ко мне рыбу покупать... Тебе рыбка не нужна?

— Я рыбу не покупаю. Все удовольствие — самому поймать.

— Оно конечно! — усмехнулся старик.— Но ведь ее, рыбу-то, взять надо. А взять — время опять же... Вот тут Гаврила Иваныч — первый советчик.

— Присоветуй, Гаврила Иваныч! — попросил я.— Удочек я не взял, но леска есть, крючки тоже на месте...

— Хороший ты человек,— ответил старик.— Присоветую. Только с устатку я еще подремлю, да и ты поспи. Как солнышко покажет седьмой час, так и пойдем. Не сумлевайся! Без меня тебе все равно делать нечего, а я свой срок знаю...

Я робко ему о червях напомнил. Он рукой махнул.

— Кто же это, мил человек, на сегодняшнего червя ловит? А? Червь должен быть тугой и чистый. Особо, если это выползок. Я червя собираю в банку из-под компоту. Банка стеклянная, от железа червь дуреет и вянет. В банку сыплю красного песку. Только не речного. Красного. На глинах который бывает. В песке червь очистится, песку нажрется. Хрустящий станет и крепкий. Он у меня, как на крючок его насажу, стойку делает... Рыба, она тоже выбирает кусок послаже.

Старик лег на свой топчан, накинул на голову шинельку от мошкары. Прилег и я у шалаша, не заметил, как придремал. Будто бы только глаза сомкнул, а тут и побудка. Дед меня в плечо толкает и укоризненно приговаривает:

— А боялся, я просплю... Не тронь тебя, ты до утра тут бы и ловил рыбу...

Я вскинул на руку рюкзак. Дед остановил меня:

— Не отягщайся! Рыба любит, когда к ней легко подходят...

— У меня же там крючки и лески...

Старик махнул рукой.

— Здесь рыба на чужие не берет...

Старик резво пошел по лугу. Вышли мы к камышам совсем не там, где другие рыбаки сидели. Местечко незавидное. Ой, незавидное! Опять меня сомнение гложет. Рыбаки сидят на обрывистом бережку. Значит, там глубоко. И травы под берегом у них нет, просторно для заброса. А здесь что? Камыши и илистое дно.

Старик спустился к воде и из густой травы выхватил два удилища. Два длинных ореховых прутика. Леска!.. Такой допотопности мне давно видеть не приходилось. Леска сплетена из конского волоса, да не из белого. Черный и серенький попадается. Чуть ли не в восемь волос. А вместо крючков ржавые булавки. За головки привязаны. Изогнуты, абы как... Из-под косилки дед извлек какой-то зеленый куль из лопухов. Вот когда он развернул лопухи, только в ту минуту я и почувствовал, что действительно напал на рыбака. В лопухи была завернута стеклянная банка с червями.

Я с огорчением смотрел на лески и на червей. Старик понял мой грустный взгляд, но ни слова не молвил. Указал глазами на косилку. Косилка была так поставлена, что сиденье возницы высилось над водой. Стараясь не шуметь, я перебрался по ржавой раме к железному сиденью и принял из рук старика удочки.

Он поднял руки и дал мне знак, что пора начинать. Размотал я лески, насадил на булавки червей и забросил удочки. Два поплавка легли на воду, чуть отступая от камыша. Поплавки! Пробки от бутылок, пронизанные спичками.

Солнышко светит со спины, глаз не режет. На воде тихо. Сижу, посмеиваюсь. Ну как на такой крючок рыба возьмет, да еще карась, сытый и подозрительный? Сижу минуту, сижу две. Поглядел на часы. Двадцать пять минут седьмого. Какая же тут рыбалка? Мелко, мутно. Посмотрел второй раз на часы. Половина седьмого. Только я поднял глаза, гляжу, поплавок правой удочки чуть колыхнулся. Ветра нет. Подозрительно. Поглядел на левый поплавок — та же история. Плавал он свободно, распущенно, а тут словно бы замер на потяге. Левый нырнул под воду. Я левой рукой удочку вверх, леска напружинилась, забилось на крючке. Увесисто забилось. Тут же и правый нырнул. Я правой рукой ухватил вторую удочку. И там бьется. Вывожу сразу на двух удочках. Караси! Вытащил кое-как, сделал кукан из веревки, насадил рыбу, опустил в воду. Караси заметные. Граммов по двести каждый.

Забрасываю опять обе удочки. Опять караси. И все ровные, словно считанные каким-то их болотным инспектором по качеству. Работка пошла горячая. Успевай только червей менять. Я уже и на кукан перестал их сажать, бросаю подальше на берег. Когда клев жадный, рыбак времени не замечает.

Помню, что солнце еще не село и даже примеркать не начало. В глазах от работы двумя удочками двоится. И вдруг замерли поплавки. Сделал еще по забросу — опять все спокойно.

— Вставай, рыбак! — раздался сзади голос старика.— Шабаш.

— Да вот только что клевало...— запротестовал я.

— Клевало, да перестало. Вылазь!

Смотал я удочки и на берег, а старик рыбу в траве собирает.

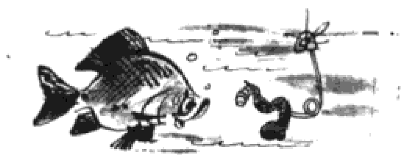
— Солнце еще не село, рано...— пытаюсь я объяснить.

Старик посмеивается.

— А я думал, ты настоящий рыбак. Я ить рыбку-то здесь прикармливаю... От половины седьмого до семи. Червячков секу и бросаю. Она знает срок кормежки, теперь гулять отошла. Да и тебе довольно. Улов в самый раз.

Тут только я и увидел, сколько я нашвырял карасей. Почти на каждую минуту по карасю.

— Насаживать надо было поворотливее,— заметил с сожалением дед,— попроворнее настегал бы их... У меня по зову! Я удочку брошу и тут же тихонько позываю: «Карась!» Он, лопоухий, слышит далеко. Сейчас же и ответит: «Ась?» Я его хвать крюком и приказываю: «Вылазь!» С крючка сбросил, и тут же заброс, и опять позываю...

— Папа — человек старых правил. По его понятиям, муж должен быть совсем другим, не таким, как Андрей. Но я и сама не собиралась выходить замуж за него.

— Вы ему об этом говорили?

— Нет.

— Значит, Зотов считал, что единственным препятствием является ваш отец?

— Да.

— Когда Зотов расстался с вами в Быкове, он был сильно взволнован?

— Да. И вообще Андрей неуравновешенный, вспыльчивый, грубый.

— Какие угрозы он выкрикивал в адрес отца?

— «Я его убью, таких людей надо уничтожать...» Да разве все запомнишь!

— От кого вы узнали, что отец убит Зотовым?

— Соседка по квартире сказала. Она все слышала.

— Скажите, Зотов материально хорошо обеспечен?

— Не знаю. Живет на зарплату. А сегодня он занял у меня рубль, чтобы расплатиться в кафе.

Марина постепенно успокаивалась. Обстоятельно отвечая на вопросы, она вспомнила, что свидетелем их ссоры в Быкове был официант летнего кафе «Отдых», обслуживавший их столик.

Сообщив милиции сведения о свидетеле ссоры, а также адрес Зотова — он был у Марины,— Куликов отдал распоряжение доставить того и другого завтра к десяти часам утра в прокуратуру.

— Не исключено,— предупредил Куликов,— что Зотов попытается скрыться от следствия, поэтому как можно скорее найдите его.

В четвертом часу ночи следователь уехал домой.

В квартире еще оставались оперативные работники. Мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с одутловатым лицом человека, мало бывающего на свежем воздухе, стоял неподвижно на пороге комнаты и, засунув руки в карманы «болоньи», прислушивался к шумевшему за окном мелкому дождику. Рядом стоял молодой человек.

— Товарищ подполковник,— почтительно проговорил он,— только что уехал следователь прокуратуры.

— Знаю,— не меняя позы, отозвался тот, кого назвали подполковником,— он и со мной тоже простился.

— Следователь сказал, что ему обстановка ясна и что, судя по всему, дело удастся закончить в несколько дней.

— Хвала и честь! А к чему он, в сущности, все это говорит?

Молодой человек смутился.

— Не знаю. Возможно, считает, что наша миссия окончена.

— А ваше мнение, товарищ старший лейтенант?

Несколько секунд молодой человек словно раздумывал, с чего начать, наконец признался:

— Если по совести, Федор Георгиевич, странными мне кажутся мотивы преступления.

— Мне тоже, если по совести,— в тон ему ответил подполковник,— убить отца невесты только потому, что тот не дает согласия на брак! — Он недоуменно пожал плечами.— Во-первых, это никак не вяжется с нашим бытом, с условиями нашей жизни, а во-вторых, ведь убийство окончательно губит все дело. Теперь-то женитьба его тю-тю.— Подполковник помолчал и добавил: — Может, он тронутый? Всякое бывает. А вы обратили внимание, товарищ старший лейтенант, на собаку? Металась как неприкаянная, дважды пыталась взять след с окна. Что ей там надо? Вот что, Володя,— подполковник дружески обнял молодого помощника,— с женщинами придется поговорить еще раз, позднее. Займитесь этим. И побольше о Мухине. Удивительное дело,— Федор Георгиевич смешно поднял плечи и развел руками,— о Зотове мы с ходу узнали многое: любил дочку старика, неуравновешенный, грозился, а о покойном, царство ему небесное, ни слова. Как жил, с кем встречался — ничего не знаем. Займитесь, товарищ Загоруйко. Мне все-таки думается,— продолжал подполковник,— было бы неплохо погостить здесь еще денек-другой, расставить посты, посмотреть, не придет ли кто в гости. Может, кто и поинтересуется, по каким следам идет уголовный розыск. Словом, вы меня понимаете, товарищ Загоруйко... Вас я и назначаю старшим. Сейчас пришлю людей, расставьте их как полагается. Посидим у моря, подождем...

Загоруйко остался один. За стеной слышалось неясное бормотание, иногда плач. Раза два по коридору пробегала Капитонова, она так и не ложилась спать. Вскоре прибыла машина с сотрудниками милиции. Старший лейтенант расставил посты, проинструктировал вновь прибывших. К этому времени уже стало светать. Во дворах соседних домиков вступили в перекличку петухи. От ночного дождя зелень маленьких садов сверкала и казалась лакированной. Хотелось спать. Загоруйко подтащил кресло поближе к окну, отдернул занавеси и поудобнее примостился. Из окна просматривалась тихая, еще не проснувшаяся улица. Она дышала миром, спокойствием. Дома напротив, приземистые, одноэтажные, с щелями в закрытых ставнях, чем-то напоминали копилки. Загоруйко даже улыбнулся неожиданному сравнению.

ГЛАВА 2

УТРОМ В ПРОКУРАТУРЕ

Ровно в десять часов Николай Петрович Куликов, как всегда подтянутый, побритый, входил в здание прокуратуры.

Возле кабинета он заметил старичка, одиноко притулившегося в приемной. И сразу же догадался, что перед ним официант кафе «Отдых». Николай Петрович приветливо поздоровался и, следуя за ранним посетителем, вошел к себе.

— Садитесь, пожалуйста. Может, закрыть окно, не боитесь простуды?

— Премного благодарны, прошу не беспокоиться, к воздуху привычны,— неожиданно густым басом ответил старичок и расправил усы.

— Вы на пенсии? — улыбаясь, спросил Куликов. Ему стало смешно: уж больно не соответствовал могучий рык старика неказистой внешности.

— Так точно.

— А почему не отдыхаете?

— Привычка,— сокрушенно пробасил тот,— места дома себе не нахожу, не шутка, пятьдесят лет проработал, вот и не выдержал, пошел

Забавные
МЕЛОЧИ
забавные

ПОПУГАЙ БИЛЛ И ВОРЫ

Три вооруженных грабителя проникли в дом на окраине Лондона, где живут сестры Дженни Вуд и Флоренс Биккертон. Воры хотели связать женщин, но неожиданно из соседней комнаты хриплый мужской голос спросил: «Что здесь происходит?»

Бандиты растерялись и пустились бежать. Вдогонку им тот же голос произнес: «До скорого свидания, джентльмены!»

Свидание действительно вскоре состоялось. Попугай Билл, который обратил в бегство ночных пришельцев, присутствовал на суде, разбиравшем дело пойманных грабителей.

БАБУШКА НА МОТОЦИКЛЕ

Шестидесятилетняя М. Варгова, жительница словацкого местечка Лученец, успешно сдала экзамен на право вождения мотоцикла.

МОРСКОЙ ВСАДНИК

Учитель плавания американец Эдди Асперс, пожалуй, единственный человек, который ухитрился оседлать кита и прокатиться на его спине.

ДРУЖБА

Дельфин Клоун, обитающий в бассейне Майами-Бич, не обращая внимания на фоторепортера, демонстрирует свою нежную привязанность к дрессировщице.

МУЖСКОЕ ТЩЕСЛАВИЕ

Посетители одного американского ресторана жаловались на слишком жесткие бифштексы. Тогда хозяин ресторана повесил такой плакат: «Наши бифштексы предназначены для настоящих мужчин, а не для слюнтяев с расшатанными зубами». После этого жалобы на жесткое мясо прекратились.

работать в кафе. Здесь не ресторан, работа не вредная, все время на свежем воздухе, да и посетители хорошие, больше молодежь.

Он умолк и выжидательно посмотрел на Куликова.

— Вы уж меня извините, что рано вас потревожил.

— Об чем разговор, гражданин следователь! Чем могу служить? Рад помочь. Всем сердцем.— Старик даже приложил руки к груди.

Завязался неторопливый разговор. Молчаливый Николай Петрович, когда нужно, умел поговорить, а главное, послушать, и это располагало к нему собеседников. Вот и сейчас, подробно описав внешний вид Марины Мухиной, следователь поинтересовался, не слышал ли старый официант, о чем говорили молодые люди, когда сидели у него за столиком.

Марину старик заприметил.

— Симпатичная девица, только глазенками любит стрелять... шварк, шварк то туда, то сюда.

А вот спутника ее официант вспомнить не мог. Одно запомнил: тот сердито выговаривал девушке. Даже кулаком по столу стукнул. Старик подошел, посмотрел, не разбил ли чего. Обошлось.

— А угроз каких со стороны молодого человека не слышали?

— Врать не хочу. Не слышал. Да я и отошел быстро.

— Понятно. Спасибо.

Первый допрос дал мало. Николай Петрович придвинул к себе бланк протокола и стал его заполнять. Попросив свидетеля расписаться, Куликов еще раз поблагодарил его.

— Рад служить. Можно идти?

— Будьте здоровы.— Следователь протянул повестку с отметкой о посещении прокуратуры.

Оставшись один, Николай Петрович задумался. Значит, Марине Мухиной просто показалось, что их разговор слышали окружающие. Может, кто и слышал, но не официант. В общем, оно и понятно: официант все время в беготне — кухня, столики. Как-никак, воскресный день. Да, но показания Марины все же должны быть подкреплены хотя бы еще одним свидетелем. Без этого допрос Зотова будет затруднен. Может, Капитонова?

Николай Петрович встал и заглянул в приемную. До чего же аккуратный народ! У входа сидела высокая женщина. Клавдия Ивановна! Куликов сразу узнал ее.

Несмотря на августовское утро, Капитонова, видимо, по случаю вызова в прокуратуру была одета в длинное пальто из черного плюша. Обычно этот наряд она надевала только в церковные праздники. По одному этому можно было судить, какое значение придает она сегодняшнему событию. Остренькие маленькие глазки Клавдии Ивановны с нескрываемым любопытством оглядывали каждый предмет в комнате.

Клавдию Ивановну не надо было расспрашивать. Она сама торопилась выложить все обстоятельно, иногда пускалась в пространные рассуждения, и тогда Куликов осторожно выравнивал рассказ.

Началось с того, что в начале десятого вечера (Клавдия Ивановна запомнила этот час, так как обычно в это время принимает лекарство от ревматизма) кто-то забарабанил в наружную дверь. Со слов Клавдии Ивановны, она хоть и испугалась, но пошла открыть, и в квартиру ворвался Андрей Зотов.

Да, конечно, она и раньше встречала его. Ухажер Маринки, дочки Мухина. Сколько раз она видела их вместе, часами стояли у дома, но чтобы войти, ни, ни!.. Так вот впустила Андрея в квартиру, и он бегом в комнату старика.

— Мухина вы давно знаете?

— Тридцать лет в одной квартире живем.

— В гости к нему ходили?

— В гости? — удивленно переспросила Клавдия Ивановна.— Нет, скупой старик был, вечно ссорился со мной: то электричество много жгу, то кран не закрутила. Не разговаривала я с ним, не то что в гости.

— Что делал Мухин, когда пришел Зотов?

— Спал,— безапелляционно заявила свидетельница.

— Откуда вы знаете?

— Слава богу! Жить в одной квартире и не знать... Спал. Он в это время всегда ложился.

— Ну, а дальше что?

— Слышу, ругаются. «Отдай дочку за меня, а не то я тебя убью!» — кричал Зотов. И, по всем статьям, убил!

— Так сразу и убил? — недоверчиво спросил Куликов.

— А что старику надо? Он хлипкий, гнилой. В чем только душа держалась. Занудливый, а хлипкий. Нет, видать, Андрюшка — убийца.— И, откинувшись на спинку стула, Клавдия Ивановна заключила:— Точно он. Кто же еще!

— Но вы же не видели, как Зотов убивал Мухина?

— Что вы, что вы!..— взволновалась Капитонова и даже перекрестилась.— Какие страсти говорите...— И обиженно сжала губы.

— Почему же вы так уверенно говорите, что Зотов — убийца?

— Он сам кричал: «Убью тебя!»

— Где кричал?

— В комнате.

— Мухин отвечал?

— Нет, в комнате что-то упало, шум пошел. Больше я ничего не слышала.

— А дальше что?

— Вижу, бежит Андрей по коридору, страшный, волосы взъерошены, глаза выпучил, ногами громыхает — и прямо в дверь, ударил кулаком и убежал.

— Ясно! — резюмировал Куликов и наклонился над протоколом допроса.

Клавдия Ивановна понимала, что случай поставил ее в центре чрезвычайного происшествия, что она единственная свидетельница случившегося, и упивалась своей ролью.

— Как Мухин относился к дочери?

— Любил ее, а замуж за Андрея не велел выходить.

— Почему?

— Говорил, что тот нищий, голоштанник, что для Марины другой муж нужен.

— И Марина соглашалась?

— А что же делать, против отца не пойдешь, особливо когда из его рук ешь. Старик богатый, дочери ни в чем не отказывал. Только грозился: выйдешь за голодранца — выгоню.

— А вам Марина ничего о Зотове не рассказывала?

— Нет, девка скрытная.

— Вот вы говорите, Мухин богатый. Откуда вы знаете?

— Да что теперь о покойнике говорить! Дурного не полагается, а хорошего тоже не скажешь.

БОРОДА СО ДНА МОРЯ

В северных и дальневосточных морях Советского Союза встречаются очень оригинальные стеклянные губки. Скелеты этих животных напоминают красиво сотканные из игл и нитей звезды, якорьки, корзинки, вазочки.

Изображенная на фотографии губка напоминает собой бороду, а на конце у нее гнездо, похожее на птичье. Это животное, относящееся к группе кремниевых, всю жизнь проводит на дне моря.

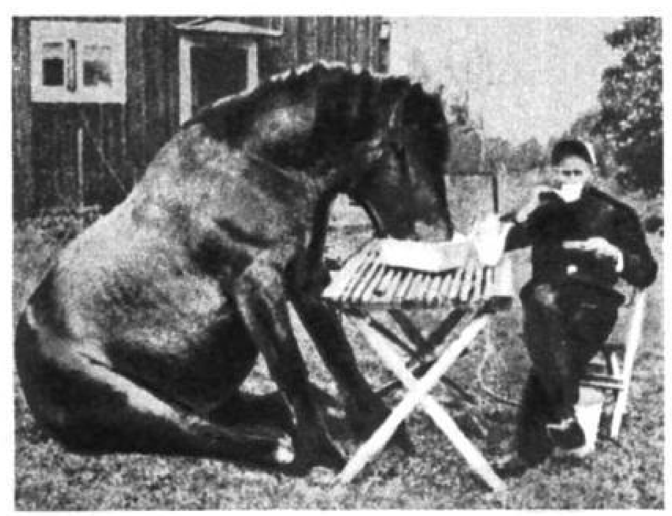
О. Румянцева

Ленинград.

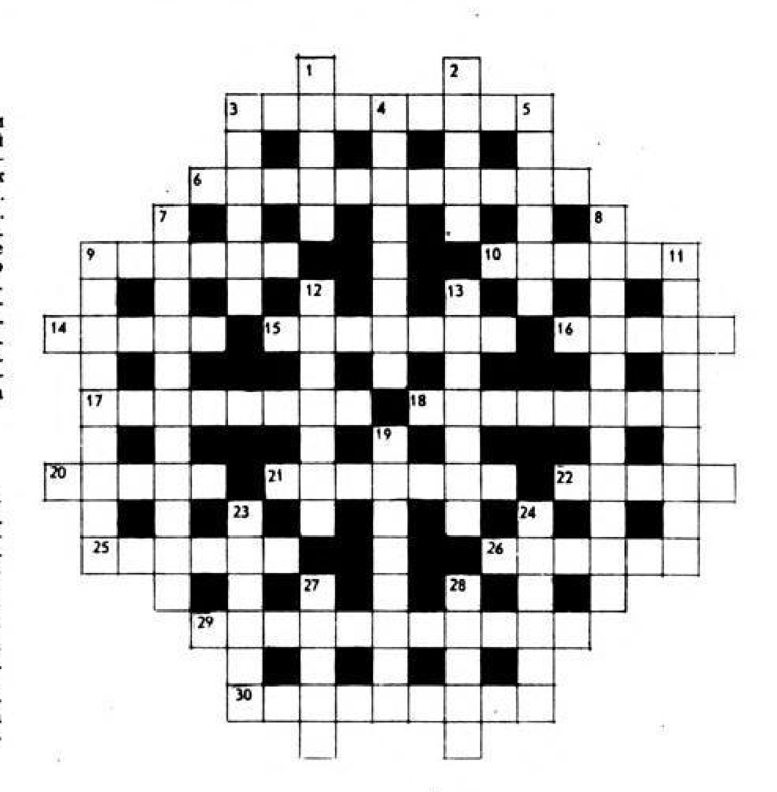

ЗА КОМПАНИЮ

Житель Южной Швеции Андерсон ежедневно завтракает в обществе своей четвероногой любимицы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Курорт в Ставропольском крае. 6. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 9. Автор поэмы «Наливайко». 10. Приток Днепра. 14. Малая планета. 15. Русский механик-изобретатель. 16. Небольшой горный кряж. 17. Музыкальное произведение для оркестра. 18. Коллекционер старинных монет и медалей. 20. Школьная мебель. 21. Продукт перегонки нефти. 22. Французский философ, писатель. 25. Застывший кусок металла. 26. Крытый балкон. 29. Роман Э. Ремарка. 30. Персонаж балета Пуни «Эсмеральда».

По вертикали:

1. Сильный ветер. 2. Денежная единица некоторых стран. 3. Остров в архипелаге Северной Земли. 4. Промысловая птица отряда гусиных. 5. Многолетний режим погоды. 7. Отдел геометрии. 8. Река в Австралии 9. Возрождение. 11. Помещение для чтения лекций, докладов. 12. Повар. 13. Советский биолог. 19. Разновидность капусты. 23. Древний русский город. 24. Маскарадный костюм. 27. Работа на корабле всей командой. 28. Опера А. Г. Рубинштейна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

7. Лермонтов. 8. Параллакс. 11. Чирок. 13. Соната. 14. Такома. 15. Фланель. 16. Пандус. 18. Плесна. 21. Англси. 24. Кессон. 25. Голавль. 26. «Шленск». 28. Баобаб. 29. Олифа. 30. Токомбаев. 31. Литосфера.

По вертикали:

1. Венера. 2. Статут. 3. Ресторан. 4. Молчалин. 5. Паскаль. 6. Экзамен. 9. Транспирация. 10. Сандерленд. 12. Склероскоп. 17. Сочи. 18. Банк. 19. Молдавия. 20. «Богатыри». 22. Нельсон. 23. «Воробей». 27. Карбон. 28. Борона.

— Не понимаю.

— А что понимать-то, спекулянт он и жулик! — И, сердито сверкнув глазами, добавила: — У него три ведра золота припрятано.

— Что же, вы сами видели?

— Видеть не видела, а знаю, что есть. К нему разные люди приходили, золото приносили.

— Кто приносил?

— Не знаю. Должно быть, спекулянты.

— Почему вы решили, что кто пришел, тот золото принес? Может, просто так.

— Догадывалась. Жаден был старик. Деньги для него все! Говорила ему: погубишь себя жадностью, Семен Федотыч. Истинная правда получилась, погубил. Все-то ему мало. А где Андрюшке взять денег? Он и не выдержал. И куда старому такое богатство?! Одного варенья три пуда наварил...— Клавдия Ивановна сжала губы и замолчала.

Куликов сосредоточенно писал. Отвлек негромкий стук в дверь. В кабинет вошел Федор Георгиевич Гончаров, тот самый подполковник, что был вчера в квартире у Мухина. Гончаров вошел не спеша, чуть вразвалку и, пожимая руку Николаю Петровичу, осведомился:

— Не помешал?

— Нет-нет, пожалуйста.— Куликов пододвинул стул вошедшему.— Беседую с Клавдией Ивановной Капитоновой. Вы ее видели вчера.

— Здравствуйте.— Федор Георгиевич поклонился свидетельнице.— Разрешите.— Он потянулся к протоколу допроса, взял его и стал внимательно читать.

— Пока все, Клавдия Ивановна. Спасибо вам.— Куликов поднялся со стула.

— Пожалуйста,— церемонно ответила Капитонова и тоже встала.— Можно идти?

— Одну минуту.— Гончаров дочитал протокол и положил его обратно на стол.— Вчера вы отлучались из квартиры?

— Да, уходила под вечер.

— Куда?

— В церковь. По воскресеньям я всегда ухожу часов в восемь вечера, а обратно возвращаюсь в девять, в начале десятого.

— Понятно. У меня вопросов больше нет.

— Еще раз благодарю.— Куликов протянул Капитоновой листы протокола и попросил подписаться на каждой странице.

Оставшись вдвоем, Николай Петрович подробно рассказал подполковнику о проведенных допросах, о своем впечатлении от свидетелей.

— Факт пребывания Зотова в комнате Мухина,— говорил он,— перебранка со стариком, драка, бегство — все установлено. А если прибавить показания Марины об угрозах ревнивого кавалера расправиться с ее отцом, то нехитрое дело получается, Федор Георгиевич. Как вы считаете?

— А вы?

Не получив ответа, Куликов тоже ответил не сразу. Спрятал в ящик стола протоколы допросов, закурил и, разок-другой глубоко затянувшись, медленно заговорил:

— Ну, что же, я секрета не делаю. Вы обратили внимание, Федор Георгиевич, что за последнее время мы стали бояться простых решений, перестали верить им? Кто знает, может, причиной тому усложненность всего нашего образа жизни, мышления, но прямолинейность и простота кое-кому стали казаться подозрительными. Вот в нашем деле тоже мы склонны искать трудности там, где их и в помине нет. Мы перестали верить тому, что чересчур легко. Я к чему это говорю, Федор Георгиевич? К тому, что в деле Мухина я решил не бояться версии, если так можно выразиться, лежащей на поверхности. Версия эта жизненна, логична и подкреплена свидетелями. Я не могу игнорировать показаний Марины Мухиной, если она недвусмысленно заявляет, что Зотов за несколько часов до убийства грозил расправиться с ее отцом. Я не могу не верить Капитоновой. К тому же есть еще одна существенная деталь: у старика Мухина чем-то тяжелым размозжен затылок. Эксперт установил, что именно это явилось причиной смерти, а смерть наступила в час, когда в комнате находился Зотов. Что же еще нам надо?

— Да-а,— протянул Гончаров.— Улики веские. К ним еще можно добавить, что Зотова дома не оказалось, он был задержан на вокзале. Но удар в затылок, почему в затылок? Значит, старик повернулся спиной к гостю и ругался? Странная мизансцена.

— Ничего странного,— отрезал Куликов.— Мухин повернулся, чтобы показать Зотову, что разговор окончен, а в это время тот ударил его по голове.

Продолжение следует.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия:
И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.
Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный—Д 3-38-63, Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10692. Подписано к печати 31/VIII 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1362. Заказ № 2316.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

●

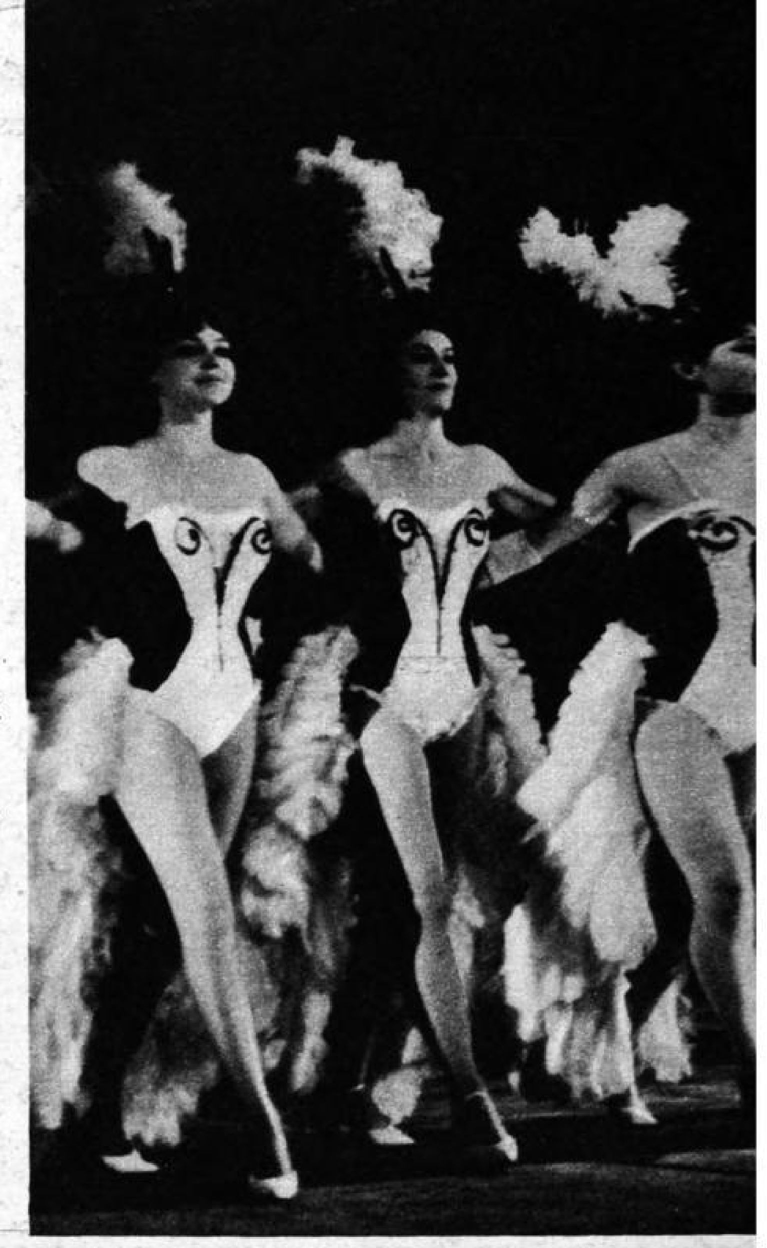
На первой странице обложки: Абсолютная чемпионка мира по высшему пилотажу Галина Корчуганова (слева). Таисия Пересекина заняла второе место на IV чемпионате мира в Москве.

Фото Н. Маторина.

«Мушкетеры».

Фото Е. УМНОВА.

— Когда мы приехали в Париж,— начал свой рассказ заслуженный деятель искусств РСФСР А. П. Конников,—кто-то из французских журналистов заметил: «Ну вот и взошла над Парижем русская радуга!» А наш женский ансамбль действительно так и называется — «Радуга». Рекламные плакаты, развешанные на стенах домов, на тумбах, на стеклах автомашин и автобусов, гласили: «Большой московский мюзик-холл! Сто чудесных артистов из всех советских республик! Самый сказочный спектакль в истории мюзик-холла».

Я не знаю,— сказал Александр Павлович Конников,—был ли наш спектакль действительно самым сказочным за всю историю мюзик-холла, уж, наверное, нет! Но и первые наши гастроли в Париже понравились публике. Они продолжались вместо одного месяца, как было предусмотрено контрактом, два. Те гастроли проходили в 1964 году, вскоре после создания ансамбля; за нашим выступлением в Париже последовали турне по Бельгии, Швейцарии, Польше, Канаде... В Париж мы отправились в следующем году с новой программой, и вместо месяца снова гастролировали шестьдесят дней. Наша теперешняя программа — «100 и 1 день в Париже» — попытка своего рода театрализованного отчета о французских впечатлениях.

Надо сказать, что отклики печати о гастролях и на этот раз были восторженными; как правило, даже газеты, не очень-то дружественные по отношению к Стране Советов, давали положительные рецензии. Был только один отрицательный отклик, но, как ни странно, он обрадовал нас едва ли не больше всех других. Газета «Фигаро литерер» назвала концерт «благотворительностью для молодежи», упрекнув нас в отсутствии секса, обнаженных женщин и культа голого тела!.. Ну, а в Бельгии был просто курьезный отзыв: газета «Пёпль» предложила своему правительству не больше, не меньше, как... просить русских открыть в Брюсселе школу мюзик-холла!

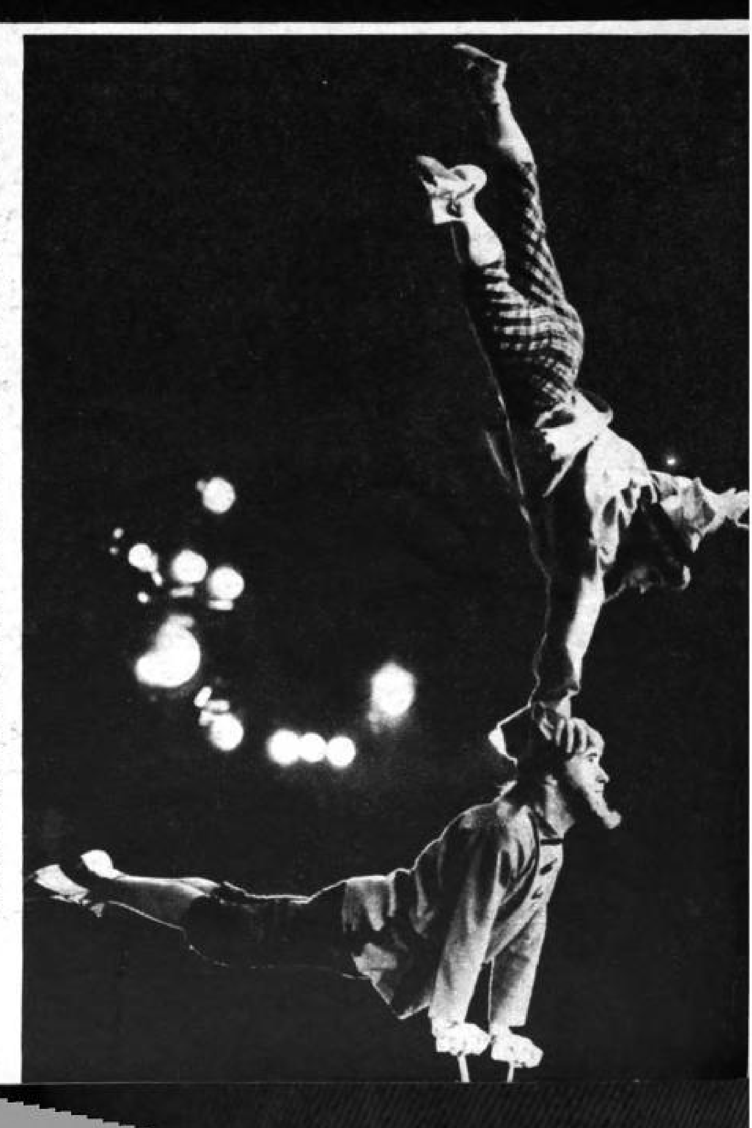
— За что хвалили специалисты,— продолжает Александр Павлович,— выступления наших девушек из ансамбля «Радуга»? Прежде всего за умение великолепно танцевать, за музыкальность и неподдельное веселье, оптимизм. Нравилось и то, что весь спектакль шел на французском языке, хотя до поездки в Париж ни один актер не знал по-французски ни слова. Конечно, это было сюрпризом для всех. Сорок корреспондентов, сидевших на нашей премьере, в перерыве бросились к Афанасию Белову. Но он, увы, зная свой текст наизусть, дополнительно мог сказать по-французски всего лишь «мерси боку»! На следующий день газета «Франс Суар» отмечала уважение советских артистов к зрителям, ради которых была столь быстро и тщательно подготовлена программа на чужом языке.

Гастролировали мы в мюзик-холле «Олимпия». Это большой зал, вмещающий две с половиной тысячи зрителей. Здесь выступают ведущие французские артисты и самые знаменитые иностранные гастролеры. Директор «Олимпии» Бруно Кокатрикс совмещает фактически в одном лице и антрепренера, и импрессарио, и художественного руководителя, и, если хотите, политического деятеля. Представьте себе, как он рисковал, когда впервые выпустил на сцену — и не на один день! — никому не известных советских эстрадников. Это был смелый шаг... Так вот, Кокатрикс рассказал мне, что совсем недавно у него выступал отличный американский ансамбль, артисты работали великолепно, но... максимальное количество зрителей, приходивших на концерты, достигало всего 200 человек. Максимум! Вы представляете! «Как коммерсант,— сказал Бруно,— я чувствовал себя на дне пропасти, а как француз был согласен с моими соотечественниками: они не шли не потому, что им было неинтересно, а потому, что актеры прибыли из Америки».

Достать билеты на наши гастроли было очень трудно. Среди зрителей частенько можно было встретить и русских людей, заброшенных судьбой далеко от родной земли. Собирательный образ такого человека живет в рассказе Афанасия Белова о русском куплетисте-эмигранте. Собственно, образ этот навеян тремя встречами: одна из них — с внуком известного украинского композитора С. С. Гулак-Артемовского. На наши концерты он приходил каждый день. Другой — бывший циркач, воздушный гимнаст, сбежавший некогда из своей страны. Он всякий раз убеждал нас, что живет очень прилично и ни о чем не жалеет. Правда, ходил в одной и той же весьма потертой бархатной тужурке, а перед самым концом гастролей спросил меня, не можем ли мы помочь ему устроиться в Одесский дом ветеранов цирка!.. Но больше всего нас потрясла третья встреча — со стариком, который пел куплеты по-русски в небольшом кабаре. Никто его не слушал, никому он не был нужен. Люди за столами ели, пили, разговаривали, смеялись, а он ходил между столами с пустыми, грустными глазами...

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

МЮЗИК-ХОЛ

Мы много встречались со своими французскими коллегами. Слышали и видели замечательных французских певцов — Бреля, Азнавура, Беко; разговаривали с Марселем Марсо и Жозефиной Беккер. Многие из нас были на ее концерте.

Знаменитая артистка варьете, прославившаяся еще в тридцатых годах, она недавно снова вернулась на сцену, хотя ей уже более шестидесяти лет. Она поет разные песни — то лирические, то шуточные, то какую-то молитву, а потом вдруг начинает танцевать «Румбу»! В середине танца актриса останавливается и спрашивает у публики: «Вы думаете, это легко — танцевать «Румбу» в шестьдесят лет?» И весь зал аплодирует мужеству артистки, вынужденной после блестящей карьеры снова зарабатывать себе на жизнь...

А в конце спектакля Жозефина Беккер выходит к публике, садится на край сцены, свесив ноги в оркестровую яму, и начинает тихо петь песню, сочиненную ею самой, о своих приемных детях. А их у нее около двух десятков — ребятишки всех цветов кожи и разных национальностей. Поет о том, как хорошо все они живут, в мире и дружбе.

И как было бы хорошо, думали мы, если бы дети всей планеты так же жили в мире и дружбе, как дети Жозефины Беккер...

Л ДЕ МОСКУ

«Гномы»—братья Воронины.

Все спорится в руках бога, он же Сергей Савельев.

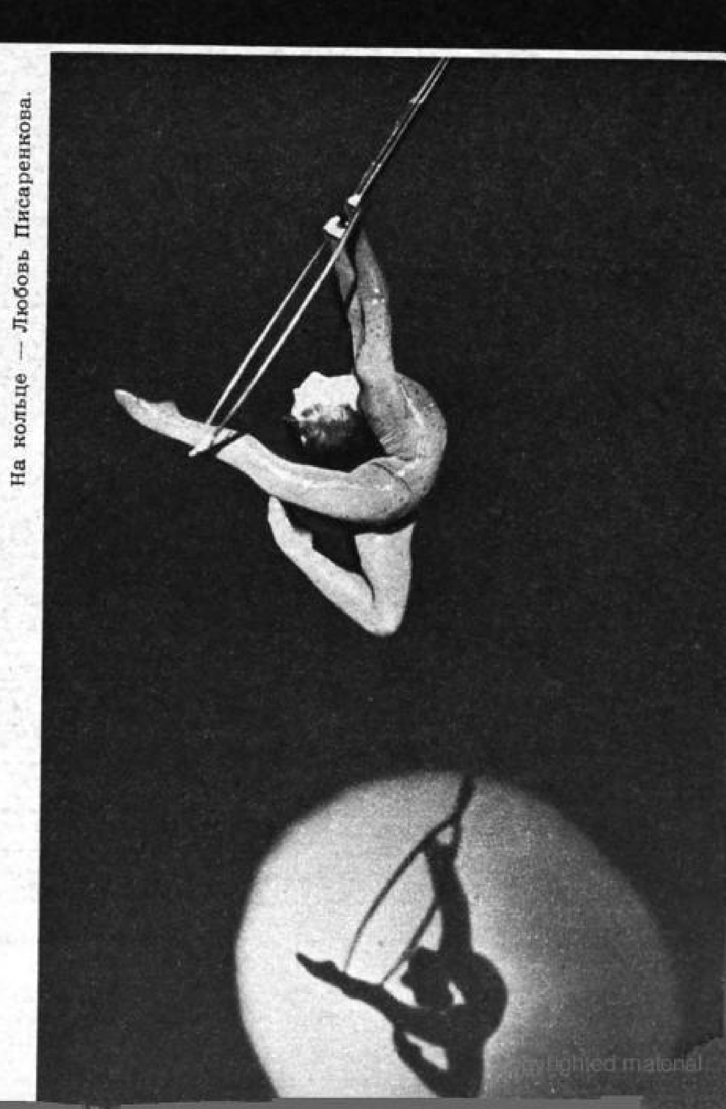
Афанасий Белов.

...Вверх по канату. Номер исполняет Светлана Родионова.

На последней странице обложки: Московский мюзик-холл. Танец «Вятские игрушки» исполняет ансамбль «Радуга».

На кольце — Любовь Писаренкова.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663